

144.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

144

**СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДРЕВНОСТИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

144

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДРЕВНОСТИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА, 1975

В выпуске представлены статьи и публикации по истории, материальной и духовной культуре народов Восточной Европы в средневековый период. Новые, разнообразные и интересные археологические материалы из раскопок курганов, городищ и населенных пунктов не только дополняют ранее имевшиеся данные, но и позволяют по-иному взглянуть на некоторые явления и события того времени.

Редакционная коллегия:

Н. Н. Воронин, О. С. Гадзяцкая (ответственный секретарь), Н. Н. Гурина,
И. Т. Кругликова (ответственный редактор),
К. Х. Кушнарёва, А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев,
П. А. Рапопорт (зам. ответственного редактора),
В. В. Седов, Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон

I. СТАТЬИ

Е. А. ГОРЮНОВ

О ПАМЯТНИКАХ ВОЛЫНЦЕВСКОГО ТИПА

Проблематика того сложного периода в истории левобережного Поднепровья, который предшествует образованию Киевской Руси, включает немало вопросов, все еще остающихся до конца не выясненными, спорными. Это касается, в частности, датировки памятников, именуемых волынцевскими, характера связи последних с роменской культурой и их происхождения.

Волынцевские памятники, в отличие от роменских, которым они, бесспорно, очень близки, малочисленны. Однако то количественное соотношение между теми и другими, которое имеет место в настоящее время, вряд ли является действительным. В роменской культуре лучше всего представлены городища, т. е. такие памятники, которые не являются загадочными даже для местного населения и в большинстве стали известными уже дореволюционной археологии, хотя культурно-хронологическое определение многих из них было выполнено сравнительно недавно, лишь в конце 40-х и в 50-е годы¹. То же самое можно сказать и о роменских погребальных памятниках, видимо, преимущественно курганных, зачастую, правда, разрушенных распашками².

Иначе обстоит дело с волынцевскими поселениями, а также, возможно, и могильниками, так как трактовка последних Д. Т. Березовцом как бескурганных³ хотя и не может быть пока признана достаточно обоснованной⁴, но все же не лишена вероятности. Волынцевские поселения, как теперь выясняется, были преимущественно неукрепленными и занимали в основном низкие, граничащие с поймой места, нередко находясь в непосредственной близости от рек. Поиски поселений, расположенных в таких топографических условиях, могут быть по-настоящему результативными лишь в том случае, если это будут специально предпринятые тотальные обследования как крупных, так и малых рек. А этого в отношении большей части Левобережья пока не делалось.

Но и при всем этом число волынцевских памятников постепенно растет. Ныне они известны не только в левобережной, но и правобережной части.

¹ И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. МИА, № 104, 1961, стр. 11 и др.

² В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. МИА, № 163, 1970, стр. 126—128.

³ Д. Т. Березовец. Дослідження на території Путівського району Сумської області. АП, т. III, 1952, стр. 242—250.

⁴ И. И. Ляпушкин. К вопросу о памятниках волынцевского типа. СА, вып. XXIX—XXX, 1959, стр. 58—65, 82, 83.

Поднепровья⁵. Четыре неукрепленных поселения с керамикой типично волинцевских форм были обнаружены в лесостепном Левобережье в 1971 и 1972 гг. Днепровским Левобережным отрядом ЛОИА.

Первое из них находится на правом берегу р. Груни — притоке Псла, напротив хут. Вовки Зеньковского района Полтавской области. Селище расположено у подножия высокого коренного берега, на широком распаивающемся мысу. Высота мыса над поймой у его основания 6—7 м, а в южной оконечности, граничащей с заболоченной старицей Груни, она не превышает 4 м. Размеры поселения составляют 60—80×100—120 м. Культурный слой распахан.

Найденная при обследовании керамика немногочисленна. Она делится на лепную и гончарную. Лепная керамика — грубая, с примесью шамота в тесте, плохо обожженная. В ней представлены горшки и сковородки, украшенные по верхнему краю ямками (рис. 1, 9—10). Гончарная керамика, преобладающая в численном отношении, имеет плотное, хорошо обожженное тесто без заметных примесей или с мелким шамотом. Поверхность гладкая коричневатого цвета. Посуда в большей части орнаментирована проложенными линиями — вертикальными и образующими косой сетчатый узор (рис. 1, 12, 13), а также в виде прочерченных волн — одинарных и многорядных. Были найдены и обломки раннесредневековых амфор — тонкостенных, с мажущей бороздчатой поверхностью красноватого и оранжево-красного цвета (рис. 1, 11, 14).

Другое селище с почти аналогичной керамикой расположено на правом берегу Псла между хут. Терновым и с. Савинцы Миргородского района Полтавской области. Оно находится в устье мокрой балки, прорезавшей первую надпойменную террасу Псла, на правом ее берегу. Поселение известно в литературе как принадлежащее только черняховской культуре⁶. Вновь проведенные обследования показали, что оно содержит разновременные культурные отложения, а именно бронзового века, III—IV вв. (черняховская культура) и VIII—IX вв. Слой VIII—IX в основном занимает его восточный конец, ближе к пойме Псла. Принадлежащая ему лепная и гончарная керамика (рис. 1, 1—6) находит прямые соответствия в древностях волинцевского круга. Лепная керамика изготовлена из плохо промешанного теста с примесью крупного шамота и имеет бугристую, небрежно сглаженную поверхность. Один из лепных венчиков украшен по краю пальцевыми вдавлениями (рис. 1, 2). Гончарная керамика, как и лепная, найденная в небольшом числе, представлена обломками горшков с высоким вертикальным венчиком, орнаментированных проложенными полосками (рис. 1, 5, 6), а также красноглиняных амфор с бороздчатой поверхностью, покрытой белым ангобом (рис. 1, 4), которые датируются VIII—IX вв.⁷

Третье из обнаруженных селищ находится на правом берегу р. Сулы, в 0,8 км ниже по ее течению у с. Пески Роменского района Полтавской области. Оно расположено у подножия коренного берега, на пологом выступе, возвышающемся над поймой на 0,7—1,1 м, слева от устья небольшой балки. Культурный слой распахан и стратиграфически не выражен. Размеры поселения не превышали 60—70×40—60 м. Найденная керамика не выразительна. В той части, которая имеет волинцевскую атрибуцию, она делится на лепную и гончарную. Лепная керамика преимущественно грубая, с примесью шамота в тесте, плохо обожженная; гончарная отличается тщательностью выделки, разнообразием орнаментальных мотивов,

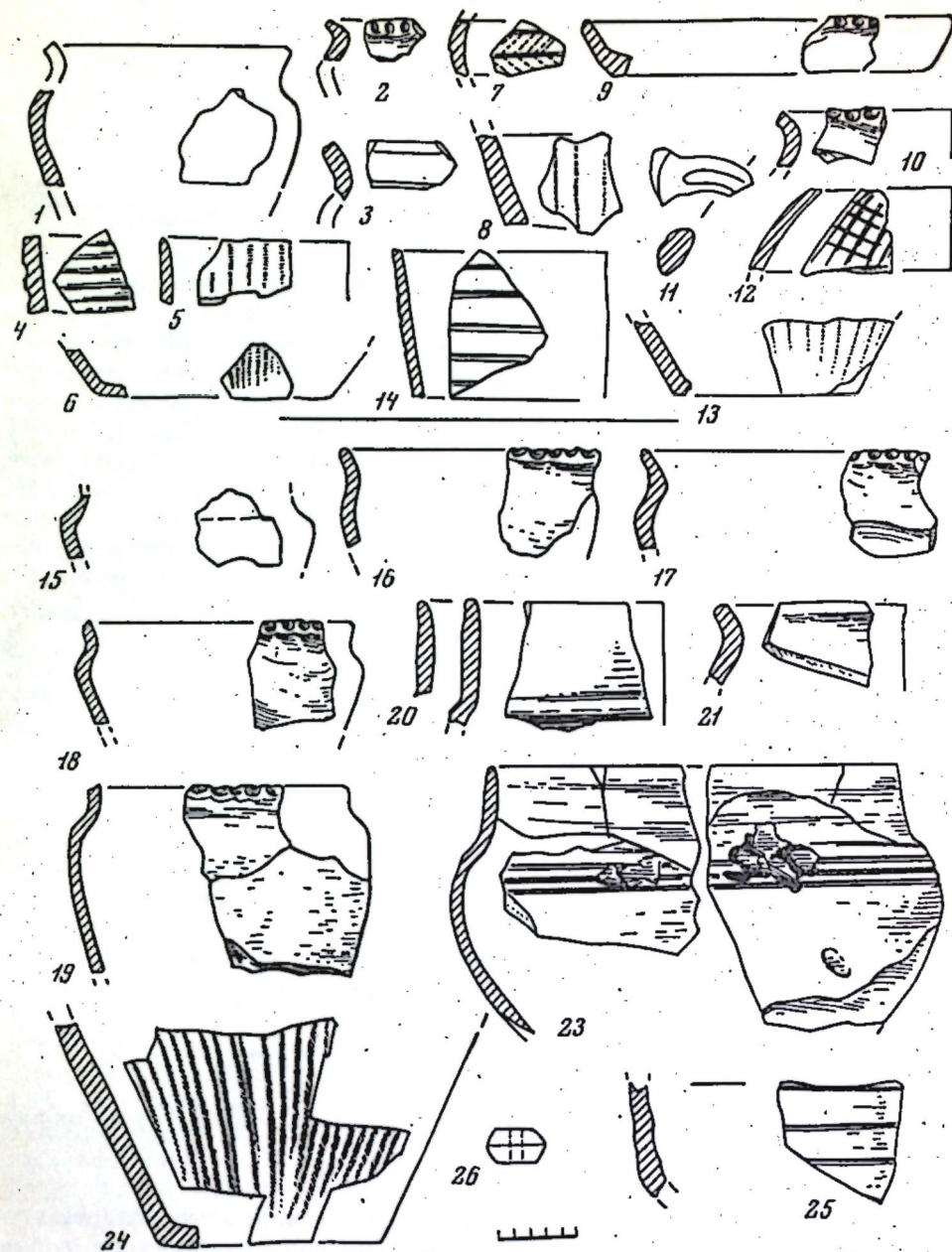

Рис. 1. Лепная и гончарная керамика с поселений волинцевского типа

1—6 — между хут. Терновым и с. Савинцы; 7—8 — близ с. Пески; 9—14 — у хут. Вовки; 15—26 — юго-западная окраина с. Васильки;
1—3, 9, 10, 15—19 — лепная; 4—8, 11—14, 20—25 — гончарная

обычных для керамики этого типа (рис. 1, 7, 8). Элементы орнамента — прочерченные и проложенные линии, отпечатки зубчатого штампа. Тесто плотное, без видимых примесей; поверхность гладкая, иногда подложенная, коричневого цвета. Относительно форм, к сожалению, ничего определенного сказать нельзя.

Четвертое поселение, открытое на юго-западной окраине с. Васильки Лохвицкого района Полтавской области, подверглось небольшому раскопкам и может быть охарактеризовано полнее предыдущих. Оно расположено в излучине правого берега р. Сулы, на его сниженном участке высо-

⁵ Р. С. Орлов. Поселения с керамикой волинцевского типа на Київщині. «Археологічні дослідження на Україні в 1969 р.», вип. IV. Київ, 1972, стр. 236—241; Н. М. Кравченко. К изучению истории Киевского Поднепровья в I тысячелетии н. э. «Баларускія старажытнасці». Менск, 1972, стр. 94.

⁶ Н. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье..., стр. 173.

⁷ С. А. Плетнева. От кочевий к городам. МИА, № 142, 1967, стр. 129.

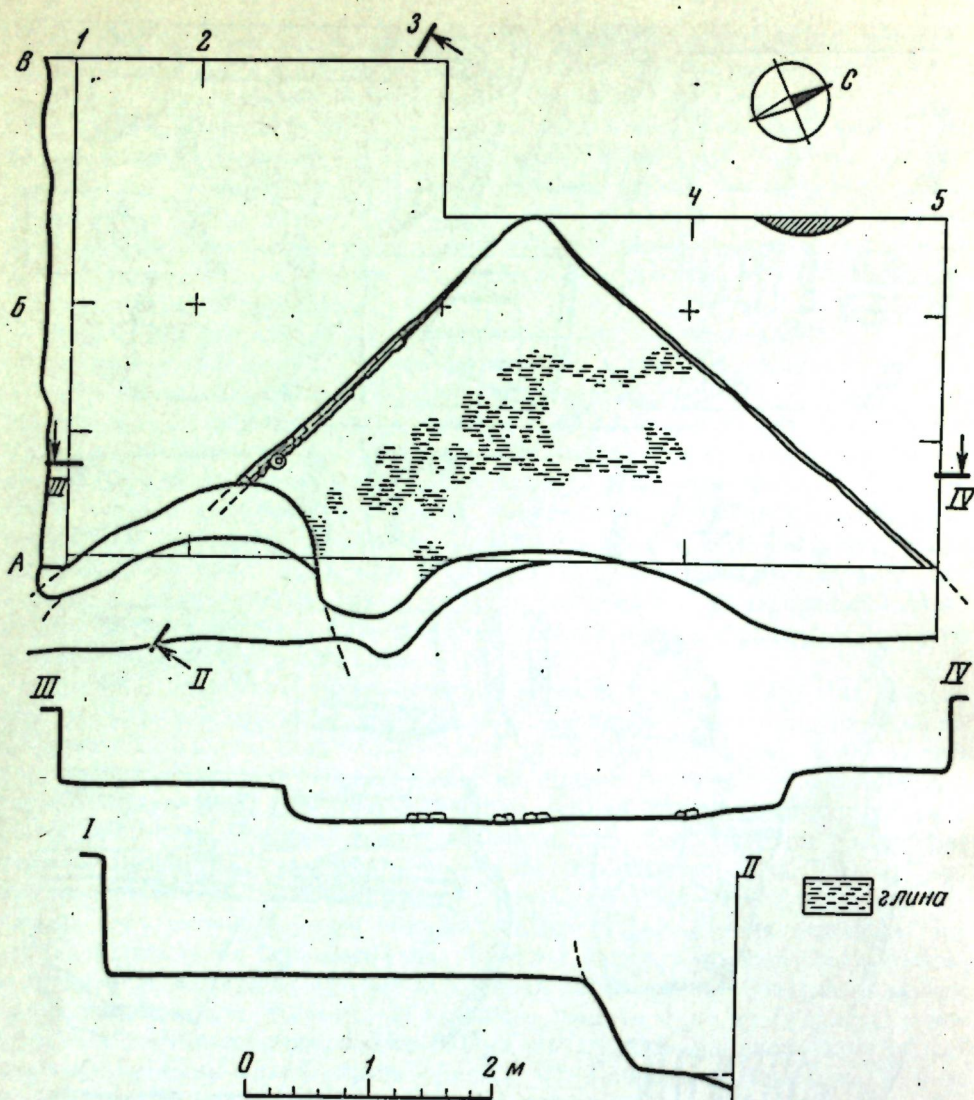

Рис. 2. Поселение на юго-западной окраине с. Васильки. План и профили жилища

той от 4 до 6 м, ограниченном с юга широкой балкой, по дну которой проходит асфальтовая дорога на Лохвицу. Поселение отделено от поймы небольшим уступом, по которому проложена грунтовая дорога, соединяющаяся с асфальтовой. Культурный слой разрушен по линии берега и больше всего в ближней к балке части, где некогда был карьер. В обнажениях берега он прослеживается на протяжении 60—70 м, его толщина колеблется в пределах от 0,9 до 0,2 м.

На поселении было исследовано полуземляночное жилище, нарушенное карьером. Выявлены угол жилища и части образующих его стен с остатками сгоревшей деревянной облицовки. Последняя скреплялась небольшими вертикальными столбами, из которых удалось проследить лишь один — горелый, диаметром 13 см, относящийся к западной стене (рис. 2). Частично сохранился пол, подмазанный глиной.

Верхний горизонт горелого дерева, определявшего контуры полуземлянки, залегал в культурном слое толщиной 0,6—0,9 м на глубине 0,5—0,55 м от уровня современной дневной поверхности. На этой же глубине были обнаружены два больших неправильных очертания скопления пе-

чины, одно размером около 1,6×0,6 м, у северной стены, другое, имевшее размеры 0,9×0,7 м, поблизости от западной. Пол находился на глубине 0,2—0,26 м от уровня материка. В заполнении жилища, кроме печины, встречены отдельные куски горелого дерева, возможно, от перекрытия, а также обломки лепной и гончарной керамики.

Почти две трети найденной в жилище и культурном слое керамики принадлежит лепным горшкам небольших размеров, с примесью шамота в тесте, с бугристой, плохо оглаженной поверхностью. Венчики в большинстве отогнутые, со скошенным наружу краем, покрытым ямочным орнаментом; их диаметр обычно не превышает 20 см. Плечики крутые. Тулово книзу сужено и имеет почти прямые стенки (рис. 1, 15—19). Днища плоские с закраиной. Горшки этого вида составляют одну из основных форм в посуде волинцевских памятников⁸. Обычны они и для роменской культуры, особенно ранних ее памятников, таких как Опошнянское городище⁹. Гончарная керамика состоит главным образом из обломков горшков так называемого волинцевского типа, наиболее характерным признаком которых является высокий вертикальный венчик (рис. 1, 20, 21, 23). Она имеет плотное, хорошо обожженное тесто без грубых примесей, гладкую, изредка подлощенную поверхность; цвет черный и коричневый. Эта керамика в большей части украшена вертикальными пролощенными линиями (рис. 1, 24). Плечики одного из сосудов покрыты тремя широкими бороздками (рис. 1, 23).

Кроме того, среди керамики имеются единичные обломки круглодонных амфор с бороздчатой поверхностью (рис. 1, 25), а также горшков с коротким, плавно отогнутым венчиком (рис. 1, 22). Было найдено также массивное глиняное пряслице¹⁰ (рис. 1, 26).

Поселения, о которых шла речь, находятся много южнее известных до этого на Левобережье памятников того же облика, близко подходя к намеченной И. И. Ляпушкиным южной границе роменско-боршевской культуры¹¹. Аналогичные памятники недавно были обнаружены и в ее северном пограничье. Характерная для этого круга древностей лепная и гончарная керамика встречена В. А. Падиным на поселении в урочище Макча под Трубчевском¹², а Ф. М. Завеняевым — на поселении в устье р. Гасомы — несколько севернее Брянска и у дер. Посудичи на р. Судости¹³. Последние исследования показали и более широкое, чем это предполагалось ранее, распространение волинцевских памятников в направлении с запада на восток. Восточную границу их ныне определяют селище у с. Ходосовка близ Киева, Обуховка II на р. Стучне¹⁴ и, возможно, селище на территории древнего Белгорода, относимое В. А. Дяденко¹⁵ к раннеславянской поре, самым восточным является могильник Лебяжье 3 под Курском, давшим погребения, во всех основных деталях повторяющие исследованные Д. Т. Березовцом у с. Волонынцево Сумской области¹⁶.

⁸ И. И. Ляпушкин. К вопросу о памятниках волинцевского типа, стр. 66.

⁹ И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье..., стр. 268—304, рис. 118, 2; 142, 2; 146, 2.

¹⁰ Кроме описанной керамики, на поселении встречены отдельные обломки лепной керамики бронзового века и гончарной XII—XIII вв.

¹¹ И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье..., стр. 215—217.

¹² В. А. Падин. Раскопки поселения в урочище Макча близ Трубчевска. СА, № 4, 1959, стр. 208—218 и рис. 5.

¹³ Ф. М. Завеняев. Селища бассейна р. Судости. СА, № 3, 1960, стр. 186, рис. 5, 1—6, 10—13.

¹⁴ Р. С. Орлов. Указ. соч., стр. 236—241; Н. М. Кравченко. Указ. соч., стр. 94.

¹⁵ В. А. Дяденко. Раннеславянские памятники на территории древнего Белгорода. КСИА АН УССР, вып. 12, 1962, стр. 85.

¹⁶ Неопубликованные материалы раскопок Ю. А. Липкина. Керамика могильника хранится в Курском педагогическом институте.

Таким образом, мало-помалу становится несомненным, что ареал во-
лынцевских памятников был шире предполагавшегося в свое время
И. И. Ляпушкиным¹⁷, вовсе не незначительным, якобы далеко уступаю-
щим территории распространения роменской культуры.

Д. Т. Березовец, полемизируя с С. А. Плетневой, справедливо отме-
тил, что гончарная керамика с высоким вертикальным венчиком, в нема-
лой степени характерная для рассматриваемых древностей, в большинстве
их не являлась местной. В количественном отношении она, как правило,
уступает лепной. В частности, на Волынцевском поселении, по подсчетам
Д. Т. Березовца, гончарная керамика составляет всего около 5%¹⁸. Посто-
янно встречается в них и явно привозная керамика тех форм, которые
обычны для салтово-маяцкой культуры. Места ремесленного производства
идентичной в технологическом отношении посуды известны в Подне-
провье. Они открыты у с. Мачуха близ Полтавы и в балке Канцирка
в Надпорожье¹⁹. К этому можно добавить, что отдельные салтовские па-
мятники содержат керамику, и по формам аналогичную волынцевской гон-
чарной²⁰.

Гончарная керамика — почти единственное, что связывает волынцев-
ские памятники с алано-болгарской средой Придонья и Приазовья. И это
обстоятельство не позволяет согласиться с мнением М. И. Артамонова
о том, что эти памятники принадлежат западным болгарам — кутригурам,
ассимилированным славянами вскоре после их разгрома хазарами²¹.

Волынцевские памятники, для которых характерны прежде всего те
черты, которые сближают их с достоверно славянской роменской культу-
рой VIII—X вв., несомненно в своей основе славянские. В роменской
культуре находят полное соответствие волынцевские жилища-полузем-
лянки с глиняной прямоугольной печью в углу, а также формы лепной ке-
рамики этих памятников. Отмеченный для них обряд погребения — сожже-
ние на стороне, с захоронением останков в урне, также типичен для сла-
вян, хотя был присущ и не только им.

Вместе с тем нужно признать, что население лесостепной части Лего-
бережья в VIII—IX вв. не было этнически однородным. Смешанным оно
было, видимо, прежде всего в восточных районах, ближе к салтовскому
пограничью. Здесь находится Битицкое городище, на котором особенно
много численна гончарная керамика волынцевских, а также и чисто салто-
вских форм и где И. И. Ляпушкин обнаружил разные по характеру жили-
ща: «... две... — полуземляночного типа и одна — наземного, лишь
слегка углубленная», в отличие от первых двух не с печью в углу, а с гли-
няным округлым очагом в центре²². В данном случае налицо несомненно
два различных этнических компонента, представленных и в керамике и
в жилищах: славянский (роменский) и алано-болгарский (салтово-маяц-
кий), причем не исключено, что первый из них здесь не является основ-
ным. Очевидно, не связаны со славянами захоронения, обнаруженные
в двух ямах-подбоях «сооружения № 25» на поселении в урочище Стан
у с. Волынцево²³. Особенности отдельных памятников — Битицы, Волин-
цева и других позволяют говорить о взаимодействии в лесостепном Лего-

бережье в VIII—IX вв. славян, составлявших основную этническую
массу, и постепенно славянизирующихся алано-болгар²⁴.

В литературе распространены две основные точки зрения на датировку
волынцевских памятников, из которых одна была выдвинута Д. Т. Бере-
зовцем²⁵, а другая И. И. Ляпушкиным²⁶. Согласно Д. Т. Березовцу, дан-
ные памятники представляют самостоятельный этап развития славянской
культуры на Левобережье, который предшествует роменскому и прихо-
дится главным образом на VI(VII)—VIII вв. По И. И. Ляпушкину, во-
лынцевские памятники, несмотря на отдельные элементы в керамике, не-
свойственные роменско-боршевской культуре, в целом близки ей и, следо-
вательно, должны быть отнесены к тому же, что и она, времени, т. е.
VIII—X вв. Если Д. Т. Березовцем при решении этого вопроса в расчет
были взяты главным образом отличия одних памятников от других — во-
лынцевских от роменских, то И. И. Ляпушкиным — общие для тех и дру-
гих черты.

Широкое распространение волынцевских памятников на Левобережье,
как и отличительные особенности их керамики, как будто подтверждает
первую точку зрения. В пользу нее, на первый взгляд, говорит и то, что
в ряде поселений (Монастырище, Полтавском и др.) роменские комплексы
находятся в типологической, а иногда и стратиграфической связи с гори-
зонтами древнерусской поры. Однако роменские памятники не единооб-
разны. Среди них имеются и такие, которые совершенно не содержат
какой-либо гончарной керамики, за исключением разве обломков кругло-
донных амфор салтовского типа, сплошь и рядом встречающихся и в во-
лынцевских древностях. К ним относится, в частности, Опошнянское го-
родище, нижней датой которого И. И. Ляпушкин вполне обоснованно счи-
тает VIII в.²⁷ Волынцевские черты прослеживаются и в керамике Ново-
троицкого (IX—начало X в.), а также целого ряда других роменских
памятников, датируемых суммарно VIII—X вв.²⁸ Наконец, достаточно
точно датируется временем не ранее конца VIII в. волынцевское, по при-
надлежности, Битицкое городище²⁹. Все это не оставляет сомнения в том,
что волынцевские памятники одновременны той наиболее ранней части ро-
менских городищ, которую отличают в целом общие с ними признаки.

Датировка, предложенная Д. Т. Березовцем, вызывает возражение
еще и потому, что для предроменского времени в Левобережном Подне-
провье известны совсем иные памятники. Они составляют здесь две тер-
риториальные группы — южную и северную. В первую входят памятники
так называемого пенковского типа, открытые впервые на Правобережье
и до последнего времени там только и изучавшиеся³⁰. На Левобережье
они занимают южную окраину лесостепи и отдельные степные районы³¹.
Их следует датировать VI—началом VIII в.³² Верхняя дата находит под-

¹⁷ И. И. Ляпушкин. К вопросу о памятниках волынцевского типа, стр. 80, 81.

¹⁸ Д. Т. Березовец. Слов'яни племена салтівської культури. «Археологія», т. XIX, 1965. Київ, стр. 47—67.

¹⁹ Н. Макаренко. Отчет об исследованиях в Полтавской губ. в 1906 г. ИАК, вып. 22, 1907, стр. 116 и сл.; А. Т. Брайчевська. Розкопки гончарського горна в балці Канцирка в 1955 р. «Археологія», т. XIII. Київ, 1961, стр. 114.

²⁰ С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 121, рис. 31, 34 на стр. 123.

²¹ М. И. Артамонов. Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья. «Доклады Географического общества СССР», вып. 15. Л., 1970, стр. 29, 30 и др.

²² И. И. Ляпушкин. К вопросу о памятниках волынцевского типа, стр. 65—76.

²³ Д. Т. Березовец. Новые раскопки в с. Волынцево. «Археологические исследования на Украине 1965—1966 гг.», вып. I. Київ, 1967, стр. 166—168, рис. на стр. 167.

²⁴ К тому же выводу пришел В. В. Седов (указ. соч., стр. 128—131). Правда, он пишет о славянизирующихся алано-сарматах, полагая, что они были носителями салтовской культуры.

²⁵ Д. Т. Березовец. Дослідження на території Путивльського району..., стр. 242—250; он же. Северяне (перед образованием Киевской Руси). М., 1969, стр. 6—18. Автореф. канд. дисс.

²⁶ И. И. Ляпушкин. К вопросу о памятниках волынцевского типа, стр. 58—83.

²⁷ И. И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ славян VIII—X вв. КСИИМК, вып. XII, 1946, стр. 112—127.

²⁸ И. И. Ляпушкин. К вопросу о памятниках волынцевского типа, стр. 76, 77.

²⁹ Там же, стр. 78.

³⁰ Д. Т. Березовец. Поселения уличей на р. Тясмин. МИА, № 108, 1963, стр. 145—208.

³¹ Б. А. Шрамко. Дослідження пам'яток в басейнах Сіверського Дінця і Ворскли. «Археологічні дослідження на Україні в 1969 р.», вып. IV, стр. 125—128; Е. А. Горюнов. Отчет о работе Днепровского Левобережного отряда в 1971 г. Архив ЛОИА АН СССР, к. п. 1746.

³² М. И. Артамонов. Славяне и болгары в Поднепровье. «Berichte über den II. Internationalen Kongress für Slawische Archäologie», Bd. I. Berlin, 1970, S. 119—132.

тверждение в исследованиях С. А. Плетневой на салтовском катакомбном могильнике у с. Дмитровское на р. Короче. Здесь была открыта группа захоронений по обряду сожжения, сопровождавшихся, по определению С. А. Плетневой, пеньковской керамикой, причем в одном из погребений вместе с характерно пеньковским горшком биконической формы, служившим урной, находился типично салтовский пифос-корчага³³.

Вторую группу в Левобережном Поднепровье составляют памятники типа Колочинского I городища и Лебяжьего I. В поречье Десны ныне они насчитываются десятками. Здесь их изучали П. Н. Третьяков, В. А. Падин и др.³⁴ В Курском Посеймье этой группе принадлежит селище Воробьевка 2, раскапывавшееся Э. А. Симоновичем, и ряд памятников, исследованных Ю. А. Липкиным³⁵. Сюда относится, видимо, и несколько поселений, открытых в поречье Сулы и Псла В. А. Ильинской и А. И. Тереножкиным, а также Днепровским Левобережным отрядом ЛОИА³⁶.

И эта группа, судя по всему, существует вплоть до начала VIII в. Верхняя ее граница устанавливается по находкам вещей «антских» типов (Усох, Лебяжье I, Замошанская Дюна и др.), стрел так называемого аварского типа (Хохлов Вир) и др. На одном из селищ северной группы — Целиковом Бугре близ г. Новгород-Северского, вместе с лепной керамикой преимущественно баночных форм были встречены единичные обломки гончарных сосудов, в том числе с профилировкой венчика, свойственной пастырской керамике VII—VIII вв.³⁷ Обращает на себя внимание и единственный в керамике селища сосуд с высоким вертикальным венчиком, видимо, гончарный, с плотным тестом без грубой примеси и хорошо сглаженной поверхностью³⁸. В технологическом отношении, не говоря уже о форме, он находит полные аналогии в керамике поселения в урочище Стаи у с. Волинцево³⁹. Можно думать, что распространение на Левобережье гончарной салтоидной керамики предшествует появлению здесь памятников, для которых она стала необходимым элементом, т. е. волинцевских. Это особенно отчетливо прослеживается на поздних пеньковских древностях, облик которых также в известной мере определяет гончарная привозная керамика в общем того же типа.

Итак, исследованиями, проведенными на Левобережье в последние годы, был несколько уточнен ареал и полнее раскрыт характер памятников волинцевского типа. Вместе с тем, нужно признать, что фактологическая основа изучения VIII—X вв. на Левобережье остается далеко не достаточной, в силу чего отдельные вопросы, важной для славянской археологии темы пока не могут получать окончательных решений.

³³ С. А. Плетнева. Работа Северо-Донецкого отряда. В сб. «Археологические открытия 1966 года». М., 1967, стр. 54, 55.

³⁴ П. М. Третьяков. Старожитності I тисячоліття н. е. в Середньому Подесенні. «Середні віки на Україні», вип. I. Київ, 1971, стр. 113—120; В. А. Падин. Раннеславянские поселения и могильник в районе Трубчевска. СА, № 3, 1960, стр. 317.

³⁵ Э. А. Симонович. Исследование черняховского поселения Воробьевка 2. В сб. «Археологические открытия 1970 г.». М., 1971, стр. 70—72; Ю. А. Липкин. О чем рассказывают курганы. Воронеж, 1966, стр. 38—51.

³⁶ В. А. Ильинская. Новые данные о памятниках середины I тыс. н. э. в Днепровской Левобережной лесостепи. В сб. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 55—61; Е. А. Горюнов, А. А. Пескова. Работы в Днепровском лесостепном Левобережье. В сб. «Археологические открытия 1972 г.». М., 1973, стр. 271.

³⁷ Е. А. Горюнов. Селище Целиков Бугор на Средней Десне. КСИА, вып. 129, 1972, стр. 44, рис. 14, 1—3.

³⁸ Там же, стр. 44, рис. 14, 5.

³⁹ Раскопки Д. Т. Березовца 1948, 1949, 1965 гг. Фонды ИА АН УССР.

В. А. КУЗНЕЦОВ, А. А. МЕДЫНЦЕВА

СЛАВЯНО-РУССКАЯ НАДПИСЬ XI В. ИЗ С. ПРЕГРАДНОГО НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В 1799 г. в труде о путешествии в южные губернии России П. С. Паллас впервые сообщил о каменном кресте высотой 4 аршина, с короткими поперечными выступами («армен» — руками), виденном им у почтовой станции Преградной на р. Большой Егорлык. П. С. Паллас писал также, что крест вытесан из известняка, на западной его стороне имеется изображение «несторнянского» креста, а ниже плохо сохранившаяся надпись, в которой можно прочесть только слова *іваншии и двроус*¹.

Следующее упоминание этого памятника принадлежит П. Г. Буткову, служившему на Кавказе и неоднократно видевшему крест между 1792—1803 гг. В 1803 г. он скопировал надпись на кресте, причем «многие слова стерты уже были тогда временем и шалостью невежд, сохранились же только следующие:

гои + и гдиш ш раба к нив банавроусъ I

Один любопытный приятель мой уверял меня, что на сем памятнике около 1775 года, скоро по распространению Кавказской линии от Моздока до Азова, видно было означенное явственно лето мира, соответствующее 1041 году от рождения Христа»².

В 1881 г. И. Помяловским был издан свод греческих и латинских надписей Кавказа, в котором интересующая нас надпись стоит на первом месте, хотя автор свода нигде не называет ее греческой (тем более латинской). Надпись воспроизведена по П. Г. Буткову с добавлением некоторых разночтений по его архивным материалам. Указав, что П. Г. Бутков «передает эту надпись как славянскую», И. Помяловский ее не комментирует³.

Советские исследователи обращались к надписи из Преградного дважды. В 1948 г. появилась статья Г. Ф. Турчанинова, в которой три нижние строки надписи при помощи довольно произвольных изменений и добавлений прочитаны по-кабардински⁴. В литературе уже отмечалась неправомерность «кабардинских приписок» Г. Ф. Турчанинова⁵. Присоединяясь к этой оценке, отметим, что в указанной статье содержится и заслуживающая серьезного внимания трактовка трех верхних строк пре-

¹ P. S. Pallas. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs, Bd. I. Leipzig, 1799, стр. 440.

² П. Г. Бутков. Нечто к слову о полку Игоря. «Вестник Европы», ч. СХХI. СПб., 1821, ноябрь, стр. 60, прим. 49; см. также: «Библиографические листы Кеппена», 1825, № 30, стр. 435.

³ И. Помяловский. Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. СПб., 1881, стр. 3, 4.

⁴ Г. Турчанинов. Кабардинская переписка на памятнике славяно-русского письма XI в. из-под села Преградного. «Известия АН СССР, отд. литературы и языка», т. VII, вып. 1, 1948, стр. 78, 79.

⁵ Л. И. Лавров. Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории. СЭ, 1956, № 1, стр. 22—23; Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, стр. 176, 212, прим. 149.

градненской надписи. Что же касается двух нижних строк, отсутствующих в оригинале и дошедших в передаче П. Г. Буткова, их чтение остается для нас неясным и требует внимания специалистов.

В 1955 г. Е. Г. Пчелина при участии В. П. Любина посетила Преградное (Красногвардейский район Ставропольского края) и осмотрела крест с остатками надписи. Тогда же он был доставлен в Ставропольский музей краеведения. Е. Г. Пчелина сообщает, что крест высечен из местного камня, и ссылается на местные предания, по которым под крестом находится братская могила древнерусской дружины. Интересно также сообщение Е. Г. Пчелиной о том, что «при пахоте на этом месте находили обломки железных мечей, шлемов, стрелы, боевые топоры и другие предметы»⁶. Можно только пожалеть, что при перевозке креста в Ставрополь не были произведены археологические раскопки хотя бы в зоне, непосредственно прилегающей к памятнику. Ясно, что с каждым годом становится все меньше и меньше шансов на то, что первоначальное местонахождение креста не будет забыто⁷.

Визуальное изучение преграденского креста было проведено бывшим научным сотрудником Ставропольского музея археологом А. Н. Глушковым в 1970 г., любезно предоставившим в наше распоряжение публикуемые здесь фотографии и рисунок⁸. Крест оказался в средней части продольного рукава разбитым и сейчас состоит из 5 кусков (рис. 1). Кроме широких трещин и отпавших и утраченных кусков, памятник обезображен глубокими отверстиями, просверленными для болтов, при помощи которых куски креста были соединены. Как свидетельствует Е. Г. Пчелина, это было сделано около 1908 г. местным кузнецом Г. Я. Синельниковым⁹. Длина креста 3,4 м, ширина в нижней и верхней части одинакова — 0,6 м, ширина поперечного рукава 0,3 м, толщина в среднем 0,24 м.

По пропорции и форме этот крест близок к древнейшим русским крестам XII—XIII вв., таким как Мирославов (Воймерецкий) и Клима Христиновича¹⁰.

Разумеется, наибольший для нас интерес имеет надпись. В настоящее время от нее уцелели остатки четырех строк, выполненных кириллицей: три знака — в первой, четыре — во второй, три — в третьей и следы двух знаков — в четвертой строке (рис. 2, 3). Сопоставление их с надписью, опубликованной П. Г. Бутковым и И. Помяловским, показывает их аутентичность. Следовательно, мы имеем дело именно с тем памятником, который был открыт П. С. Палласом в конце XVIII в.

Отметив аутентичность публикаций и хранящегося в Ставропольском музее оригинала, обратим внимание и на некоторые расхождения между ними. Прежде всего, в оригинале отсутствует слово *ианши*, указанное П. С. Палласом. В последующей публикации П. Г. Буткова его также нет. Следует полагать, что оно — результат недоразумения, возникшего при копировании надписи П. С. Палласом.

Обратимся к публикации П. Г. Буткова. Несомненно, она более точно соответствует оригиналу, хотя за прошедшие с тех пор 150 лет из 27 знаков надписи сохранилось 12. Те же остатки четырех верхних строк, которые сохранились в оригинале, свидетельствует о достоверности рисунка П. Г. Буткова. Сложнее с двумя нижними строками, по П. Г. Буткову, содержащими *аѡроус* и *Г*. В оригинале от них не осталось и следа,

⁶ Е. Г. Пчелина. Греко-славянские эпиграфические памятники на Северном Кавказе. «Археологический ежегодник за 1959 г.», М., 1960, стр. 300—302.

⁷ Е. Г. Пчелина в своей публикации не описала топографию креста. Раскопки, произведенные А. В. Гадло и А. В. Найденко в 1973 г. на предполагаемом местоположении креста, не обнаружили ни захоронения, ни культурного слоя, ни находок.

⁸ Приносим А. Н. Глушкову сердечную благодарность.

⁹ Е. Г. Пчелина. Указ. соч., стр. 301.

¹⁰ И. А. Шляпкин. Древние русские кресты. СПб., 1906, стр. 9, 10.

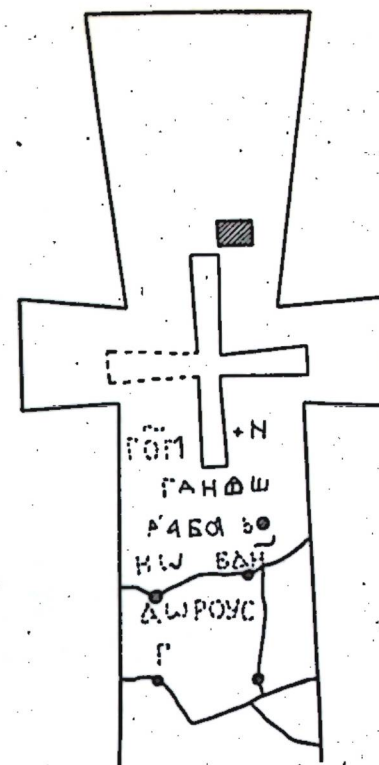

Рис. 1. Крест из с. Преградного

Рис. 2. Верхняя часть креста с прорисовкой надписи (пунктиром даны ныне не существующие знаки по публикации П. Г. Буткова). Масштаб 1:10

что обязывает проявить большую осторожность при рассмотрении надписи. Напомним, что «кабардинская приписка» Г. Ф. Турчанинова приходится именно на эти две не существующие ныне строки.

Далее П. Г. Бутков сообщил о том, что на кресте было означено «явственно лето мира, соответствующее 1041 году от рождения Христа». Последнее должно было соответствовать 6549 (1041+5508) и в старославянском начертании выглядеть как *ѢѢѢѢ* (6000+500+40+9)

или как *ѢѢѢѢ* (6, 5, 4, 9). Первый вариант кажется более предпочтительным, ибо имеет ближайшие территориально и хронологически аналоги на Северном Кавказе (надписи 1068 и 1078 гг. из Тмутаракани, греческая надпись 1013 г. из Нижнего Архыза¹¹; такой порядок написания дат был употребительным). Однако ни рисунок самого П. Г. Буткова, ни оригинал не дают никаких намеков на дату. Совершенно очевидно, что ее существование крайне проблематично и не может быть принято «на веру».

Как видно из прилагаемой прорисовки (рис. 2), в оригинале сохранились лучше три верхние строки надписи. Восстановив ныне утраченные знаки по достоверному рисунку П. Г. Буткова, получаем текст с аббревиатурами, удачно, на наш взгляд, восполненными Г. Ф. Турчани-

¹¹ А. А. Спицын. Тмутараканский камень. ЗОРСА, т. XI, 1915, стр. 103—132, табл. X—XI; Е. Ч. Скржинская. Греческая надпись из Тмутаракани. Византийский временник, т. XVIII, 1961, стр. 76; В. В. Латышев. Заметки о кавказских надписях. ИАК, вып. 10, 1904, стр. 99—100.

Рис. 3. Фрагмент надписи со словом «раба»

новым при дешифровке надписи, исходя из позиций славяно-русского языка:¹²

Текст	Перевод
пом + [а]и(и)	пом + яни
гди [а]и[и]и[и]	господи душу
раба [с]и[и]и[и]	раба своего

Чтение этого фрагмента надписи Г. Ф. Турчаниновым, оставшееся не замеченным специалистами, представляется убедительным. Тем самым мы присоединяемся к авторам, которые (начиная с П. Г. Буткова) считали и считают преградненскую надпись славяно-русской.

Но плохая сохранность памятника оставляет некоторые сомнения в прочтении отдельных слов. Необычно для древнерусских памятников эпиграфики сокращение Гди (господи), вместо широко известного ГИ. Однако отчетливо видные буквы ди с частью титла, сохранившегося над ними, позволяют расшифровать их именно так. Нет уверенности в чтении следующей буквы д (по Г. Ф. Турчанинову) или а (по Л. Н. Глушкову). Если следовать чтению Г. Ф. Турчанинова, нужно признать, что резчик надписи ошибся, вырезав сначала ии, и лишь затем переправил ее на д. Но следующее слово вполне ясно — раба. Легко восстанавливается из зарисовки П. Г. Буткова не сохранившееся слово — сикго (стандартная молитвенная формула). На его зарисовке пропущена первая буква — с, вместо ѣ следует читать в, на месте о высверлено отверстие. Очевидно, неверно зарисованы и две последующие буквы (иив), более вероятно — кго, причем от буквы о сохранилась в настоящее время правая часть (см. зарисовку Л. Н. Глушкова). Таким образом, подтверждается чтение предыдущих слов.

Трудно говорить о дальнейшем чтении надписи, так как от последующих строк на кресте не сохранилось ни одной буквы, а существующие

¹² Г. Ф. Турчанинов. Указ. соч., стр. 78.

прориси недостоверны. Все же не следует упускать из внимания чтение, предложенное А. А. Спицыным: «Помилуй, господи ... раба своего Ивана: ... роус...»¹³. Очевидно, чтение Г. Ф. Турчанинова «помяни» более обоснованно, но восстановление А. А. Спицыным имени «Иван», как можно судить по существующим прорисям, вполне закономерно. Первая буква имени и на прориси отсутствует, вместо ѣ — в, а и на прориси легко могло превратиться в и, конечное д ясно зафиксировано рисунком. На прориси легко читается и роус[ьска]и(о)¹⁴, хотя и, зарисованная П. Г. Бутковым между буквами д и р, сомнительна. Тем не менее, чтение А. А. Спицына, основанное на прориси, вполне вероятно. Однако отсутствие этих строк на кресте в настоящее время не позволяет проверить предположение А. А. Спицына.

Вернемся к вопросу о дате преградненской надписи. Г. Ф. Турчанинов, опираясь на несуществующую дату 1041 г., считал, что «датировка Преградненского памятника XI веком более вероятна, чем каким-либо другим»¹⁵. Единственным реальным основанием для датировки надписи на преградненском кресте являются ее палеографические особенности. Г. Ф. Турчаниновым они не были рассмотрены. Кратко коснемся палеографии надписи из Преградного с целью ее возможной датировки, хотя она крайне затруднительна, так как от надписи сохранилось около десятка букв, причем бесспорно чтение лишь одного слова раба. Однако общий характер почерка — устав, близкий по пропорциям к квадрату, говорит о древнейшей эпохе (XI—XII вв.) в истории древнерусской письменности. Дважды в слове «раба» встречается д, целиком уместающееся в строке, с наклонной к началу строки правой чертой и небольшой, очевидно, остроугольной головкой (в первом случае нижняя часть петли имеет вид ломаной линии, что может объясняться особенностью материала, на котором высекалась надпись; вторая буква повреждена отверстием, просверленным для болта, однако сохранившиеся линии позволяют думать, что головка буквы была небольшой и остроугольной).

Такой тип буквы В. Н. Щепкин считал особенностью древнейшей кириллицы XI в., не известной уже по русским датированным рукописям второй половины века¹⁶. Эта форма широко представлена в старославянских памятниках¹⁷, в древнерусских сравнительно редко, но встречается в надписях на монетах начала XI в.¹⁸ и в подписи Анны Ярославны (1063 г.)¹⁹. Из старославянских датированных памятников эпиграфики ближайшую аналогию представляет начертание д в третьей строке Варошской надписи (996 г.)²⁰.

На этот же круг памятников указывает и начертание Б. Вертикальная линия ее наклонна к началу строки, горизонтальный навес велик, петля почти прямоугольна и занимает половину высоты мачты. Близкая форма имеется в надписи на Битольской плите, древнеболгарском памятнике 1015—1016 гг.²¹ Б на преградненском кресте имеет лишь большую горизонтальную перекладину.

Буква Р — насколько можно представить по сохранившимся частям буквы, целиком уместалась в строке, но в отличие от обычного для древнейших старославянских памятников начертания с маленькой круглой

¹³ А. А. Спицын. Заметки о каменных крестах, преимущественно новгородских. ЗОРСА, т. V, вып. 1, 1903, стр. 206.

¹⁴ В квадратных скобках даны буквы, не зарисованные П. Г. Бутковым.

¹⁵ Г. Ф. Турчанинов. Указ. соч., стр. 80.

¹⁶ В. Н. Щепкин. Русская палеография. М., 1967, стр. 109, 110.

¹⁷ Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 181.

¹⁸ И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты X—XI вв. ЗРАО, т. VI, 1893, стр. 59.

¹⁹ Е. Ф. Карский. Указ. соч., рис. на стр. 125.

²⁰ Порд Иванов. Болгарски старини из Македония. София, 1931, стр. 26—28.

²¹ Битолски надпис на Иван Владислав самодържец Български. София, 1970, стр. 36.

головкой имеет прямоугольную. Аналогичное Р встречено в первой строке Добруджанской надписи 943 г.²²

Буква Д (первая во второй строке) с небольшими ножками, являющимися почти продолжением треугольной головки, расположена значительно выше уровня строки, что сближает ее с начертанием во второй строке надписи Самуила (993 г.)²³, но последняя имеет меньшую головку и более длинные ножки. Вторая (исправленное ш), видимо, также должна была располагаться значительно выше уровня строки. Эта особенность начертания Д тоже, очевидно, должна считаться древнейшим признаком.

Сохранилось еще несколько букв: И — типично для памятников XI—XII вв. с горизонтальной перекладиной, расположенной посередине буквы²⁴, И — отличается от обычной для памятников XI в. формы, напоминая латинскую²⁵, — перекладина его несколько не доходит до низа правой мачты. Однако и этот тип буквы представлен уже в древнеболгарских эпиграфических памятниках²⁶.

В целом, насколько можно представить по сохранившимся буквам, есть основания датировать преградненскую надпись не позже первой половины XI в. Тем самым получает некоторую достоверность сообщение П. Г. Буткова об имеющейся некогда дате на кресте, «соответствующей 1041 г.». Но отсутствие всяких намеков на дату не только на самом памятнике, сильно поврежденном с течением времени, но и во всех имеющихся зарисовках, заставляет отказаться от точной датировки надписи.

Обратимся к исторической интерпретации надписи. Ее несомненное славяно-русское происхождение и время XI в. — прежде всего наводят на мысль о каких-то вероятных связях с русским Тмутараканским княжеством, существовавшим (по данным летописей) с 988 по 1094 г. Уже П. Г. Бутков на основании интересующего нас памятника ставил вопрос о северо-восточных пределах Тмутараканского княжества, простиравшегося, по его словам, до устья Большого Егорлыка²⁷. Г. Ф. Турчанинов считал, что мнение П. Г. Буткова «следует признать небезосновательным»²⁸, т. е. присоединяется к нему. Если П. Г. Бутков и Г. Ф. Турчанинов доводили пределы Тмутараканского княжества до устья Б. Егорлыка — Маныча, то Е. Г. Пчелина, в свою очередь, искала «следы Северо-Кавказской Руси» в верховьях Кубани²⁹.

Вряд ли эти и подобные им увлечения могут быть приняты всерьез. Наиболее близкой к исторической реальности представляется точка зрения А. Л. Монгайта, согласно которой территория Тмутараканского княжества включала (на Северном Кавказе) Таманский полуостров и прилегающий район до средней Кубани³⁰. Таким образом, крест с древнерусской надписью из с. Преградного не имеет отношения к вопросу о территории Тмутараканского княжества.

В преградненском памятнике представляется более вероятным видеть отражение одного из набегов русских (возможно, из Тмутаракани), известных по источникам X—XI вв., на мусульманские страны Прикаспия. В опубликованном В. Ф. Минорским турецком нарративном источнике XVII в. Мюнеджжимбаши содержатся сведения о совместном походе ру-

сов и алан в 1033 г. на Ал-Баб (Дербент)³¹. Хронологически этот поход очень близок времени преградненской надписи. Более поздних походов русских на Каспий мы не знаем, но их возможность в середине XI в. (до появления в южнорусских и северокавказских степях половцев) не исключена. Крест с надписью у с. Преградного мог быть поставлен в память гибели одного из русских дружинников, державших путь к Каспию.

Кажется, в пользу высказываемой гипотезы говорит и местоположение преградненского креста. Если русская дружина шла водным путем, то наиболее вероятный маршрут из Азовского моря в Каспийское пролегал через Маныч к низовьям р. Кумы с выходом в Каспий. Сейчас этот путь не судоходен, но, как считает С. А. Ковалевский, он был судоходен до XIII в., когда Азовское и Каспийское моря были соединены через Манычскую впадину³². Именно этим путем следовали русские дружины в X в., избегая утомительного переволока судов по суше³³. Расстояние от с. Преградного до Маныча не превышает 60—65 км.

Если русская дружина двигалась по суше, что не менее вероятно, то преградненский крест стоит на торном пути, в XVIII в. называвшемся Большим Черкасским шляхом. Не исключено, что этот путь функционировал и в раннем средневековье — на это уже обратила внимание Е. Г. Пчелина³⁴. Характерно, что в домонгольской Руси многие большие каменные кресты и надписи приурочивались к путям (Тмутараканская надпись 1068 г., Стерженский крест 1133 г., Борисов камень, Лопастницкий, Волховский и Нерльский кресты и т. д.)³⁵.

Можно строить различные догадки в связи с исторической интерпретацией креста из с. Преградного. Но несомненно одно — это уникальный памятник, свидетельствующий о пребывании (хотя бы и временном) русских в срединной части Предкавказья в эпоху существования Тмутараканского княжества. Среди немногочисленных пока археологических материалов, документирующих ранние русско-кавказские связи³⁶, крест с надписью из с. Преградного является наиболее значительным их доказательством.

²² Дамьян П. Богдан. Добруджанская надпись 943 г. «Ramannoslavica» I, 1958, стр. 89.

²³ Ст. Станчев, В. Иванова, М. Балан, П. Боев. Надпись на чьргубила Мостич. София, 1955, стр. 122.

²⁴ В. Н. Щепкин. Указ. соч., стр. 110—112.

²⁵ Там же, стр. 112.

²⁶ См. И в надписи Мостича. Ст. Станчев, В. Иванова, М. Балан, П. Боев. Указ. соч., рис. 1 на стр. 113.

²⁷ П. Г. Бутков. Указ. соч., стр. 60.

²⁸ Г. Ф. Турчанинов. Указ. соч., стр. 80.

²⁹ Е. Г. Пчелина. Указ. соч., стр. 299.

³⁰ А. Л. Монгайт. О границах Тмутараканского княжества в XI в. Сб. «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». М., 1963, стр. 54—61.

³¹ В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда X—XI веков. М., 1963, стр. 70, 71.

³² С. А. Ковалевский. «Карта Птолемея» в свете исторической географии Прикаспия. «Известия Всесоюзного географического общества», т. 85, вып. 1, 1953, стр. 31—48.

³³ Ф. Брун. Следы древнего речного пути из Днепра в Азовское море. ЗООИД, т. V. Одесса, 1863, стр. 123; В. А. Кузнецов. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971, стр. 24.

³⁴ Е. Г. Пчелина. Указ. соч., стр. 302.

³⁵ Н. Н. Воронин. Средства и пути сообщения. «История культуры древней Руси», т. I. М.—Л., 1948, стр. 295—302.

³⁶ В. А. Кузнецов. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 80—86; он же. Древнерусские предметы, найденные на Северном Кавказе. Сб. «Древние славяне и их соседи». М., 1970, стр. 153—155.

М. А. САБУРОВА

О ЖЕНСКИХ ГОЛОВНЫХ УБОРАХ С ЖЕСТКОЙ ОСНОВОЙ
В ПАМЯТНИКАХ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

До недавнего времени в работах, посвященных древнерусской одежде, для ее реконструкции исследователи обращались к фрескам, иконам, миниатюрам, что объясняется отсутствием целых одежд или их частей в археологических памятниках. В работах по истории одежды последних десятилетий¹ сопоставляются ткани из археологических раскопок с этнографическими материалами, названия одежды по этнографическим данным и летописным увязываются с изобразительными материалами.

Исследование древнерусской одежды было бы более плодотворным, если бы при раскопках четче фиксировались детали одежды, которые говорят о ее покрое и конструктивных элементах. В действительности нередко сообщения в отчетах не подкрепляются данными чертежей, а наличие ткани, кожи, бересты часто вообще не отмечается. Для выявления форм древнерусских головных уборов, так же как и формы одежды, необходим максимальный учет археологического материала. Только раскопки могут дать по-настоящему полную картину, позволяющую говорить о реалиях. Поэтому исключительное значение имеют погребения, в которых детали головных уборов зафиксированы *in situ*.

Интересное захоронение раскопано в Белоруссии, близ с. Юдичи². В кургане 1, в золистом слое на материке обнаружено женское погребение, ориентированное головой на запад. Скелет почти полностью истлел. Лучше сохранился череп (рис. 1). На нем находился луб, покрытый в отдельных местах фрагментами тонкой ткани полотняного переплетения из посконной нити³. На лбу ткань была украшена полосой бус. Это — мелкие стеклянные зонные бусы желтого цвета и просверленные вишневые косточки. Бусы, очевидно, были нанизаны на нить и затем прикреплены к ткани (рис. 2). У правого виска находилось 3 семилучевых и 4 перстневидных височных кольца, а у левого — 5 семилучевых и 1 перстневидное височное кольцо. Височные кольца у левого виска сохранились вместе с кожаной лентой, на которой они крепились. Так как насыпь кургана была песчаной, то при расчистке лента с височными кольцами упала и перевернулась вместе с осыпавшимся песком. При этом лента разорвалась на две части, края которых по месту разрыва сходятся (рис. 1). О ее местоположении на черепе говорит сохранившийся след от окисла металла, давший четкий отпечаток на черепе. На рисунке 1 пунктиром отмечено место, где находилась лента. Это область виска и уха. Лента сложена вдвое. 4 височных кольца проткнуты в нее один над другим, нижнее под-

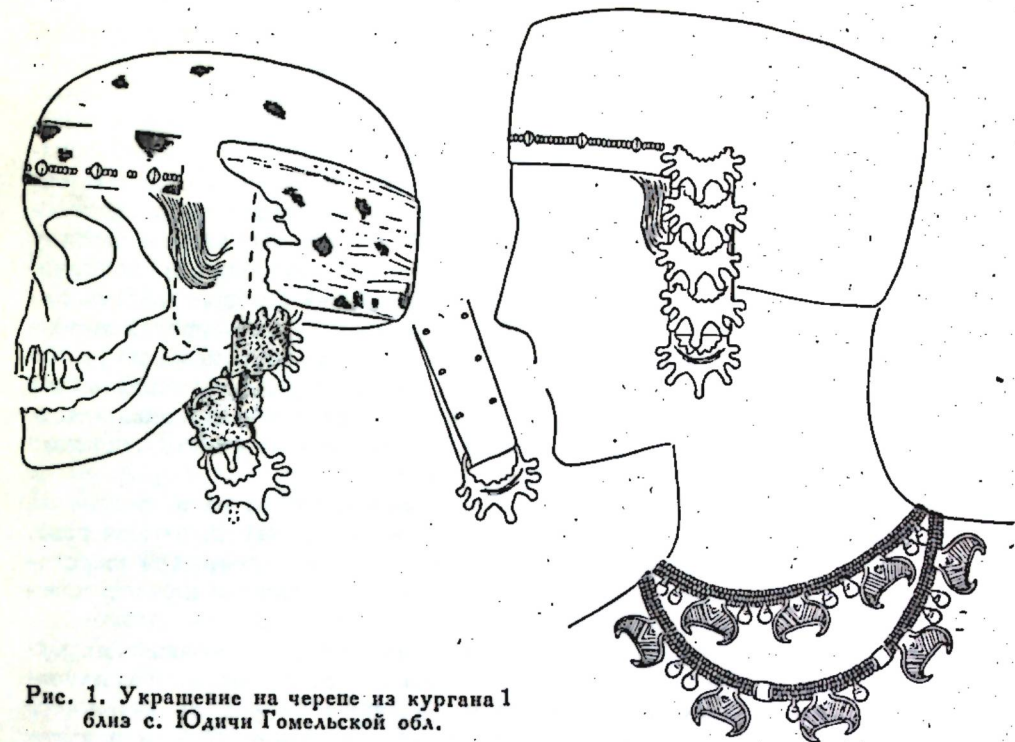

Рис. 1. Украшение на черепе из кургана 1 близ с. Юдичи Гомельской обл.

Рис. 2. Реконструкция головного убора по материалам погребения 1 близ с. Юдичи

вешено в месте сгиба ленты. Об аналогичном креплении семилучевых височных колец сообщал П. М. Еременко, копавший курганы в Черниговской губернии в конце прошлого века: «...кольца найдены продетыми через полоску кожи, на одинаковом расстоянии одно ниже другого...»⁴

Наиболее интересным в данном погребении представляется сочетание височных колец на кожаной ленте с головным убором на жесткой основе и с украшенным очельем. Нельзя утверждать, что описанный здесь женский головной убор был цельным. Даже в XIX—XX вв. известны женские головные уборы, состоявшие из самостоятельных частей — налобника, позатыльника, сороки и т. д. Однако здесь налицо те элементы, из которых складывается единый головной убор — кокошник (украшенное очелье, ткань, покрывавшая волосы, жесткая основа, сохранившаяся в районе затылка).

О возможности сопоставления археологических и этнографических уборов типа кокошников и девичьих головных повязок позволяет говорить наличие в археологических памятниках домонгольской Руси фрагментов от головных уборов, в состав которых входила береста, луб, ткань и украшавшие ее детали — бусы, бляшки, шитье, позумент, металлический венчик.

Так, Е. Н. Клетновой был раскопан курган в Смоленской области, где зафиксировано на черепе наличие бересты и бус. Это — «полоса бересты, из коей, на манер венчика, была сделана основа головного убора и на нем нанизаны узором золоченые стеклянные бусы, положенные горизонтально и пересекаемые оливкообразными сердоликовыми пронизками, положенными между ними вертикально»⁵. Здесь же были найдены браслетообразные завязанные височные кольца, характерные для кривичей.

¹ А. В. Арциховский. Одежда. Кн. «История культуры древней Руси», т. I. М.—Л., 1948, стр. 234; В. П. Левашова. Об одежде сельского населения Древней Руси. «Труды ГИМ», вып. 40, 1966, стр. 112; М. Н. Левинсон-Нелева. Ткачество. «Труды ГИМ», вып. 33, 1959, стр. 9.

² Г. Ф. Соловьева. Раскопки славянских памятников XI—XII вв. в Гомельской области. «АО 1968 г.», 1969, стр. 351, 352.

³ Ткань определена сотрудницей ГИМ Л. В. Ефимовой.

⁴ Архив ЛОИА; ф. II, д. 103/1894, л. 44.

⁵ Е. Н. Клетнова. Мерянское погребение при деревни Хожасво близ с. Сережани Вяземского уезда. Смоленск, 1910, стр. 10.

Аналогичный головной убор был обнаружен в могильнике Новинки-2 Вологодской области⁶. В кургане 22 на лобных костях черепа найдена полоса бересты, покрытая сверху толстой тканью или войлоком, на которых были нашиты бусы: мелкие, стеклянные, зонные. Они располагались в 3 ряда и шли под углом друг к другу, создавая зигзагообразный орнамент. На местах пересечений мелкого бисера находились позолоченные бипирамидальные бусы. По сторонам черепа, ниже головного убора находились височные кольца из бронзы — браслетообразные, завязанные на одну сторону, и браслетообразные средней величины с заходящими концами.

О находках бисера от головных уборов у кривичей сообщал и Н. И. Булычев: «Бисер собирали около голов небольшими гнездами; иногда тут же были видны следы тканей (?); вероятно, из него нашивались какие-либо узоры для головного убора»⁷. При раскопках Елизаровского могильника Московской области⁸, где также обнаружен кривичский материал, неоднократно был встречен бисер в районе черепа, а в кургане 27, помимо бисера, найдена была и береста с проколами⁹.

В. Б. Антонович при раскопках в земле древлян обратил внимание на затылочные части головных уборов, которые ему встретились четыре раза. Затылочные части состояли из слоя луба или бересты, покрытой шерстяной материей, «и на ней нашито было несколько серебряных колечек и несколько стеклянных золоченых бус»¹⁰.

На территории кривичей, помимо головных уборов, украшенных бусами, известны головные уборы на берестяной основе, расшитые оловянисто-свинцовыми бляшками¹¹. Один из головных уборов из кургана 8 Харлаповского могильника имел «форму нимба» шириною 28,4 см и высотой 6,6 см¹².

В курганах Костромской области неоднократно были встречены головные уборы на берестяной основе¹³. Ф. Д. Нефедов о головных уборах из костромских курганов пишет: «Голову женщины покрывал убор, состоящий из лубка¹⁴ или бересты и обшивавшийся, вероятно, какой-нибудь материей... В одном случае на лбу оказалась полоска бересты с прикрепленными к ней поперек продолговатыми серебряными и вызолоченными пластинками (сохранилось 13), украшенными разноцветной эмалью в форме кружков и крестиков»¹⁵.

В курганных материалах известны также головные уборы, от которых сохранилась береста и ткань с шитьем и без нее. Так, К. Я. Виноградов, копавший под Звенигородом в 1925 г., сообщает о сохранившихся под остатками височного кольца нитках материи на бересте¹⁶. Более интерес-

ное погребение было открыто Н. Г. Недошивиной в селе Новленское Московской области. В женском погребении кургана 5 справа и слева от черепа было по 2 семилопастных височных кольца. «Под височными кольцами сохранилась береста, на которой они были каким-то образом закреплены. Здесь же найден фрагмент шелковой ткани с мелкими дырочками, по-видимому, от несохранившейся вышивки»¹⁷.

Фрагменты ткани с золотым шитьем от головных уборов найдены во многих курганах. Как известно, техника шитья предполагает наличие и бересты¹⁸, так как вышивали, подкладывая под ткань бересту. Очелья, украшенные шитьем¹⁹ или позументом²⁰, найденные вместе с височными кольцами, очевидно, также входили в светские головные уборы, в отличие от погребальных уборов, вместе с которыми височных колец не находят²¹.

Головные уборы с золотым шитьем находят не только в курганах, но также во многих могилах и гробницах древнерусских городов. Наиболее полно сохранился головной убор в грунтовом могильнике XII—начала XIII в. на территории древнего Звенигорода²². В женском погребении 2 сохранился головной убор на берестяной основе, обтянутый тканью «типа современной саржи» и расшитый «восьмерочным орнаментом» с включенными в него крестами.

Помимо девичьих венчиков из золототканой и серебряной ленты²³, известны также головные уборы на жесткой основе, где эти ленты выполняли как бы декоративную роль. Так, еще А. А. Спицын писал, что у пластинчатых венчиков из владимирских курганов была подкладка кожаная, матерчатая и деревянная²⁴. Очень интересный головной убор был раскопан А. В. Успенской в 1972 г. в Калининской области, в Березовецком могильнике²⁵. Там, в кургане 4 обнаружен венчик в виде широкой серебряной ленты, огибавшей весь череп. Под ним находилась берестяная основа. Здесь же, по сторонам черепа обнаружены браслетообразные завязанные височные кольца²⁶. Очевидно, в приведенных примерах можно видеть формирование девичьих головных уборов типа этнографических «кружков» или «ободков»²⁷.

Проделанная работа, как нам представляется, показывает, что отдельные формы головных уборов, известные в этнографии, зародились еще в эпоху древней Руси. Русские этнографические уборы, прошедшие сложный и долгий путь, также украшены бусами, бляшками, позументом и шитьем. Причем, отношение к женскому головному убору, как к усложненному девичьему²⁸, думается, позволяет видеть на очельях женских этнографических уборов имитацию девичьих венчиков из металлической или золототканой ленты. В связи с этим хочется вспомнить такого крупного

⁶ Раскопки А. В. Никитина 1971 г.

⁷ Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, стр. 69, 70.

⁸ С. К. Богоявленский и Ю. В. Готье. Отчет о раскопках Елизаровского могильника Волоколамского уезда Московской губернии 1900 г. «Древности», т. XIX, вып. 2, 1901, стр. 57.

⁹ ГИМ, инв. № 38892 (береста с проколами, а не «лубок», как указано в статье С. К. Богоявленского и Ю. В. Готье).

¹⁰ В. Б. Антонович. Раскопки в стране древлян. МАР, т. 11, 1893, стр. 68 и 72.

¹¹ Н. И. Савин. Раскопки курганов в Дорогобужском и Ельнинском уездах Смоленской губернии. «Труды археологической комиссии», т. II. Минск, 1930, стр. 226; Е. А. Шмидт. Курганы XI—XIII веков у д. Харлапова в Смоленском Поднепровье. «Материалы по изучению Смоленской области». Смоленск, 1957, стр. 240, 252, 258.

¹² Архив ЛОИА, д. 182/1924, стр. 21.

¹³ Гос. Эрмитаж. Отдел истории первобытной культуры, инв. № 1043: 58, 363, 434.

¹⁴ Вероятно, имеется в виду луб.

¹⁵ Ф. Д. Нефедов. Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенные летом 1895 и 1896 годов. МАВГР, т. III, 1899, стр. 243.

¹⁶ К. Я. Виноградов. О курганных раскопках Звенигородского уезда. «Бюллетень Звенигородского общества по изучению местного края», № 3—4. Звенигород, 1926, стр. 6.

¹⁷ Архив ИА: дело № 4036/1969; ГИМ, инв. № 101506.

¹⁸ Л. И. Якунина. Фрагменты тканей из Старой Рязани. КСИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 127.

¹⁹ Раскопки А. С. Уварова 1853 и 1854 гг.: ГИМ, инв. № 55421; раскопки Е. А. Ушакова 1878 г.: ГИМ, инв. № 76607.

²⁰ Архив ЛОИА, д. 175/1924.

²¹ Курганы 14, 16, 17 у д. Маклаково Рязанской области. Архив ИА, д. 3998.

²² Г. М. Власова, Б. Г. Возницкий. К исследованию северо-западной части летописного Звенигорода. «Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского гос. ун-та им. И. И. Мечникова и Одесского гос. археологического музея». Одесса, 1961, стр. 115, 116.

²³ В. П. Левашова. Венчики женского головного убора из курганов X—XII вв. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 91.

²⁴ А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, 1905, стр. 104.

²⁵ А. В. Успенская. Раскопки из оз. Селангер. «АО 1972 г.», 1973, стр. 100.

²⁶ ГИМ; инв. № 102626.

²⁷ Л. В. Тозикина. Север Европейской части РСФСР. Сб. «Крестьянская одежда населения Европейской России». М., 1971, стр. 151—152.

²⁸ Д. К. Зеленый. Женские головные уборы восточных (русских) славян. «Slavia», т. V, вып. 2 и 3. Praha, 1926, 1927, стр. 312.

исследователя крестьянского искусства, как В. С. Воронов, который предполагал найти корни позднейшей этнографии в «раскопчном материале». Именно им впервые было высказано мнение о том, что народное творчество хранит в себе древние традиции, относящиеся к языческой поре²⁹. Зависимость исследователя данной темы от характера фиксации археологического материала не позволяет говорить вполне определенно об этнографической особенности древних головных уборов разных районов. Раскопаны тысячи погребений, а приходится пользоваться единичными показателями. Поэтому казалось важным привести свидетельства авторов раскопок наиболее близко к тексту последних. Уже сейчас можно констатировать наличие головных уборов на жесткой основе почти по всей территории древней Руси. Головные уборы, украшенные бусами, видимо, больше всего были распространены у радимичей и древлян. У кривичей были известны головные уборы, украшенные и бусами и бляшками. Недаром еще в начале XX в. в Смоленской области существовал головной убор под названием «блестень» — девичья повязка, украшенная бусами и бляшками с металлическим блеском³⁰. В погребениях вятичей найдены головные уборы с шитьем и, судя по материалам Т. В. Равдиной³¹, ни разу не встречены бусы.

²⁹ В. С. Воронов. Крестьянское искусство. М., 1924, стр. 21, 31, 68, 112, 113.

³⁰ Смоленский областной краеведческий музей, инв. № 15878.

³¹ Приношу благодарность Т. В. Равдиной за предоставленную мне возможность пользоваться ее картотекой.

Т. Н. НИКОЛЬСКАЯ

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫСЛЫ В ГОРОДАХ ЗЕМЛИ ВЯТИЧЕЙ

В результате многолетних исследований Верхнеокской экспедиции на древнерусских поселениях в бассейне верхней Оки собран большой материал, позволивший по-новому осветить многие стороны жизни городского и сельского населения Земли вятичей.

Особенно хорошо теперь можно представить характер и развитие городского ремесла. Открытие ремесленных мастерских, находки инструментов и орудий труда, разнообразная готовая продукция ремесленников несомненно свидетельствуют о том, что основу социально-экономического уклада в вятичских городах домонгольской поры составляли ремесло и торговля. Вместе с тем, собранный инвентарь позволяет заключить, что население этих городов, так же как и многих других городских поселений Древней Руси¹, не порвало связи с сельским хозяйством: пашенное земледелие, разведение домашнего скота и различные промыслы были важным подспорьем в жизни горожан. В настоящей статье эта тема освещается в основном на материалах двух наиболее исследованных вятичских городов — Серенска и Слободки.

Среди собранного на городских поселениях инвентаря находки сельскохозяйственных орудий — сошников, плужных лемехов и, особенно, серпов и кос занимают значительное место. Это можно было наблюдать при раскопках даже такого развитого ремесленного городка, каким был древнерусский Серенск. Среди общего количества предметов из черного металла, найденных в Серенском детинце, орудия сельского хозяйства и промыслов занимают третье место (5,7%), в то время как инструменты ремесленников, служившие для обработки металла, дерева, кожи и т. д., — четвертое (4,1%). На первом месте, как обычно, были предметы быта.

В детинце древнерусского городка у д. Слободка промысловый и сельскохозяйственный инвентарь занимает второе место среди найденных вещей из черного металла (11,3%), такой же процент составляют предметы вооружения воина и конской упряжи, а инструменты ремесленников — на третьем месте (6,7%). Такое соотношение количества находок орудий сельского хозяйства и предметов вооружения в Слободке не случайно: небольшой гарнизон этого городка-крепости состоял в основном из воинов-дружинников, которые в мирное время занимались сельским хозяйством и промыслами.

Находки земледельческих орудий (серпов, кос, жерновов) известны также в таком крупном ремесленном центре Земли вятичей, каким была Старая Рязань².

¹ В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 61 и сл.; М. К. Каргер. Галицко-Волынская экспедиция. КСИИМК, вып. 79, 1960, стр. 100; Л. А. Голубева. Весь и славяне на Белом озере. X—XIII вв. М., 1973 г., стр. 189.

² Интенсивное развитие пашенного земледелия в Рязани и в Рязанской земле давало возможность получать в изобилии хлеб не только для собственных нужд, но и для

Развитие земледелия могут характеризовать и запасы зерна на поселениях. В Серенске, например, они были так велики, что образовавшийся во время пожара в 30-е годы XIII в. слой сгоревшей ржи, ячменя и пшеницы достигает толщины 20 см³. Из хлебных злаков предпочтение здесь отдавалось ржи и ячменю.

В Слободке первое место занимает ячмень многорядный, затем — рожь, овес и мягкая пшеница. Найдены и зерна бобовых. Таким образом, в отличие от Старой Рязани, где ведущими культурами были рожь и пшеница⁴, на наших поселениях таковыми являлись рожь и ячмень⁵. Подобная картина наблюдалась и в других древнерусских городах, в том числе Новгороде⁶. Известно, что в городах Северо-Восточной Руси рожь была основным хлебным злаком еще и в XIV—XV вв.⁷

Рассмотрим сельскохозяйственные орудия, найденные при раскопках верхнеокских городских поселений. В нашем распоряжении имеется два сошника, четыре плужных лемеха и плужный нож.

Оба сошника происходят из Серенска. Они неодинаковы по величине и не очень велики: длина их 20,5 и 22 см, длина трубицы 9,5 и 10 см, ширина сошников 6 см, ширина трубицы 7,5 и 8 см⁸ (рис. 1, 13, 16). Несомненно, что принадлежали они разным сохам. По форме они близки сошникам, найденным в кургане у с. Большая Брембола (Владимирская обл.) и во Вщиже⁹.

Плужные лемехи, найденные в Серенске, были больших размеров: длина их 31,5 и 30 см, ширина 22 см, длина трубицы 9,5 и 11 см, ширина трубицы — 18 см.

Как обычно бывает у плужного лемеха, работа которым ведется вместе с череслом, укрепленным впереди слева, его правый верхний край рабочей части выдается сильнее, чем левый¹⁰ (рис. 1, 12). Чересло, или плужный нож, имеет форму большого массивного ножа: длина его 57 см, ширина клинка, представляющего в разрезе равнобедренный треугольник, — 7 см, толщина его с тыльной стороны — 2 см. Черенок ножа в разрезе четырехгранный, с шириной граней 3,5 и 2 см, длина черенка 27 см.

Лемехи, найденные в Слободке, меньших размеров. Они имеют длину 25 и 23 см, ширину — 18 и 17,5 см, ширину трубицы — 8,5 и 14,5 см. С внешней стороны на поверхности одного из лемехов наварена стальная полоса.

Особенно многочисленны находки орудий уборки урожая. Как и всюду на Руси¹¹, в Серенске и Слободке уборка зерновых хлебов на окрестных полях производилась серпом. Всего найдено 34 серпа (10 целых и 24 в обломках). Изучением формы и типов древнерусских серпов зани-

вывоза в Новгородскую землю (А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, № 49, 1955, стр. 164, 165).

³ Т. Н. Никольская. К истории древнерусского города Серенска. КСИИМК, вып. 113, 1968, стр. 109.

⁴ А. Л. Монгайт. Указ. соч., стр. 165.

⁵ Определение зерна проводилось в лаборатории ИА АН СССР А. В. и О. А. Кирьяновыми.

⁶ А. В. Кирьянов. К вопросу о земледелии в Новгородской земле в XI—XII вв. КСИИМК, вып. XLVII, 1952, стр. 148.

⁷ А. Д. Горский. Из истории земледелия в Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. Сб. «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР», т. 3. М., 1959, стр. 9.

⁸ Т. Н. Никольская. Древнерусский Серенск — город вятичских ремесленников. КСИИМК, вып. 125, 1971, стр. 80, рис. 26, 10.

⁹ В. П. Левашова. Сельское хозяйство. Сб. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», М., 1956, стр. 28, рис. 5, 3, 4.

¹⁰ Т. Н. Никольская. Указ. соч., стр. 80, рис. 26, 11.

¹¹ В. И. Довженко. Землеробство древней Руси. Київ, 1961, стр. 149. Хлебная жатва серпами изображена в миниатюрах Лицевого летописного свода (А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 88).

Рис. 1. Орудия сельского хозяйства и промыслов

1 — половина пружинных ножиц; 2 — коса-горбуша; 3—6 — серпы; 7 — медорезка; 8 — блесна; 9 — крючок рыболовный; 10, 15 — остроги; 11 — порханица; 12 — плужный лемех; 13, 16 — сошники; 14 — гарпун; 17 — шип древопалыный; 1—3, 7, 11, 12—14, 16 — Серенск; 4—6, 8—10, 15, 17 — Слободка

мались А. В. Арциховский¹² и В. П. Левашова¹³, исследованием технологии их изготовления — Б. А. Колчин¹⁴.

Целые серпы невозможно отнести ни к московскому, ни к новгородскому типу¹⁵. Возможно, что при большем накоплении материала

¹² А. В. Арциховский. К методике изучения серпов. «Труды Секции археологии РАНИОН», вып. IV. М., 1928, стр. 29.

¹³ В. П. Левашова. Указ. соч., стр. 70 и сл.

¹⁴ Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА, № 32, 1953, стр. 91 и сл.

¹⁵ В. И. Довженко отмечал, что выделенные исследователями группы серпов различаются недостаточно четко, и что в каждом из указанных А. В. Арциховским и В. П. Левашовой районов встречаются серпы, обладающие чертами, характерными для других групп (В. И. Довженко. Указ. соч., стр. 149).

удастся выделить местный вариант серпов, например орловский или калужский.

Найденные в вятичских городах серпы были разных размеров. У самого меньшего линия АВ¹⁶ равна 17,5 см, у большего — 31 см (Слободка), у остальных длина линии АВ варьирует в пределах 22,5; 25; 26; 29,5 см, ширина лезвий серпов от 3 до 4,5 см. Высота изгиба дуги лезвия (CD) у четырех серпов равна $\frac{1}{3}$ длины ее основания, у пяти — $\frac{1}{4}$ и у одного — $\frac{1}{5}$ длины ее основания. Вершина дуги изгиба чаще приходится против $\frac{1}{3}$ АВ, т. е. так же, как и у серпов новгородского типа, она сдвинута в сторону рукояти. Однако вершина лезвия клинка не совпадает с вершиной тыльной части клинка, что сближает эти серпы с московским типом. Изгиб начальной части клинка слободских серпов приближает их также к московскому типу: А имеет от 58 до 72°, а В, показывающее изгиб конечной части клинка, меньше А всего на 10—20°; и только один, большой серп, так же как и серенские, ближе к новгородскому типу: А=95°, 88° и 80°; В=70°, 60° и 55°¹⁷. Лезвия всех слободских серпов зазубрены, в Серенске встречаются серпы с незазубренными лезвиями. Черенки всех серпов отогнуты под углом к клинку; на черенках двух серпов сохранились остатки деревянных рукояток (рис. 1, 3—6).

Размол зерна производился, очевидно, домашним способом, — находки жерновов очень часты в хозяйственных постройках. Найдена также и железная порхлицца, на которой держалась ось для вращения жерновов (Серенск; рис. 1, 11).

При несомненном господстве пашенного земледелия в «лесной» Земле вятичей неизбежно должны были существовать пережитки подсечного земледелия. В этом убеждают находки более 20 топоров разных типов, найденных в детинце Серенска и Слободки¹⁸.

С земледелием тесно связано и развитие животноводства. Материалы, характеризующие эту отрасль хозяйства в городах Земли вятичей, довольно значительны.

В жилых и хозяйственных постройках, а также за их пределами собрано много костей животных. Всего по двум памятникам (Серенск, Слободка) В. И. Цалкиным было определено 7592 кости от 662 особей¹⁹. Большая часть изученных костей приходится на долю Серенска — 6245 от 412 особей, в Слободке удалось определить всего 1347 костей от 250 особей, хотя раскопанная площадь в детинце Слободки почти в четыре раза больше, чем в Серенске²⁰ (табл. 1).

Как видно из таблицы, основную массу костных остатков Серенска и Слободки составляют кости крупного рогатого скота; подобная картина обнаружена в Старой Рязани и многих других древнерусских городах²¹; второе место занимают кости свиньи.

Обращает внимание довольно большое количество костей лошади:

¹⁶ Буквенные обозначения приводятся по: В. П. Левашова. Указ. соч., стр. 60, 61, рис. 14.

¹⁷ Принимая во внимание вывод В. П. Левашовой о том, что серпы новгородского типа по своим режущим качествам были лучше «московских» (В. П. Левашова. Указ. соч., стр. 71), можно заключить, что серпы, найденные в Серенске, были лучшего качества, чем слободские, так как последние ближе к московскому типу.

¹⁸ Так как топоры являются орудием не только земледельцев, но и ремесленников и воинов-дружинников, типология их в данной статье не рассматривается.

¹⁹ В Старой Рязани (материалы раскопок 1946—1950 гг.) В. И. Цалкиным было определено 9313 костей от 921 особи (В. И. Цалкин. Домашние и дикие животные Старой Рязани. В кн.: А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, № 49, 1955, стр. 201).

²⁰ Такое незначительное количество костных остатков в детинце Слободки, по-видимому, объясняется специфическими особенностями этого городка-крепости, санитарному состоянию которого уделялось постоянное внимание.

²¹ В. И. Цалкин. Указ. соч., стр. 202; В. К. Гончаров. Указ. соч., стр. 72.

Таблица 1

Виды животных	Серенск			Слободка		
	количество костей	число особей	процентное соотношение	количество костей	число особей	процентное соотношение
Крупный рогатый скот	2640	77	43,2	471	26	35
Свинья	1979	193	31,5	385	74	29
Мелкий рогатый скот	735	57	11,1	96	20	7,5
Лошадь	460	32	7,3	229	20	16,5
Собака	59	16	0,9	24	9	1,7
Дикие животные	126	37	2,1	76	120	5,3
Птицы	246	—	3,9	66	—	5

в Серенске, по данным таблицы, они занимают четвертое место, а в Слободке, так же как и в Старой Рязани, — даже третье (16,5%)²².

По-видимому, в XII—XIII вв. население городов Земли вятичей, в том числе и столицы Рязанского княжества — Старой Рязани, все еще употребляло в пищу конину²³. Однако использование лошади как тягловой силы и для боевых целей в то время было бесспорным. Об орудиях пашенного земледелия говорилось выше; предметы снаряжения всадника и боевого коня — шпор, стремян и удила занимают значительное место среди всех находок Серенска и Слободки²⁴.

Содержание крупного и мелкого рогатого скота, а также лошадей требовало заготовки большого количества корма на зиму. Основным орудием сенозаготовок, как известно, была коса. Всего найдено 23 косы; все они относятся к типу косы-горбуши. Определить длину клинка косы можно по одному экземпляру, найденному на дне хозяйственной ямы в Слободке (у нее обломан только загнутый конец черенка): она равна 50 см при ширине лезвия 5 см. Реконструкция другой косы, состоящей из двух обломков, имеет длину по прямой 40 см, ширина клинка — 4 см. Ширина черенков всех кос уже клинка; на некоторых косах черенок отделен от клинка небольшим уступом, как это бывает на древнерусских косах (рис. 1, 2); вместе с тем найдены косы, на которых уступ не обнаружен.

Толщина клинков в среднем равна 4 мм. По имеющимся материалам трудно определить, к какому типу принадлежали косы-горбуши. Если принять во внимание соотношение ширины и длины клинка кос (ширина клинка составляет $\frac{1}{10}$ длины), то слободские горбуши можно отнести к среднерусскому типу, однако длина черенка (7 см), скорее, соответствует южному типу²⁵. Как и у всех древнерусских кос, конец черенка на исследуемых косах загнут перпендикулярно для более прочного скрепления с рукояткой (загнутый конец вгонялся в боковую стенку расщеп рукояти) (рис. 1, 2).

Со скотоводством связаны и пружинные ножницы, служившие для стрижки овец. На городских поселениях найдено 11 экземпляров таких ножниц, но, к сожалению, в обломках. Целыми оказались только одна пара маленьких ножниц, являвшихся, очевидно, предметом туалета (длина ножниц 7 см, ширина пружинки 1,7 см, длина лезвий 2,5 см, ширина лезвий в самой широкой части — 0,6 см). Судя по найденным половинкам

²² На Райковецком городище количество найденных костей лошади также очень велико, им принадлежит третье место, после костей коровы и овцы (В. К. Гончаров. Там же).

²³ А. Л. Монгайт. Указ. соч., стр. 166.

²⁴ Т. Н. Никольская. Работа Верхнеокской археологической экспедиции (1960—1961 гг.). КСИА, вып. 96, 1963, стр. 27, рис. 3, 11, 13, 16.

²⁵ В. П. Левашова. Указ. соч., стр. 90.

хозяйственных ножиц, длина лезвий — от 6 до 12,5 см, ширина лезвий — от 1,7 до 2,4 см, ширина пружины 3 см (рис. 1, 1).

Кроме земледелия и животноводства, население городов занималось различными промыслами, в том числе бортничеством, рыболовством и охотой. С первым занятием связаны довольно частые находки специальных орудий — медорезок и древолазных шипов (рис. 1, 7, 17).

Рыболовные орудия, а также многочисленные остатки костей и чешуи осетровых говорят не только о хорошо развитом рыболовном промысле в XII—XIII вв., но и позволяют заключить, что в реках Окского и Деснинского бассейнов (Серена, Навля), более полноводных в то время, водились крупные породы рыб²⁶.

Коллекцию орудий рыбной ловли составляют большой железный гарпун, две однозубые остроги, двузубая острога, 2 блесны и 10 рыболовных крючков (рис. 1, 8—10, 14, 15).

Гарпун был одношипным, черенковым, с крючком на конце. Подобные гарпуны не вбивались в древко, а накладывались на его конец в соответственно сделанный выем и заматывались просмоленной веревкой. Закрепленный таким образом гарпун прочно держался на древке²⁷. Длина гарпуна 22,5 см, длина лезвия с зубом — 5 см (рис. 1, 14).

Однозубые остроги имели коленчатый, загнутый черенок (Слободка). Длина большей остроги 23 см, длина зуба — 2 см (рис. 1, 15). Совершенно подобная по форме и размерам однозубая острога была найдена Н. И. Булычевым в кургане 1 у с. Гремячего Перемышльского района Калужской обл.²⁸ Острога, найденная в Серенске, имела длину 8 см при длине зуба 1,7 см.

Двузубая острога длиной 12 см с загнутым черенком имела лезвия (длиной 6 см) с двумя маленькими, расположенными в разных плоскостях зубами; форма ее отличается от других известных древнерусских острог²⁹, в том числе и новгородских, в то время как однозубая острога и гарпун их полностью повторяют³⁰ (рис. 1, 10).

Типы рыболовных крючков разнообразны. Крючок для ловли крупной рыбы, изготовленный из прямоугольного в сечении стержня, имел длину 10 см, на конце вытянутого острия — острый зубец, а противоположный конец расплюснен в виде лопаточки (рис. 1, 9). Такая форма крючков была широко распространена в древней Руси. Другой крючок, сделанный также из прямоугольного в сечении стержня длиной 7,5 см, был менее массивным и заостренного зубца не имел (Слободка). Остальные крючки были меньших размеров — 5,5 и 5 см; один из них также имел на конце вытянутого острия острый зубец, другой — без зубца, с петелькой на противоположном конце (Серенск).

Еще две находки можно отнести, очевидно, к крючкам типа «кошки» для вытаскивания сетей. Они изготовлены из одного прута, скрученного вдвое таким образом, что на одном конце получалась широкая петля, а на другом два загнутых в разные стороны крючка. Длина крючков 7,5 и 5,5 см. Подобные крючки известны как в древнерусских городах, так и на сельских поселениях³¹.

²⁶ Так, например, найдены обломки костей черепа севрюги (длина рыбы 100—130 см), кости и позвонки крупных сомов, длина которых составляла 140, 180, 195, 215 и 235 см, чешуя щуки, окуни, ельца, язя, позвонки судака (определение костей рыб проведено в лаборатории ИА Е. А. Цепкиным).

²⁷ Б. А. Колчин. Указ. соч., стр. 100.

²⁸ Н. И. Булычев. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М., 1899, стр. 17.

²⁹ В. А. Мальм. Промыслы древнерусской деревни. Сб. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», М., 1966, стр. 120, 121, рис. 5.

³⁰ Б. А. Колчин. Указ. соч., стр. 100, рис. 63, 1; стр. 99, рис. 62, 5.

³¹ Ф. Д. Гуревич. Сельское хозяйство и промыслы древнерусского Новогрудка. КСИА, вып. 104, 1965, стр. 78, рис. 32, 11; М. П. Кучера. Древний Плисиеск. «Археологичні пам'ятки УРСР», т. XII. Київ, 1962, рис. 9, 2, 3; В. А. Мальм. Указ. соч., стр. 119, рис. 4, 9.

Имеется еще две блесны — разновидность рыболовного крючка, приспособленного для ловли хищной рыбы. Одна из них представляет собой пластину, изготовленную из металлического сплава, по форме напоминающую рыбу; конец ее вытянут в крючок и заострен (длина 10 см, длина крючка — 2,5 см). В верхней и нижней части пластинки сделаны отверстия для привязывания лески (рис. 1, 8). Вторая блесна имеет длину 8,3 см (длина крючка 3,5 см) и отверстие в верхней части пластины (Слободка).

Охота, по-видимому, играла меньшую роль в хозяйстве обитателей рассматриваемых городов, что отмечено и для целого ряда других древнерусских поселений. Среди костных остатков в Серенске представителям лесной фауны принадлежит всего 2,1%, в Слободке немного больше — 5,3%. Распределение костных остатков по видовому составу показано на табл. 2.

Таблица 2

Виды животных	Серенск		Слободка	
	количество костей	число особей	количество костей	число особей
Лось	59	12	54	9
Бобр	32	9	7	4
Заяц	13	6	13	6
Кабан	7	2	—	—
Медведь	9	3	—	—
Лисица	3	3	—	—
Косуля	3	2	1	1
Волк	—	—	1	1

Таким образом, охота велась в основном на мясных животных, к которым, кроме лося, относят также бобра, зайца и медведя³². Такая же картина наблюдается в древнерусском Новогрудке³³, хотя на большей части Руси в XII—XIII вв. охота из «мясной» превратилась, преимущественно, в «пушную»³⁴.

Охота отражена не только костными остатками промысловых животных, но и огромным количеством наконечников стрел, а также копий, являвшихся одновременно как боевым, так и охотничьим оружием³⁵.

Заканчивая краткий обзор хозяйственной деятельности городского населения, мы должны подчеркнуть, что основными отраслями сельского хозяйства в городах Земли вятичей являлись земледелие и скотоводство, в то время как рыболовство, охота и бортничество были только дополнением к ним.

³² В. И. Цалкин. Указ. соч., стр. 222.

³³ Ф. Д. Гуревич. Указ. соч., стр. 81.

³⁴ П. Н. Третьяков. Сельское хозяйство и промыслы. «История культуры древней Руси», т. 1. М.—Л., 1948, стр. 72.

³⁵ Т. Н. Никольская. Военное дело в городах Земли вятичей. КСИА, вып. 139, 1974.

А. Н. КИРПИЧНИКОВ

МЕЧИ ИЗ РАСКОПОК ДРЕВНЕГО ИЗЯСЛАВЛЯ

В руинах древнего Изяславля¹, катастрофически погибшего во время татаро-монгольского нашествия, археологическая экспедиция под руководством М. К. Каргера обнаружила свыше 1500 предметов русского вооружения. Ныне эта коллекция, в основном относящаяся к первой половине XIII в., полностью обработана, и вниманию читателя предлагается раздел о мечах. Сходство деталей этих вещей позволяет вести их обработку главным образом при помощи типологических обобщений.

Судя по клинкам и отдельно найденным перекрестьям, минимальное число несомненно существовавших в Изяславле мечей достигало 8. Если же учесть не менее 14 наконечников ножен (9 из них обломки), то число предполагаемых соответствующих этим наконечникам клинков можно увеличить до 10—12 (рис. 1 и схема количества находок табл. 1). Таким образом, до наших дней дошла лишь какая-то часть клинков, имевшихся у жителей упомянутого волынского города ко дню его гибели.

Таблица 1

Мечи, детали рукоятей и ножен

	Типы			Всего
	I	II	III	
Навершья	2	1	3	6
Перекрестья	1	4	1	6
Наконечники ножен	2	12	—	14

Четыре сохранившихся клинка побывали в огне, они согнуты и сломаны, но для изучения вполне восстановимы. Все клинки одинаковы по ширине (у перекрестья 5 см) и различаются длиной (94—117 см, собственно лезвие 81—98 см) и весом (хорошо сохранившееся лезвие длиной 94 см, не имевшее рукояти, весит 745 г). У трех клинков рукояти сохранились или их можно реконструировать по остаткам (рис. 2), у четвертого рукоять или вовсе отсутствовала, или была сделана из органического материала (кость, дерево, кожа) и не сохранилась².

Все клинки были несомненно рубящими, а у того, что без рукояти, оконечность была, по-видимому, нарочно укорочена и округлена. Именно этот клинок был первым, с которого началась расчистка древнерусских мечей, и после механической очистки поверхности он выявил на одной стороне

¹ Находится у с. Городище Хмельницкой области возле г. Шепетовка. Раскопки производились в 1957—1964 гг.

² На рис. 2 не показан сильно разрушенный меч с дисковидным навершием и прямым перекрестьем типа рис. 2, 3. Его длина не менее 100 см, ширина перекрестья 15 см.

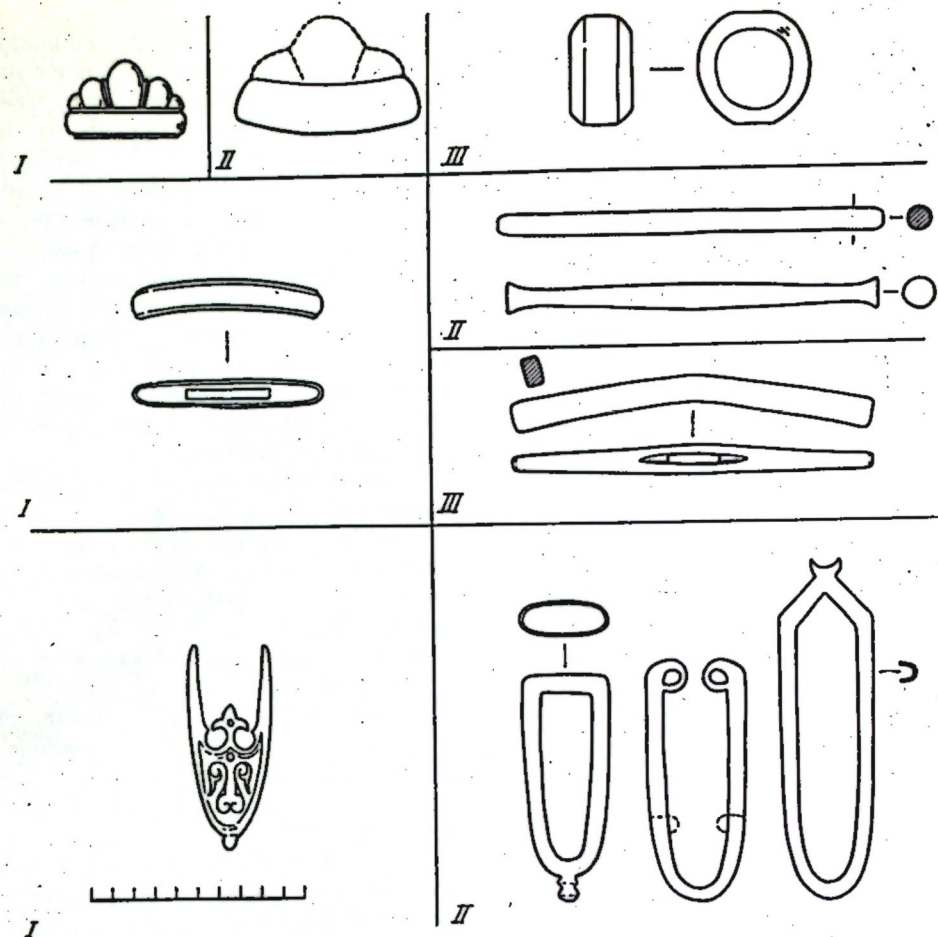

Рис. 1. Навершья, перекрестья и наконечники ножен из Изяславля

инкрустированную желтым металлом³ латинскую надпись SNEX NEX NEX NS, а с другой стороны, по-видимому, изображение сферы и креста (рис. 2, 2). Поначалу казалось, что надпись состоит из трехкратно повторенного слова NEX — смерть, однако, ленинградский филолог А. И. Зайцев расшифровывает и, думается, убедительно, нашу надпись как сокращение, звучащее в полном виде (восстановленный текст заключен в скобки): S(anctum) N(omen) E(terni) X(risti), N(omen) E(terni) X(risti), N(omen) E(terni) X(risti), N(omen) S(anctum)⁴. Польский профессор А. Гейштор думает, что частично сохранившийся знак, принятый нами за разделитель между частями надписи, является не чем иным, как буквой E. По его мнению, надпись разворачивается следующим образом: S(anctum) N(omen) E(ius) X(ristus), E(t) N(omen) E(ius) X(ristus), E(t) N(omen) E(ius) X(ristus), E(t) N(omen) S(anctum). Предложенные трактовки надписи в сущности не отличаются друг от друга и вполне соответствуют духу крестовых походов, очень сильно проявившемуся в надписях на таком привилегированном и «богонизбранном» оружии, как мечи⁵.

³ Инкрустация почти не сохранилась. От нее остались бороздки, напоминающие гравировку. Надпись и изображение располагались в верхней трети дола клинка и сделаны, судя по почерку, опытной, натренированной рукой.

⁴ Перевод: «Святое имя вечного Христа, имя вечного Христа, имя вечного Христа, имя святое».

⁵ А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие, вып. I. Мечи и сабли IX—XIII вв. Л., 1966, стр. 56.

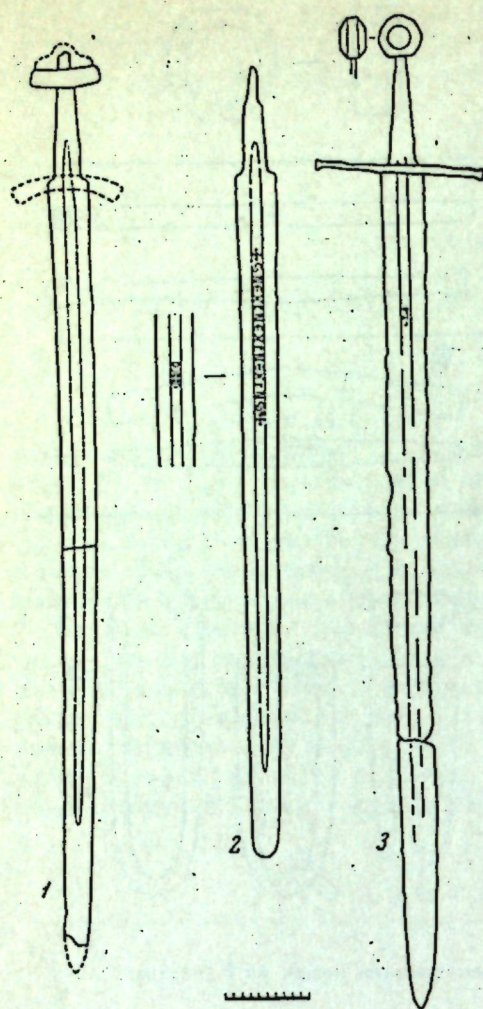

Рис. 2. Мечи из Изяслава (1—3)

На доле другого меча из Изяслава (рис. 2, 3) открылись остатки инкрустированной золотом фигуры — по-видимому, креста. Третий расчищенный меч (рис. 2, 1) никакого клейма не выявил⁶. Открытие латинской надписи и знаков на городищенских мечах было несколько неожиданным, так как свидетельствовало, что как и в X в., на Русь эпохи развития городского ремесла продолжали ввозиться западноевропейские мечи. Несомненно, что именно к таким чужеземным изделиям и принадлежал наш клинок с надписью.

О месте изготовления меча, выложенного золотым крестом, судить не берусь. Что касается клинка, не обнаружившего клейма, то он был снабжен рукоятью, характерной для Восточной Европы (рис. 2, 1). Здесь имеется в виду полое внутри трехчастное навершие (тип II, рис. 1) и несколько изогнутое, также полое, перекрестье. Пять мечей XI—первой половины XIII в. с аналогичными рукоятями обнаружены в разных местностях древней Руси⁷.

К мечам XII—XIII вв., чье распространение также ограничивается Восточной Европой, относятся два городищенских полых бронзовых пятичастных навершия (тип I, рис. 1, один лучше сохранившийся, шириной 5,4 см, высотой 3,2 см, весит 90 г) и полое бронзовое слегка изогнутое перекрестье (тип I, рис. 1, ширина 8,7 см, высота 1,3 см, вес 40 г).

Описанные бронзовые детали неоднократно найдены в Юго-Восточной Прибалтике, Волжской Болгарии и на Руси⁸, но лишь в Изяславе они происходят из хронологически четкого комплекса.

К мечам с трех- и пятичастными рукоятями и небольшими изогнутыми крестовинами относились, по-видимому, два ornamentированных бронзовых наконечника ножен (тип I, рис. 1, высота лучше сохранившегося 8,4 см, ширина 4 см, вес 70 г). Форма наконечников одинакова, но ornamentация различна. В первом случае это растительный побег, во втором — схематическая, небрежно выполненная композиция, центром которой является крест. Наконечники первого вида найдены в Юго-Восточной Прибалтике, Калининградской области, в Западной Белоруссии и Киеве и относятся к XI—XII вв. Наконечники второго вида — в Финляндии, Эстонии, Латвии, Польше, Калининградской области, по одному в Киеве и Подолии и датируются XI—XIII вв.⁹. В этом ряду городищенские находки — одни из самых поздних по дате.

⁶ Меч, отмеченный как плохо сохранившийся, не помещенный на рис. 2, не расчищен.

⁷ А. Н. Кирпичников. Указ. соч., вып. 1, стр. 53 и сл.

⁸ Там же, стр. 52.

⁹ P. Paulsen. Schwertortbänder der Wikingerzeit. Stuttgart, 1953, стр. 107 и сл., группа а.

Больше всего наконечников ножен XI—XIII вв. с трилистником, расходящимся растительными побегами, и «крестом и усиками» зарегистрировано в Латвии. В этой области, и в частности в известном Пассельском могильнике, обнаружены отливки, наиболее близкие городищенским¹⁰. На основании географической интенсивности находок упомянутые наконечники, а равно и клинки с трех- и пятичастными набалдашниками (рассмотренные выше типы I и II, рис. 1) получили название куршских. Курши (их языческие древности обильны) действительно производили многое из своего оружия, но связывать обязательно с их именем похожие формы, встреченные в разных концах Восточной Европы, вряд ли правильно. У нас, в частности, нет оснований все бронзовые детали изяславских мечей и наконечники ножен считать как куршский импорт. Скорее речь идет о родственных типах оружия, выработанных и распространенных в ряде соседних балто-славянских стран.

В отличие от предыдущих нижеследующие находки представляют рыцарские романские мечи, имевшие общеевропейское распространение. К таким предметам относятся два клинка с сохранившимися рукоятями (один, рис. 2, 3, длиной 117 см, весит 1200 г, о другом см. сноску 2 на стр. 30), дисковидные навершия (два на упомянутых двух мечах, третье отдельно, тип III, рис. 1, в поперечнике 5 см, вес 275 г) и стержневидные прямые или с расширяющимися концами и коленчато изогнутые крестовины (два на упомянутых двух мечах, три отдельно, типы II и III, рис. 1, длина 16,5—17,2 см, толщина около 1 см, вес 95—98 г). Из приведенных данных следует, что романские мечи были довольно длинными и массивными, а их рукояти были в три раза тяжелее восточноевропейских (общий вес набалдашника типа III и перекрестья типа II или III — 370—380 г против 130 г у навершия типа I и перекрестья также типа I). Речь, следовательно, идет о тяжелом и мощном оружии с ощутимым навершием-противовесом, позволяющим простейшие фехтовальные манипуляции, и длинным перекрестьем (в наших примерах до 20 см, сравни рис. 2, 3), приспособленным для парирования сильных встречных ударов.

Следует воспользоваться тем обстоятельством, что детали романских мечей, аналогичные нашим, в европейской оружейно-ведческой литературе датированы довольно точно. Дисковидные со срезанными краями увенчания мечей появились около 1180 г.¹¹ (сам же диск, первоначально плоский, возник в начале XII в.). Таковы именно все три набалдашника (тип III), обнаруженные в Изяславе. По западноевропейским примерам стержневидное круглое в поперечном сечении перекрестье (тип II, рис. 1, верхнее изображение) характерно для первой половины XIII в.¹², а стержневидное с расширяющимися концами, также круглое в поперечном сечении (тип II, рис. 1, нижнее изображение), особенно популярно в 1200—1270 гг.¹³ Коленчато изогнутая крестовина (тип III, рис. 1) выступает в Западной Европе в позднем XII, а около 1250 г. приобретает квадратное или прямоугольное сечение. Таким образом, все перечисленные детали романских мечей являлись техническими нововведениями примерно 1200—1250 гг. и существовали в волынской Изяславе приблизительно в то же время, что и в рыцарской Европе (перекрестье типа III с прямоугольным поперечным сечением у нас даже раньше принятой Оуксхотом даты).

подгруппа с. Сравни: Г. Ф. Корзухина. Из истории древнерусского оружия XI века. СА, т. XIII, 1950, стр. 68, и табл. I, 54—59.

¹⁰ Э. С. Мугуревич. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965, табл. VI, 2, 5 и 6; P. Paulsen. Schwertortbänder... рис. 164, 167, 168 и 170.

¹¹ R. E. Oakeshott. The archaeology of weapons. London, 1960, стр. 225 и рис. 106. На Руси XII—XIII вв. мечи с дисковидными навершиями были самыми распространенными.

¹² R. E. Oakeshott. Указ. соч., стр. 232. Тип этого перекрестья остается в употреблении до 1350 г.

¹³ R. E. Oakeshott. Указ. соч., стр. 233—234. Эта форма по указанию автора также удерживается до 1350 г.

Здесь показательный пример удивительной быстроты распространения и восприятия средневековых оружейных изобретений.

К общеевропейским рыцарским мечам относились железные довольно простые и утилитарные наконечники ножен в виде U-образных желобчатых окантовок (тип II, рис. 1, не менее 14 экземпляров, высота 3,8—12,4 см, ширина 4—4,5 см, вес 15—40 г). Даже самые крупные из этих наконечников в два раза легче бронзовых, т. е. они не должны были отягощать и без того тяжелый меч. Наконечники-окантовки были довольно хрупкими и, судя по находкам, часто ломались. Подобные формы в простейшем виде выступают на западноевропейских изображениях середины XII в., а в последующие два века приобретают ряд усложнений в местах соприкосновения желобков¹⁴.

Таковы и изяславские наконечники ножен с выступом-шариком на оконечности и завитками или полумесяцем сверху. Подобные вещи, если не считать одного экземпляра первой половины XIII в. из Смоленской области¹⁵, впервые встречены на Руси и доказывают, что общеевропейская рыцарская мода проявлялась в общности форм не только самого оружия, но и всего портупейного гарнитура и, очевидно, способа пристегивания и ношения ножен.

Итак, рассмотрение городищенских мечей выявило существование двух разных по форме и происхождению¹⁶ наборов мечевых деталей. Столь своеобразное сочетание, объяснимое контрастами русской военной практики, известное нам раньше лишь по разрозненным находкам, в комплексном виде предстало впервые.

Е. А. РЯБЕНИН

ЗООМОРФНЫЕ УКРАШЕНИЯ КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Археологические исследования курганных могильников Костромского Поволжья дали обильный материал эпохи русского средневековья с ярко выраженным «чудским» элементом¹. Достаточно указать, что из 1500 учтенных нами погребальных комплексов 275 курганов (около 20% всех погребений) имеют определенные финно-угорские черты в погребальном обряде и инвентаре. Территория Костромского течения Волги входила, по мнению большинства исследователей, в состав обширной мерянской общности, и «чудские» древности в курганных кладбищах этого района рассматриваются как отражение культурных традиций «обрусевшей» мери².

Наиболее распространенной категорией вещественного материала, связываемого с финно-угорским миром, являются зооморфные украшения, как плоские, так и полые. И не случайно, что уже в первой попытке обобщения археологического изучения костромских могильников первостепенное внимание уделялось именно подвескам, отражающим древние языческие верования³. Но если Д. Н. Анучин рассматривал эту категорию материала как относительно однородную⁴, то последующие исследователи обратили внимание на сложный, смешанный характер костромских древностей. А. А. Спицын, например, подчеркивал «очень случайный и пестрый набор вещей костромской полумерянской культуры»⁵. В работах П. Н. Третьякова, Е. И. Горюновой, В. Ф. Генинга были поставлены вопросы о происхождении некоторых типов шумящих зооморфных украшений, о их связи с соседними территориями.

В данной работе сделана попытка определения места костромских подвесок-амулетов в системе финно-угорских средневековых древностей, основанная на сравнительном анализе «чудских» элементов в древнерусской культуре.

¹ Раскопки костромских курганов были проведены в конце XIX—начале XX в. членами Костромской губернской ученой комиссии — Н. М. Бекаревичем, И. Д. Преображенским, И. Н. Миловиловым, И. Дмитриевым, а также Ф. Д. Нефедовым, В. И. Смирновым, Апухтиным, Девочкиным; в последние годы исследования продолжены Е. Н. Ерофеевой. В данной работе учтены рукописные отчеты исследователей, хранящиеся в архивах ЛОИА и Ивановского краеведческого музея, коллекции Государственного Эрмитажа, Костромского и Ивановского областных музеев, печатные публикации костромских древностей.

² Н. М. Бекаревич. Дневник раскопок курганов, произведенных членами комиссии в 1895—1899 гг. «Костромская старина», вып. V. Кострома, 1901, стр. 453; А. А. Спицын. Древности Иваново-Вознесенской губернии. Иваново-Вознесенск, 1924, стр. 12—17; Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94, 1961, стр. 220—248; В. Ф. Генинг. Некоторые проблемы этнической истории марийского народа (о мерянской этнической области). «Происхождение марийского народа». Йошкар-Ола, 1967, стр. 61—67; П. Н. Третьяков. У истоков древнерусской народности. МИА, № 179. Л., 1970, стр. 131—142.

³ Д. Н. Анучин. О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них религиозных символах. МАНГ, т. III, 1899, стр. 237—259.

⁴ Там же, стр. 245.

⁵ А. А. Спицын. Древности Иваново-Вознесенской губернии, стр. 15, 16.

¹⁴ London Museum catalogues N 7. Medieval catalogue. London, 1954, p. 280, рис. 86, 1, 2, 6, 7.

¹⁵ В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. МИА, № 92. М., 1960, рис. 37, 7.

¹⁶ Я имею здесь в виду не места изготовления конкретных вещей, а районы сложения самих типов.

Зооморфные украшения были встречены в 105 погребальных комплексах в количестве 170 экземпляров. Кроме того, в 23 курганах обнаружены лапчатые привески, отражающие тот же круг идеологических представлений древних обитателей Костромского края. К сожалению, не все эти подвески-амулеты могут быть подвергнуты детальному анализу, так как некоторые из них утеряны и их восстановление возможно лишь по описанию.

Простой количественный подсчет показывает, что фигурки в виде животных встречены во многих погребениях (42%) с финно-угорскими элементами.

Первая стадия существования костромских курганов (вторая половина XII в., по П. Н. Третьякову)⁶ характеризуется плоскими зооморфными украшениями, часть которых, несомненно, является привнесенной в район Костромы потоком древнерусской колонизации⁷.

С северо-западными областями Древнерусского государства связаны находки прорезных изображений водоплавающих птиц (20 экз.). Прорезные гуськи (рис. 1, 1) в большом количестве известны в курганах Приладжья начиная с конца X в.⁸ В XI—XII вв. они получают более широкое распространение, встречаясь в памятниках Новгородско-Псковской земли и в Ярославском Поволжье. Прорезные фигурки стилизованных гуськов (рис. 1, 2) характерны в первую очередь для Новгородской земли, спорадически встречаясь в других районах. Характерным северо-западным типом являются ажурные изображения четвероногих коньков (рис. 1, 3)⁹. Коньковые привески так называемого смоленского типа (рис. 1, 4) имеют широкое распространение, однако основной район их концентрации находится в Верхнем Поднепровье и прилегающих районах Новгородской земли¹⁰.

О приладжских связях свидетельствуют и отдельные находки полых уток ладожского типа (рис. 1, 13, 14), обнаруженные в погребениях ранней стадии костромских курганов.

Наряду с вещами северо-западного происхождения в курганах XII в. встречаются зооморфные украшения местных типов. Таковы двуглавые плоские коньковые привески нескольких вариантов (рис. 1, 5—7). Они представляют «дегенерирующую форму» украшения из двух конских голов с фигурой человека между ними, характерного для памятников I тысячелетия н. э. Камского бассейна¹¹. Поздние разновидности двуглавых коньков встречаются изредка в памятниках различных территорий Севера Руси, однако районы их наибольшего распространения — Костромское Поволжье (20 экз.) и Вологодская область (13 экз.). Возможно, что находки этих украшений в двух соседних районах говорят о связях белозерской веси с населением Костромщины.

В погребениях XII—начала XIII вв. встречены также отдельные подвески-амулеты, указывающие на связи с более южными, мерянскими территориями. Подвеска — «ангелок» (рис. 1, 12), найденная в комплексе XII в., представляет собой упрощенное воспроизведение «чудского образка» прикамских племен и имеет аналогии во владимирских курганах

Рис. 1. Зооморфные украшения Костромского Поволжья (1—19)

(Вески, кург. 60)¹², погребениях Московской области (Пироговская курганная группа, курган 2)¹³, в древностях Прибалтики (Аллаш)¹⁴. Прорезная плоская утка (рис. 1, 9) близка украшениям из городов Владимиро-Суздальской земли (Владимир, Суздаль, Ярополч Залесский)¹⁵ и подвеске, обнаруженной у д. Федоровская в Ярославском Поволжье¹⁶. Аналогичные изображения уток известны в Волжской Булгарии¹⁷. Ажурный двуглавый петушок (рис. 1, 8), встреченный в кургане у д. Ва-

⁶ П. Н. Третьяков. Костромские курганы. ИГАИМК, т. X, вып. 6—7, 1931, стр. 21.

⁷ Там же, стр. 20, 21; Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья, стр. 220—232.

⁸ Н. В. Тухтина. Этническая принадлежность погребенных в курганах Юго-Восточного Приладжья. «История и культура Восточной Европы по археологическим данным». М., 1971, стр. 180.

⁹ 12 коньковых подвесок этого типа происходит из Новгородской земли, 13 — из памятников Прибалтики.

¹⁰ В. В. Седов. Амулеты-коньки из древнерусских курганов. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 151—157.

¹¹ П. Н. Третьяков. Костромские курганы, стр. 17; Л. А. Голубева. Коньковые подвески Верхнего Прикамья. СА, 1966, № 3, стр. 80—99.

¹² А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, 1905, стр. 62, рис. 229.

¹³ Благодаря автору раскопок Т. А. Пушкину, любезно разрешившую мне воспользоваться ее материалом.

¹⁴ Katalog der Ausstellung zum archäologischen Kongress in Riga. Riga, 1896, табл. XVIII, 4.

¹⁵ «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.». М.—Л., 1941, табл. XIV, 9; Е. И. Горюнова. Этническая история..., стр. 59, рис. 18, 21; В. В. Седов. Древнее поселение близ г. Вязники. КСИИ, вып. 85, 1962, стр. 102, рис. 38, 4.

¹⁶ Колл. ГИМ, инв. № 54746.

¹⁷ Колл. ГИМ, инв. № 9917/ш.

сильевское, близок украшениям из Тверского Поволжья (пуст. Ки- домля) ¹⁸ и Московской области (имение Горки б. Подольский у.) ¹⁹.

В курганах XIII в. довольно частой находкой являются плоские уточки с лапчатыми привесками (рис. 1, 10, 11). Подобные украшения редки в северо-западных районах Руси. Лишь одна подвеска этого типа обнаружена на территории Новгородско-Псковской земли (д. Сущева, б. Новоржевского у.) ²⁰; единичные экземпляры таких уточек из городских слоев Новгорода и Старой Ладogi ²¹ свидетельствуют скорее о торговых связях, чем о местном производстве. В более восточных районах встречаемость их значительно возрастает: в Приладожье нам известно 4 экз. подвесок этого типа, в Вологодской области — не менее 10 экз., в Костромском Поволжье — 21; такие уточки часто встречаются в бассейне Камы. Таким образом, мы можем рассматривать данные украшения в качестве северо-восточного типа, весьма характерного для культуры костромских курганов.

XIII—XIV вв. — период расцвета полых зооморфных украшений на всем севере Восточной Европы. Само появление полых фигурок животных в финно-угорских древностях относится к эпохе I тысячелетия н. э. (например, уточки «дубровничского типа», известные у волго-окских племен) ²². В курганах Приладожья X—XI вв. типичным женским украшением являются полые уточки ладожского типа. Однако именно поздний период существования курганных древностей характеризуется появлением специфических полых украшений в Костромском Поволжье и Новгородской земле. К сожалению, вплоть до настоящего времени полые изображения животных в древностях Северной Руси рассматривались недифференцированно, как единый нераздельный пласт финно-угорской культуры. В результате появились предположения о распространении этих украшений из одного центра Восточной Европы на все остальные территории. По мнению Е. И. Горюновой, таким центром было Костромское Поволжье, и появление полых подвесок в Новгородской земле рассматривалось как отражение торговых и культурных связей с Новгородом ²³. Однако даже первичный типологический анализ, основанный на полном сборе зооморфных изображений, показывает, что полые украшения не составляли единого неделимого массива «чудских» древностей. Характернейший тип костромских украшений — полые «коньки-птицы» или «барашки» (рис. 1, 15—18), являющиеся, по-видимому, крайне стилизованными изображениями водоплавающих птиц, достаточно ясно отличаются от новгородских массивных коньковых привесок (рис. 1, 19) с их прямой и четко выраженной шеей, часто снабженной гривой. Конечно, производство полых украшений по восковым моделям ²⁴ определяет значительное разнообразие вариантов этих подвесок, мешает проведению их дробной типологической детализации, однако отличие костромских «барашков» от новгородских «коньков» представляется несомненным. Находки небольшого числа «коньков» новгородского типа (5 экз.) свидетельствуют, скорее всего, о тех связях, которые продолжали существовать между новгородскими владениями и Верхним Поволжьем в конце XII—XIII в. Основная же масса полых подвесок (около 70) представлена местными костромскими типами. Небезынтересно отметить тот факт, что, если новгородские коньковые аму-

леты являются довольно частой находкой в городах и погребальных комплексах соседних районов, то костромские «барашки» в основном ограничены территорией Костромского течения Волги, встречаясь лишь изредка на прилегающих территориях.

Таким образом, Костромское Поволжье является районом, в котором зооморфные украшения представляют наиболее характерный элемент финно-угорской материальной культуры. Уже в ранних памятниках встречаются как украшения, принесенные в рассматриваемый район колонизационным процессом из северо-западных областей Руси, так и местные подвески-амулеты. XII—XIII вв. характеризуются отчетливо прослеживаемыми связями Костромского бассейна Волги с северными и восточными областями. И, наконец, поздний этап существования костромских курганов определяется господством своих, местных форм полых украшений. Рассмотренный материал показывает, что наиболее характерный элемент материальной культуры «центральной группы мери» — плетеные коньковые подвески ²⁵ — в костромских древностях фактически отсутствует. Вряд ли это может быть обусловлено одними хронологическими различиями. Исследованиями в более южных районах Ивановской области были получены материалы, отражающие смешанный, промежуточный характер материальной культуры этой территории, вобравшей в себя как владимирские, так и костромские «чудские» элементы ²⁶. Вывод Е. И. Горюновой о наличии локальных групп в обширной мерянской группировке ²⁷ получает свое подтверждение при анализе зооморфных украшений.

¹⁸ А. К. Жизневский. Курганы Тверской губернии. ИОЛЕАНЭ, т. IX, вып. 3, 1890, стр. 701—704.

¹⁹ Колл. ГИМ, инв. № 50020.

²⁰ Колл. ГЭ, секция С—З, инв. № 855/2.

²¹ М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода. МИА, № 65, 1959, стр. 228; «Старая Ладога». (Материалы археологических экспедиций). Л., 1948, стр. 89, табл. IV, 4; Колл. ГЭ, секция С—З, инв. № 2790/238.

²² В. А. Городцов. Дубровничский финский могильник. «Труды общества исследователей Рязанского края». Рязань, вып. V, 1925, стр. 15, рис. 10, 11.

²³ Е. И. Горюнова. Этническая история..., стр. 244.

²⁴ См., напр.: Н. В. Рындина. Технология производства новгородских ювелиров. МИА, № 117, 1963, стр. 244.

²⁵ А. С. Уваров. Поясные украшения в курганах мерян. «Сборник мелких трудов А. С. Уварова», т. II. М., 1910, стр. 89—93; Е. И. Горюнова. Этническая история..., стр. 101 и след.

²⁶ См., напр.: К. Н. Тихонравов. Раскопки близ пос. Вознесенского Шуйского у. «Труды Владимирского статистического комитета», вып. VI. Владимир, 1867, стр. 133—139; он же. Об археологических разысканиях во Владимирской губернии. ЛОИА, ф. 1, 1863, № 3.

²⁷ Е. И. Горюнова. Этническая история..., стр. 244—248.

А. В. ЧЕРНЕЦОВ

К ИЗУЧЕНИЮ СИМВОЛИКИ НОВГОРОДСКИХ ВРАТ 1336 Г.

Золоченые врата (двери), изготовленные в 1336 г. для Софийского собора по повелению архиепископа новгородского Василия¹, представляют значительный интерес и как замечательное произведение искусства, и как своеобразный исторический источник. На них наряду с обычными иконными сюжетами представлен ряд неканонических композиций. Выбор этих сюжетов был, очевидно, произволен и, вероятно, в большей степени, чем канонические изображения, отражал представления и земные интересы заказчика и ремесленников. Неканонические сюжеты находятся в нижней, периферийной части врат. Так же размещены неканонические, полусветские и вполне светские изображения и на других подобных вратах. На золоченых вратах Успенского и Благовещенского соборов Московского Кремля здесь изображены языческие мудрецы и сивиллы. На западных вратах Рождественского собора в Суздале, основные канонические изображения на которых совпадают с сюжетикой новгородских врат 1336 г., в нижней части находятся изображения львов и грифонов, носящие характер политических эмблем.

Среди неканонических сюжетов новгородских врат особый интерес представляет сцена с Китоврасом (рис. 1). Китоврас-кентавр — довольно популярная фигура в древнерусском искусстве. Древнейшее изображение кентавра на Руси находится на резной деревянной колонне XI в. из раскопок в Новгороде (рис. 2, 1)². Позднее кентавры фигурируют на стенах храмов Владимиро-Суздальского княжества, на новгородской печати XIV в., на монетах XV в., бронзовых зеркалах, которыми русские купцы снабжали народы Сибири; новгородских паникадилах, изразцах и сосудах XVI—XVII вв., на сохранивших древнерусскую сюжетную лубочных картинках (рис. 2, 2—4)³. Отмечалась особая популярность образа кентавра в новгородских землях⁴.

Рис. 1. Сцена с Китоврасом с врат 1336 г.

Символика образа кентавра на Руси была многозначна. Согласно истолкованию В. П. Даркевича, изображения кентавров на стенах Дмитриевского собора во Владимире связаны (через посредство романского искусства) с античной традицией, с подвигами Геракла⁵. Г. К. Вагнер

фигура в русском тератологическом рукописном орнаменте XIV в. М., 1913, табл. VII, 3; И. И. Плещанова. Псковские архитектурные керамические пояса. СА, 1963, № 2, стр. 211—213, рис. 2; И. К. Лабутина. Охранные раскопки в Пскове. «Археологические открытия 1972 г.». М., 1973, стр. 21. О находке обломка сосуда XV—XVI вв. с изображением Китовраса при раскопках Кунцевского городища любезно сообщил А. Г. Векслер.

¹ Г. К. Вагнер. Скульптура древней Руси, стр. 114.

² В. П. Даркевич. Подвиги Геракла в декорации Дмитриевского собора во Владимире. СА, 1962, № 4, стр. 101, 102.

¹ В. Н. Лазарев. Васильевские врата 1336 г. СА, вып. XVIII, 1953, стр. 368—442.

² А. В. Арциховский. Колонна из новгородских раскопок. «Вестник Московского университета. История», 1954, № 4, стр. 65—68.

³ Г. К. Вагнер. Скульптура древней Руси. Владимир, Боголюбovo. М., 1969, стр. 264—266; он же. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Юрьев-Польский. М., 1964, стр. 11—116; В. А. Янин. Актовые печати древней Руси X—XV вв., т. II. М., 1970, стр. 121, 219, № 701; А. В. Орешников. Русские монеты до 1547 года. «Исторический музей. Описание памятников», вып. I. М., 1896, табл. VI, 263—265; XII, 581—584; XIII, 644—649; XIV, 657—658; XVII, 797—807. Ср. табл. II, 54; IV, 177; А. П. Окладников. Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фаддея. СА, вып. XIII, 1950, стр. 139—172; И. И. Толстой, Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. VI. СПб., 1899, стр. 163, 164, рис. 201, 203; Г. К. Вагнер. О зооморфных изображениях на древнерусских хорошах. КСИИ, вып. 81, 1960, стр. 26, 27, рис. 8, 10; Р. Л. Розенфельд. Московское керамическое производство XII—XVIII вв. САИ, вып. Е1-39. М., 1968, табл. 17, 13; 20, 9; 21, 19; Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, т. I. СПб., 1900, табл. V и слб. 194; «Русский лубок XVII—XIX вв.». М.—Л., 1962, № 74; «Русское декоративное искусство», т. I. М., 1962, стр. 173, рис. 112; стр. 266, рис. 186; А. Н. Некрасов. Очерки из истории славянского орнамента. Человеческая

Рис. 2. Древнерусские изображения кентавров

1 — на резной колонне из Новгорода; 2 — на стене собора в Юрьеве Польском; 3, 4 — на обороте зеркала, найденного на острове Фаддея, на новгородском паникадиале

связывает большинство древнерусских изображений кентавра с апокрифом о Соломоне и Китоврасе⁶. Это объяснение бесспорно для новгородских врат 1336 г. ввиду наличия разъяснительной надписи. Известен на Руси и образ кентавра-стрельца, очевидно, связанный с созвездием⁷. Часть поздних изображений кентавра связана с Полканом-богатырем из «Сказания о Бове-королевиче»⁸.

⁶ Г. К. Вагнер. Скульптура древней Руси, стр. 264—266; он же. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси, стр. 111—116; см.: А. Н. Веселовский. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. В кн.: «Собрание сочинений», т. 8, вып. 1. Пг., 1921.

⁷ А. В. Орешников. Указ. соч., табл. XVII, 797—807; Р. Л. Розенфельд. Указ. соч., табл. 20, 9; Д. А. Ровинский. Указ. соч., табл. 48—49, табл. V; Г. Н. Бочаров. Прикладное искусство Новгорода Великого. М., 1969, стр. 106, 107; то же на Сигтунских вратах.

⁸ Д. А. Ровинский. Указ. соч., табл. 194; Р. Л. Розенфельд. Указ. соч., табл. 21, 19.

Апокрифического Китовраса обычно рассматривают как своеобразного «патрона» зодчих⁹ (ввиду того, что он выступает в легенде в качестве хранителя строительных секретов). Сравнение зодчих с Китоврасом могло, по мысли исследователей, приводить к лбстивому сравнению князей с Соломоном¹⁰ (последнее сравнение действительно не редкость в древнерусской литературе и изобразительном искусстве). В качестве подтверждения этой точки зрения приводились сведения о соответствии упоминаемых в тексте мерных прутьев Китовраса древнерусским мерам длины, и о «позе размышления», в которой он представлен на серебряном пластинчатом браслете XII—XIII вв. из Тверскогоклада¹¹.

Заметим, что единственное, бесспорно связанное с апокрифом изображение кентавра на вратах 1336 г. представляет его не как строителя, а как противника царя Соломона. Представление о том, что фигура кентавра понималась на Руси как «профессиональная эмблема» зодчих, находится в противоречии не только с изображением на вратах 1336 г. На монетах он носит характер политической эмблемы. Характерны вооруженные кентавры (с копьем, боевым топором, стреляющие из лука, вынимающие меч из ножен)¹². Вооруженного, угрожающего кентавра трудно отнести к числу строительных эмблем. Кентавр встречается среди геральдических изображений¹³. Он был эмблемой одного из древнейших литовских княжеских родов (из рода Китовраса)¹⁴.

Можно говорить и об особой роли Китовраса-кентавра в народных поверьях. Вероятно, помещение изображения этого существа на паникадиале имело какое-то символическое или магическое значение. Вероятнее всего магическое значение имеет и изображение кентавра, оттиснутое внутри небольшого ритуального сосуда из погребения, раскопанного в Московском Кремле (рис. 3). Какие-то представления, связанные с образом Китовраса, вызвали отрицательное отношение церкви к сказочной повести о Соломоне и Китоврасе. Она была внесена в список «ложных книг»¹⁵.

Каковы были причины такого отношения церковников к легенде о Китоврасе? Можно думать, что их не устраивало то, что загадочный Китоврас постоянно превосходит мудростью самого Соломона. Принимает образ царя и момент расправы с ним Китовраса. Возможно также, что некоторые церковники знали, что Китоврас славянской версии легенды соответствует демону Асмодею талмудического первоисточника. Заметим,

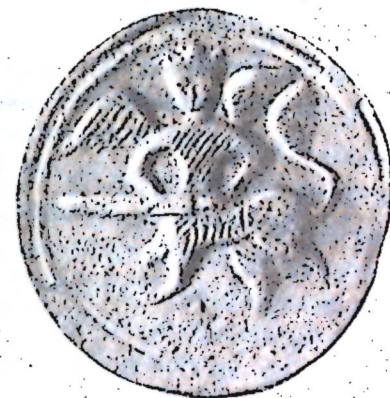

Рис. 3. Изображение Китовраса на донышке ритуального сосуда из Московского Кремля

⁹ Г. К. Вагнер. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси, стр. 115.

¹⁰ Там же, стр. 115, 116.

¹¹ Б. А. Рыбаков. Архитектурная математика древнерусских зодчих. СА, 1957, № 1, стр. 84.

¹² А. В. Орешников. Указ. соч., табл. VI, 263—265; Р. Л. Розенфельд. Указ. соч., табл. 17, 13; Г. К. Вагнер. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси, табл. XXVIII, а.

¹³ Ю. В. Арсеньев. Геральдика. М., 1908, стр. 195, 196, 277.

¹⁴ ПСРЛ, т. XVII. СПб., 1907, табл. 256; Ю. В. Арсеньев. Указ. соч., стр. 195. Герб Китоврас (Kityaugus) связан с легендой о прибытии в Литву римской знати. Интересны сведения литовской летописи об определении связи между эмблемой в виде кентавра и литовским вариантом «ежидеца» (Pogon).

¹⁵ А. Пыпин. Исследования для объяснения статьи о ложных книгах. «Летописи занятий Археографической комиссии за 1861 г.». СПб., 1862, стр. 39, 52.

что в ряде западноевропейских изображений кентавр символизирует демоническое начало¹⁶.

Изображение Китовраса на вратах 1336 г. уникально как наличием пояснительной надписи, так и тем, что здесь мы видим не изолированную фигуру кентавра, а композицию, иллюстрирующую определенный эпизод апокрифа.

Эти два момента весьма существенны для изучения символики образа Китовраса. Оказывается, что в сознании древнерусских читателей или их части кульминацией легенды были не строительная деятельность кентавра и не конечное восстановление Соломона в своих правах, а расправа чудесного строителя над священной особой премудрого царя. Описываемый сюжет с врат 1336 г., таким образом, как бы иллюстрирует идею «монархомахии».

Право на восстание против сюзерена, монарха впервые развернуто обосновывается в «тираноборческих» трактатах спустя два столетия. Однако формально подобные идеи опираются на значительно более ранние представления, между прочим, на право частной войны эпохи феодальной раздробленности. Негативное отношение к властям, освященным господствующей церковью, характерно также для некоторых еретических движений средневековья.

В Новгородской земле с ее республиканскими традициями подобные идеи декларировались на протяжении всего периода независимости. Не случайно попали в летописи такие фразы, как «а вы, братья, вольны и в посадниках и в князьях» (1218 г.) и «вам, господином своим, челом бьем, а что государи вас — а то не зовем» (1476 г.). Враждебные настроения по отношению к великим князьям московским породили в новгородском изобразительном искусстве даже новый иконный сюжет — «чудо от иконы Знамение» («битва новгородцев с суздальцами»)¹⁷. Создание врат 1336 г. совпадает с расцветом республиканских институтов в Новгородской земле, временем наибольшей политической и экономической независимости Новгорода.

Конкретная политическая обстановка во время создания врат была изменчивой и напряженной.

1333 г. Примирение Новгорода с Псковом и его князем Александром Михайловичем тверским (врагом великого князя московского). В Новгород прибывает сын великого князя литовского Наримунд.

1334 г. Восстановление мира с Москвой «на новгородской старине». Запланирован не состоявшийся совместный поход на Псков.

1337 г. Поход московских войск на новгородские земли. Попытка новгородцев возобновить союз с Псковом и Александром Михайловичем.

Следует отметить самое активное участие в сложной политической игре этого периода заказчика врат — архиепископа Василия.

Мирная передышка 1334—1336 гг., в конце которой были созданы врата, были по существу бескровной победой Новгорода. Поэтому создатели врат и решились поместить на их створках наряду с надписью, признающей сюзеренитет великого князя, аллегоричную борьбу вольнолюбивого Новгорода с его феодальным сеньором.

Сцена с Китоврасом интересна также некоторыми деталями. В надписи Китоврас называется «братом» Соломона, на голове кентавра корона, по видимому обозначающая, что, расправившись с царем, он захватил престол. В ранних списках апокрифа этих подробностей нет. Однако они известны в иноземных и поздних русских вариантах легенды. Таким образом, изображение на вратах 1336 г. наряду с некоторыми другими изображениями (полет Александра Македонского и подвиги Геракла на стенах владимир-

ских соборов, сцены на рогатине тверского князя Бориса Александровича, икона «Чудо архангела Михаила о Флоре и Лавре» показывает, что литературные познания в древней Руси были шире, чем можно было бы думать, исходя из состава дошедших до нас рукописей.

Не вполне ясна фигура, помещенная в правой части пластины с Китоврасом, в здании с крестом на крыше. Возможно, что это книжник, старающийся выручить Соломона. Непонятными остаются языки пламени над зданием и инструменты у ног «книжника». Кресты на здании и на книге (?), по которой книжник разыскивает Соломона, возможно, намекают на сторонников великого князя из числа духовенства. В таком случае огонь над занем может быть понят, как выражение отношения ремесленников и заказчика. С другой стороны, эти детали могут отражать текст неизвестного варианта апокрифа.

Изображение Китовраса находится в соответствии с трактовкой позднего рукописного подлинника: «иже от главы яко человек, а от аки осьл»¹⁸. Крылья упоминаются в апокрифе. Кентавры с крыльями и коронами известны также на монетах, паникадилах, ритуальном сосуде из погребения в Москве и бронзовых зеркалах. Такие кентавры также, как и Китоврас новгородских врат 1336 г., подчеркнута агрессивны (с мечом или копьем); у некоторых в руках вместо оружия жезл. Иногда на изображениях кентавры имеют на ногах пальцы (когти?) вместо копыт¹⁹. Подобные (звериные) ноги и у китоврасов Георгиевского собора в Юрьеве Польском (рис. 2; 2). С кентавром врат 1336 г. их роднят короны, но у них нет крыльев.

В широком смысле к сцене с Китоврасом примыкают еще три («Давид и Голиаф», «Весы Страшного суда», «Притча о сладости сего мира»). Эти сцены как бы иллюстрируют тему божьего суда (в земном понимании — войны) и могут быть также связаны с дипломатической победой Новгорода над более сильным врагом.

Наиболее выразительная сцена — «царь Давид порази Голиафа» (сюжет, непосредственно связанный с войной), правда, представляет собой доделку XVI в., но весьма вероятно, что она, как обычно в случае «поновления», повторяет сюжет старой обветшалой пластины.

Пластина с изображением «весов Страшного суда» интересна двумя непонятными надписями и трактовкой хвоста дьявола (?) в стиле «чудовищного» орнамента. Одна из надписей, кажется, должна быть дополнена пропущенной строчкой: «аще ты/окань /ного по/ража то/увидиши/ себе». «Притча о сладости сего мира» иллюстрирует отрывок из приписываемого Иоанну Дамаскину Жития Варлаама и Иоасафа. Интересно неполное соответствие изображения притче. Вместо четырех драконов, символизирующих четыре «стихии», из которых составлено человеческое тело, на пластине изображено шесть драконов. Наряду с упомянутым в тексте жития единорогом у корней дерева представлен лев, о котором в житии ничего не говорится. Происхождение этих дополнений можно связывать или с вольной трактовкой сюжета, или с особым вариантом популярного жития Варлаама и Иоасафа. Следует отметить большую популярность геральдической пары — льва и единорога в средневековом западном и русском искусстве²⁰. Интересна трактовка образа единорога

¹⁸ А. Н. Веселовский. Указ. соч., стр. 166.

¹⁹ Не следует преувеличивать значения этой детали. На вратах 1336 г. с пальцами на ногах изображаются овцы и козы (пластины с изображением «Рождества Христова»). На лубочных картинках и в вариациях текста сказания о Бове-королевиче Полкан-богатырь представлен с конскими копытами, хотя в первоначальном тексте он описывается «по пояс песьи ноги, а от пояса что и прочий человек».

²⁰ В. И. Антонова, Н. Е. Мнев. Каталог древнерусской живописи XI—XVIII вв. «Государственная Третьяковская галерея», т. II. М., 1969, стр. 481, № 1006, табл. 175; Ю. В. Арсеньев. Указ. соч., стр. 193, 194; «Русское декоративное искусство», т. I, стр. 317, рис. 221; стр. 330, рис. 233.

¹⁶ J. Bayet. La Symbolisme du serf et du centaure à la Porte Rouge de Notre-Dame de Paris. «Revue Archeologique», serie 6, XLIV. Paris, 1954.

¹⁷ В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, стр. 112.

на вратах 1336 г. Он имеет совсем иной облик, чем конь, тело покрыто чешуей (?), на ногах пальцы.

Последняя неканоническая композиция врат 1336 г. — сцена ликования царя Давида перед повозкой, везущей в Иерусалим ковчег завета. Хотя это изображение иллюстрирует событие, упоминаемое в канонической книге (2-я кн. Царств, 6), и церковное песнопение (Пасхальный канон, песнь 4), Б. А. Рыбаков связывает ее с ересями²¹ (точнее, с обрядами мистических сект, радения которых сопровождалась пляской; обряд известен, в частности, у русских хлыстов). В этой связи можно вспомнить сообщение архиепископа новгородского Геннадия о пляске еретика попа Дениса во время богослужения за престолом²². Уже говорилось об отрицательном отношении строго православных церковников к апокрифу о Кито-врасе. Создается впечатление, что новгородские врата 1336 г. были созданы в обстановке терпимости и интереса к еретическим сюжетам.

Это тем более интересно, что заказчиком врат был сам новгородский архиепископ. Заказчик уделял внимание изготовлению врат — в этом убеждает его изображение в виде донатора (явление сравнительно редкое в древнерусском искусстве) и помещенный на вратах текст молитвы, составленный самим архиепископом от своего имени²³.

Время архиепископства Василия приходится на сложный период истории русской культуры — от татаро-монгольского нашествия до второго южнославянского влияния и распространения на Руси исихазма. Этот период характеризуется, кроме общего упадка культуры, ослаблением духовной цензуры, приведшим к значительному проникновению в церковное искусство (например, в оформление богослужебных книг) народных полуязыческих мотивов. Архиепископ Василий был ярким представителем характерных тенденций своей эпохи. Он не только увлекается апокрифами, но и сам создает их («Послание о земном рае»). Двусмысленное высказывание Василия по вопросу о принятии католицизма (ссылка на свою некомпетентность в беседе со шведскими посланцами) и связанное с именем новгородского владыки сказание о прибывшем из Рима белом клобуке, можно рассматривать как отражение своеобразного вольномыслия архиепископа. Показательно, что весьма популярная личность владыки Василия, отмеченная в «Сказании о клобуке», прославляющем его чудеса, не была все же удостоена канонизации. Со временем архиепископства Василия связано зарождение первого еретического движения на Руси (ересь «стригольников»).

Золоченые новгородские врата 1336 г. представляют собой памятник, насыщенный символическим смыслом. В их оформлении (которое, к сожалению, не избежало поздних переделок) не было ничего случайного. Характерно, что даже цитата, написанная на книге в руке сидящего на престоле Христа («Аз есмь дверь, мною еще кто внидет, спасется» — Иоанн, 10, 9) выбрана не случайно, а в связи с функцией предмета, на котором сделано изображение.

²¹ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 650, 770. В качестве подтверждения этой точки зрения можно привести отрывок из статьи «о еретиках» из Пален XVI в.: «А се еретицы научиша плескати руками поюще, слышавше Давида глаголюща: вси языцы воспощете руками, а се еретицы же научиша плясати, паче же дьявол еретики научи люди соблазнять во всем слышавше, яко Давид плясал» (цит. по работе: А. Пыпин. Указ. соч., стр. 30). Интересно весьма значительное нарушение «единства места и действия» на пластине с ликованием Давида. «Поражение Озино», изображенное в нижнем правом углу композиции, отделено, согласно Библии, тремя месяцами от принесения жнота в Иерусалим и встречи Давида и дочери Саула Мелхои, представленной на башне в верхней левой части пластины.

²² Н. А. Казакова, Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.—Л., 1955, стр. 126, 375 («Денис поп — тот в Архангеле служил, да на литургии ден за престолом плясал»).

²³ В. Н. Лазарев. Васильевские врата, стр. 397.

Д. А. БЕЛЕНЬКАЯ

О ГРАМОТНОСТИ МОСКОВСКИХ ГОРОЖАН В XIV—XVII ВВ.

Москва относится к тем древнерусским городам, для которых уровень грамотности населения хорошо улавливается из сопоставления отрывочных сведений письменных источников с находками орудий письма, вещей с надписями и т. д.

С территории древнего московского посада — Китай-города собрана небольшая, разнообразная по составу коллекция подобных вещей, где особую группу составляют предметы, связанные с письмом на навощенных дощечках и бересте. Находки берестяных грамот в целом ряде древнерусских городов, а также сообщение письменных источников об использовании бересты в качестве материала для письма в обители Сергия Радонежского, т. е. в непосредственной близости от Москвы¹ — все это позволяет ожидать берестяных грамот и в московском слое.

В Китай-городе, где археологически исследовано 2300 кв. м площади и охвачено наблюдениями за земляными работами еще 2000 кв. м, найдено 8 стилей. Самыми ранними являются писала из слоев XIV—начала XVI вв. Это граненые железные стержни с головкой (рис. 1, 2, 3). В Новгороде этот тип писала просуществовал с конца XIV до XVI в.² Подобное писало найдено в Никульчино близ Кирова в слое XIV—XV вв.³

Фрагмент костяного стила обнаружен в слое XIV в. Острый конец его заметно сточен, верхняя часть обломана (рис. 2, 2). Несколько костяных стилей из слоев XIV—XVI вв. изданы ранее⁴.

Многочисленные находки в древнерусских городах стилей с лопаточками убедительно говорят о широком распространении письма на навощенных дощечках. Возможность быстро исправить или уничтожить очередную запись на воске превращала этот тип письма в наиболее удобный для разных слоев населения города⁵. В этой связи интерес представляют два найденных на московском посаде костяных навершия в виде небольших лопаточек, украшенных циркульным орнаментом (рис. 2, 1, 2). Острый рабочий край их заметно сточен. Длина лопаточек 53 и 41 мм, ширина острого края 25 и 16 мм, диаметр втулок 10 и 9 мм. О связи этих предметов с письмом на восковых дощечках говорит то, что во втулке одной из лопаточек находился небольшой заостренный деревянный стержень. Лопаточки обнаружены в слоях XV—начала XVII в.

Коллекция найденных на посаде бытовых предметов с надписями очень разнообразна. Так, на одном из прибрежных раскопов 1949—1951 гг. обнаружена односторонняя костяная печать, датируемая второй половиной

¹ А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1951 г.). М., 1953, стр. 6.

² А. Ф. Медведев. Древнерусские писала X—XV вв. СА, 1960, № 2, стр. 79, рис. 4, 6.

³ Там же, стр. 79.

⁴ М. Г. Рабинович. О древней Москве. М., 1964, стр. 305, рис. 130.

⁵ Ф. Д. Гуревич. Грамотность горожан древнерусского Понемья. КСИА, вып. 135, 1973, стр. 32.

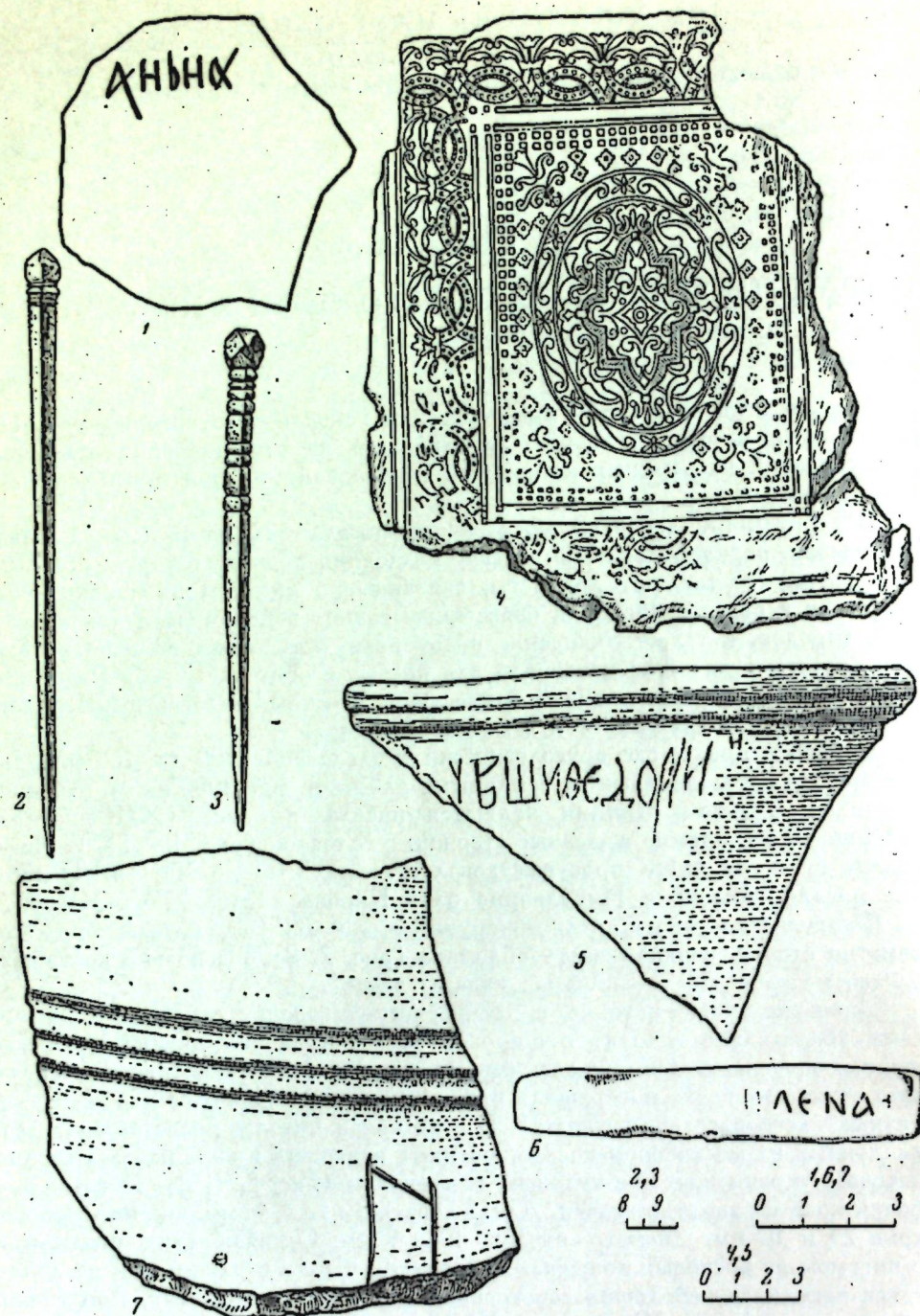

Рис. 1. Находки из слоев XIV—XVI вв. московского посада

1 — фрагмент сосуда с надписью; 2, 3 — железные писала; 4 — порcelан XVI в.; 5 — фрагмент сосуда с надписью; 6 — надпись на шиферной иконке; 7 — фрагмент сосуда с буквой

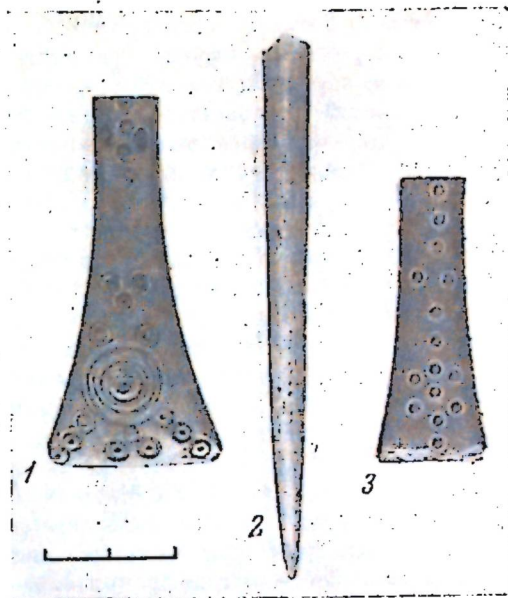
XV в., с надписью «Печать Ивана Карови»⁶. Владельца печати — должностного лица этого времени установить пока не удалось. Предположение М. Г. Рабиновича, связывающего печать с семьей Патрикеевых⁷, не ка-

⁶ М. Г. Рабинович. Материалы по истории Великого посада Москвы. Сб. «Археологические памятники Москвы и Подмосковья». М., 1954, стр. 74.

⁷ М. Г. Рабинович. О древней Москве, стр. 208.

Рис. 2. Орудия письма московского посада

1, 3 — костяные лопаточки; 2 — костяное писало

жется достаточно обоснованным. Вместе с тем, выяснение имени владельца помогло бы в решении целого ряда вопросов истории посада (таких, как социальный состав населения и возможное его административное деление в XIV—XV вв.). О нем лаконично упоминает «Запись, что тянет душегубством к Москве», где показаны районы, подчиненные московским властям по делам об убийствах. В записи четко выделен район: «... а лучится на Великой улице у Николы у Мокрово, ино к тому от Острого конца и до Варьской (Варварской) улицы»⁸. Выделение такого небольшого административного района вряд ли говорит только об исключительной древности этой части посада.

Иконографическими и палеографическими признаками XV столетия датируется небольшая иконка из серого шифера с изображениями на одной стороне Ильи и Никиты («Микиты»), а на другой — Варфоломея или Варнавы и Пятницы. На верхнем ребре иконки вырезана надпись «... лена» (рис. 1, 6), очевидно, Олена⁹.

Особую группу находок составляют фрагменты глиняных сосудов с вырезанными именами владельцев. Так, в слое XVI в. на склоне к Москверке найден фрагмент белоглиняного кувшина с процарапанной по краю горла у венчика надписью: «... увши... Федорини»¹⁰ (рис. 1, 5).

В слое первой половины XV в. на склоне к реке найден еще один фрагмент глиняного кувшина с надписью «аньна». Внешняя поверхность сосуда была покрыта белым ангобом, что датирует находку также XV в.¹¹ Надпись, процарапанная по ангобу, по палеографическим признакам датируется этим же временем (рис. 1, 1).

Своеобразное косвенное отношение к территории Китай-города имеет чернолощенный кувшин XVII в. с надписью, обнаруженный при расчистке древнего колодца в Казарменном переулке (территория бывшей Барашевской слободы, расположенной в Земляном городе между Покровкой и Воронцовым полем). На горле кувшина — надпись: «Кувшин добра человека

⁸ «Памятники русского права», вып. 3. М., 1955, стр. 167—169.

⁹ А. Ф. Дубынин. Работы Московской экспедиции. КСИА, вып. 57, 1955, стр. 74.

¹⁰ А. Ф. Дубынин. Археологические исследования 1955 года в Зарядье (Москва). КСИА, вып. 77, 1959, стр. 99.

¹¹ Р. Л. Розенфельд. Московское керамическое производство XII—XVIII вв. САИ, Е1—39, 1968, стр. 20.

Григория Офонасева». Выполнена надпись по обожженной поверхности сосуда скорописью второй половины XVI—начала XVII в. «Книга об устройстве торговых городских рядов» за 1626 г. помогла автору публикации сосуда выяснить, что владельцем его был посадский человек Гришка Офонасеев, плативший за свою лавку в Китай-городе 1 рубль 11 алтын 4 денги пошлыны¹². Надписи подобного содержания часто встречаются на деревянной посуде XVII в., в частности на ковшах¹³.

Концом XV—началом XVI в. датируется резная деревянная иконка-мошечник, найденная на одном из участков земляных работ на прибрежной полосе посада. На лицевой стороне иконки искусно выполнена богоматерь с младенцем и символические изображения четырех евангелистов. На оборотной стороне — три фигуры святых с надписями: «Никола Го(стун-ский) Афанасий (Афанасий?) Василей»¹⁴.

В коллекции Московской экспедиции есть несколько предметов с одной-двумя буквами. Так, на востоке нагорной части Китай-города, в районе Ипатьевского переулочка найден фрагмент горла краснолощеного кувшина с процарапанной буквой Н. Подобные красноглиняные и краснолощенные сосуды бытовали в Москве до середины XVI в.¹⁵ В одном комплексе с указанным фрагментом кувшина обнаружена керамика, покрытая сплошным ангобом и датируемая XV—первой половиной XVI в.¹⁶ Палеографическая надпись датируется XV в.

Свидетельством распространения грамотности среди населения московского посада XVI—XVII вв. являются многочисленные обломки глиняных поливных чернильниц самой разной формы, находимые в слоях не ранее XVI в. Судя по письменным источникам, большинство русских рукописей, написанных на бумаге, датируется периодом с начала XV в., а древнейшие, такие, как «Договорная грамота великого князя Семена Ивановича Гордого с братьями Иваном и Андреем» и «Жалованная грамота Ярославского князя Василия Давыдовича Спасскому монастырю» — даже XVI в. Лишь в XVI в. бумага стала общедоступным, но еще довольно дорогим материалом для письма¹⁷.

Во время земляных работ при сооружении в Кремле памятника Александру II была собрана большая коллекция поливных чернильниц XVII—первой половины XVIII в.¹⁸ На территории Китай-города найдены фрагменты поливных чернильниц разных типов.

Это переносные чернильницы в виде пузырька на поддоне с узким круглым горлом. Две подобные чернильницы найдены в Зарядье в слое XVII в. Р. А. Розенфельдт отмечает: «Такие чернильницы встречены не только в Москве: по форме они подобны более ранним (XVI в.) чернильницам из Новгорода»¹⁹. Подтверждение последнему находим на древнерусских миниатюрах XVI в.²⁰

Найдено в посаде и несколько поливных чернильниц, по-видимому, настольных, с круглым туловом, одинаковым диаметром невысокого горла и небольшого поддона. Стенки их украшены рельефным орнаментом. Подоб-

ные чернильницы датируются XVI в. как стратиграфически, так и по изображениям на миниатюрах²¹.

Третий тип встреченных на посаде чернильниц относится к XVII в. Это небольшие цилиндрические пузырьки с коническим верхом, изготовленные из белой глины и покрытые поливой. Подобная чернильница найдена и на территории Тушинского лагеря Ажедмитрия²², а также в слое XVII в. в Пскове.

К четвертому типу принадлежат белоглиняные настольные чернильницы, имеющие вид вытянутого бруска. Внутренними перегородками они разделены на несколько отделений, одно из которых предназначалось для чернил, другое служило песочницей. Боковые поверхности чернильниц украшены геометрическим орнаментом. Подобных чернильниц на территории Великого посада найдено три: первая на усадьбе нагорной части Великого посада, вторая — на северной усадьбе склона к реке, третья — на самом берегу реки.

Степень грамотности самых широких слоев Московского посада отражена и в надписях на многочисленных надгробиях с территории Китай-города. Кроме княжеских и боярских плит в монастырях, рядом с приходскими церквями обнаружены плиты дяков и многочисленной челяди боярской. «Половина найденных на Метроострое плит носит на себе формулу: «раб божий князя такого-то человек...», — отмечал А. В. Арциховский²³. У церкви Зачатия Анны, что в Углу, найдена плита дяка Разрядного и Казенного приказов Даниила Федоровича Вылузги, умершего в 1569 г. Данило Вылузга был родоначальником нескольких поколений московских чиновников. Сын Даниила — Елизарий (Елка) Вылузгин был думным дяком Поместного приказа²⁴. Двор Даниила Вылузги находился, по-видимому, где-то недалеко от церкви Анны в Углу, может быть, севернее, ближе к Варварке, где в 70-е годы XVII в. размещался двор подьячего Поместного приказа Григория Елизарова²⁵.

При реставрационных работах в церкви Зачатия Анны, что в Углу, обнаружена плита Никиты Семеновича Ширяева, человека князя Василия Сулешова²⁶. Василий Сулешов, крещеный татарский князь, имел на посаде несколько дворов. По-видимому, на одном из этих дворов, расположенных рядом с церковью Анны, жил Никита Ширяев, умерший в 1632 г.²⁷

Во время работ на Метроострое рядом с церковью Троицы на полях найдено несколько надгробий XVII в. с именами зависимых людей княжеской семьи Воротыньских, чей двор был расположен рядом на Никольской улице²⁸.

Одной из самых интересных находок, связанных с грамотностью населения посада, является обнаруженный в слое середины XVI в. фрагмент кожаного переплета с причудливым орнаментом, сохранившим кое-где позолоту (рис. 1, 4). В юнорбергском издании «Каталог интересных переплетов из немецких музеев» под номером 274 опубликован очень близкий по рисунку центральный овал орнамента с переплета также XVI в.²⁹

¹² Ю. М. Зотов. Чернолощенный кувшин XVII в. с надписью. СА, 1959, 1, стр. 285, 286.

¹³ С. К. Просвирина. Русская деревянная посуда. «Труды ГИМ», т. 22, 1957, стр. 32.

¹⁴ М. Г. Рабинович. О древней Москве, стр. 120, 122, рис. 60; он же. Культурный слой центральных районов Москвы. Сб. «Древности Московского Кремля». М., 1971, стр. 39, 41.

¹⁵ Р. А. Розенфельдт. Московское керамическое производство, стр. 4.

¹⁶ Там же, стр. 20.

¹⁷ Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 103.

¹⁸ Н. В. Султанов. Памятник Александру II в Кремле московском. СПб., 1909; Н. А. Баконова. Обстановка московских приказов в XVII веке. «Труды ГИМ», вып. III, 1926, стр. 53—100.

¹⁹ Р. А. Розенфельдт. Московское керамическое производство, стр. 53.

²⁰ А. Н. Свиридин. Искусство книги древней Руси. М., 1964, стр. 260 (миниатюра «Житие Сергия Радонежского» XIV в.), 271 (миниатюра из Анапийского Евангелия, конец XVI в.); «Древнерусская миниатюра». М., 1933, № 30 (Евангелие 1531 г.).

²¹ ГИМ, отдел рукописей, инв. № 386 — Евангелие XVI в. (вклад И. З. Лутохина 1635 г.); В. Е. Румянцев. Сборник памятников, относящихся до книгопечатания в России, вып. 1. М., 1872, табл. 1.

²² Р. А. Розенфельдт. Московское керамическое производство..., стр. 52.

²³ А. В. Арциховский. Надписи, найденные на Метроострое. Сб. «По трассе первой очереди Московского Метрополитена». Л., 1936.

²⁴ Ю. М. Зотов. Государев дяк Данило Вылузга. СА, 1961, № 3, стр. 297, 298.

²⁵ «Сборник чертежей Москвы, ее окрестностей и города Пскова XVII столетия». СПб., 1861, черт. VIII и IX.

²⁶ А. Ф. Дубынин, Д. А. Соболева. Надгробие Никиты Ширяева из Зарядья (XVII в.). СА, 1960, 4, стр. 196—199.

²⁷ Там же, стр. 199.

²⁸ А. В. Арциховский. Надписи, найденные на Метроострое, стр. 162—164.

²⁹ «Katalog der in germanischen Museum vorhandenen interessanten Buchenbänden und Teile von solchen». Nürnberg, 1889, стр. 69.

И, наконец, несколько давно опубликованных вещей из музейных собраний, связанных с исторически известными лицами, имеющими в свою очередь непосредственное отношение к некоторым усадьбам Великого посада. К таким вещам относится знаменитый оклад Евангелия боярина Федора Кошки³⁰, чьи дворы размещались на Великом посаде рядом с церковью Георгия на Варварке³¹; серебряный крест-мошевик XIV в. с надписью: «КРТЬ СЕМЕНОВО ЗЪЛОТИЛЪ ВЪ», связываемый исследователями с князем Семеном, сыном Владимира Андреевича Серпуховского (брат князя Семена Владимировича Ярослав был женат на Марии Голтеевой, наследнице дворов Федора Кошки. Местом изготовления креста исследователи считают мастерскую Богоявленского монастыря, что на Великом посаде)³²; крест-мошевик и икона конца XV—начала XVI в. — владельцы Хворостинины, чьи дворы размещались на Никольской улице³³.

О грамотности московских горожан говорят, таким образом, самые разные материалы. Однако большинство их (стили, чернильницы) не настолько выразительны, чтобы можно было предположить социальную принадлежность владельцев и тем самым получить материальное доказательство грамотности определенных социальных групп. Правда, письменные источники сообщают о существовании училищ в Древней Руси. В сказании о митрополите Ионе (рукопись Волоколамского монастыря), умершем в 1459 г., читаем: «... и взя мя в дом к собе и начать кормити и одевати, и вда мя в научение грамоте Дьяку, бысть же в училище том множество детей учащихя...»³⁴ Развитие в XIV—XV вв. ремесел и торговли с Западом и Востоком требовало грамотности от московских ремесленников и купцов. Многочисленную группу населения Великого посада составляли дьяки. В воспитание боярских детей входило обязательное обучение грамоте. Грамотность была обязательна и для духовенства. Именно последнее поставляло основные кадры переписчиков книг. Правда, на обороте последнего листа Евангелия 1532 г. встречаем и такую надпись: «А писал сие еуангелие Иванецъ Фролов сын плотник...»³⁵

Письменные источники XIV—XVII вв. единодушно рисуют Москву сначала как крупнейший центр переписки и распространения книг, позже как центр книгопечатания.

Могут ли приведенные выше археологические материалы хоть немного конкретизировать общие сведения письменных источников? Материалы многолетних археологических работ на посаде и анализ письменных источников позволяют строить предположения по топографии посада начиная с XIV в.

Предметы, связанные с письмом на восковых табличках, начиная с XIV и по начало XVII в. группируются в западной части Зарядья, ближе к улице Варварке. Здесь найдены два железных писала с многогранной головкой, две костяные лопаточки и костяной стиль. С XIV по начало XVII в. на этих участках посада употребляли для письма восковые дощечки. По нашему мнению, на западе Зарядья, от Варварки до р. Москвы, в XIV—первой половине XVI в. размещались дворы купцов-сuroжан, построивших в начале XVI в. церковь Варвары³⁶. Связь

этих усадеб с московским купечеством подчеркивается многочисленными находками предметов западного и восточного происхождения, находками гирек, торговых пломб и жетонов.

Топография таких предметов, как глиняные чернильницы, малопоказательна, однако, интересно, что три самые ранние чернильницы (XVI в.) обнаружены на тех же западных участках. Чернильницы XVII в. найдены по всей территории посада. В частности, одна небольшая чернильница найдена в Ипатьевском переулке рядом с основанием дома конца XVI—начала XVII в. на усадьбе князей Татевых.

Таким образом, археологические материалы помогают конкретизировать сведения письменных источников о развитии грамотности на московском посаде.

³⁰ Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV вв. САИ, Е1—44, 1964, стр. 47—48, № 55.

³¹ «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей». М., 1909, стр. 29.

³² Т. В. Николаева. Произведения мелкой пластики XIII—XVII вв. в собрании Загорского музея. Загорск, 1960, стр. 109—112.

³³ Там же, стр. 117—119, 164.

³⁴ Н. М. Карамзин. Примечания к истории государства Российского, т. 2. СПб., 1852, стр. 283, № 386.

³⁵ М. Н. Тихомиров. Записи XIV—XVII вв. на рукописях Чудова монастыря. «Археологический ежегодник за 1958 г.». М., 1960, стр. 19.

³⁶ Д. А. Беленькая. История заселения территории Китай-города (Москва) конца XII—начала XVI в. М., 1972. Автореф. канд. дисс.

Т. В. РАВДИНА

БОЛШЕВСКИЕ НАХОДКИ
И ОДНА КОЛЛЕКЦИОННАЯ ОШИБКА.

«В 1896 г. при устройстве шоссе близ с. Большева Московского уезда (бывшее поместье кн. Одоевских), у р. Клязьмы, рабочими были обнаружены человеческие костяки, при которых оказались различные медные украшения. Местность этой находки расположена на скате возвышенности, склоняющейся к р. Клязьме. Костяки лежали на глубине 1,5—2 арш. и находились, по-видимому, в беспорядке. По словам местных крестьян, здесь располагалось старинное кладбище. Вопрос о том, не было ли на месте находок курганных возвышений, остается не решенным. В близких селах известны большие группы невысоких курганов.

Судя по количеству вещей, рабочими было тронут до 20 или более погребений. Вещи были заботливо собраны г-жей Ю. Г. Гендуне.

В собрании ее находятся следующие медные предметы:

- 1) Витой из проволоки браслет типа петербургских курганов (Спицын. Курганы С.-Петербургской губ. Табл. IV, 6).
 - 2) Витой проволоочный, типа табл. IV, 2.
 - 3) Два витые, типа табл. V, 17. На концах одного из этих витых браслетов прикреплены были стеклянные наставки темно-зеленого цвета.
 - 4) Четыре пластинчатые браслета с суживающимися концами и с ушками на них, типа петербургских курганов, табл. IV, 9. Орнамент в виде ромбов. Оригинальность этих браслетов состоит в том, что наружная поверхность их покрыта бурым или скорее фиолетовым металлическим лаком.
 - 5) Железный обломок, по-видимому, от пластинчатого браслета.
 - 6) Семь тонких пластинчатых перстней типа петербургских курганов, табл. XIII, 8, но без усиков. Орнамент — тонкая насечка в виде ромбов и иных пересекающихся фигур.
 - 7) Витой перстень типа петербургских курганов, табл. III, 1, но более массивный.
 - 8) Четыре целые и два сломанные решетчатые перстня обычного московского типа.
 - 9) Перстень с ромбической орнаментированной передней частью.
 - 10) Перстень ажурный с кружками по верхней и нижней части.
- Последние два предмета, кажется, еще не были встречаемы и представляют новшество.

Все вещи относятся ко времени после XII в., вероятнее всего к XIII или даже к XIV в. и имеют многочисленные аналогии в собственно русских древностях как Московской, так и других губерний средней и северной России¹.

¹ А. С. Находки 1896 г. близ с. Большева Московского у. «Вестник археологии и истории», вып. X. СПб., 1898, стр. 116, 117.

Эта заметка А. А. Спицына приводится дословно и полностью, чтобы обратить внимание на обстоятельства находки и на характер случайно найденных вещей.

На нее ссылался А. В. Арциховский при характеристике браслетов витых и пластинчатых загнутоконечных и перстней пластинчатых и решетчатых (в частности, редко встречающегося так называемого «многовосьмерочного» перстня, изображенного А. А. Спицыным)².

Эта же заметка А. А. Спицына в большей своей части приведена О. Н. Бадером при характеристике курганных могильников в Болшево³. Сведения О. Н. Бадера были использованы при составлении карты древнерусских поселений и могильников сотрудниками ГИМ⁴.

Вместе с тем, имеется и другая серия публикаций, в которых обстоятельства и содержание болшевских находок 1896 г. представлены в ином виде. Это публикации нумизматические:

1. «В 1896 году во время предпринятых слушателями Петербургского Археологического института раскопок у деревни Болшево были найдены вместе с различными предметами монета с ушком Константина VII и несколько обломков неопределимых германских пфеннигов, которые хранятся в Ленинградском университете. Коллекции археологического кабинета»⁵.

Здесь в составе болшевских находок 1896 г. появились монеты!

2. «С. Болшево. В 1896 г. при раскопках, производившихся студентами Археологического института, найдена серебряная монета Константина X Порфирородного и обломок германского пфеннига плохой сохранности. Обе монеты хранятся в Археологическом кабинете Ленинградского университета (Бауэр, 1926 г.)»⁶.

В этой публикации «различные предметы» уже не упоминаются, а слушатели Археологического института стали студентами. В Петербургском археологическом институте студентов не было, а были взрослые слушатели, например 35-летняя Юлия Густавовна Гендуне.

3. «В 1896 году при раскопках курганов в с. Болшево были обнаружены монеты Константина VII Порфирородного (X—XI веков) и несколько обломков германских пфеннигов. Зарытие клада можно отнести к XI веку»⁷. В этой публикации монет стало несколько, появились «курганы» и «клад».

4. «Болшево, Мытищинский район, 1896 г. При раскопках, произведенных студентами Археологического института, в курганном погребении найдена серебряная монета Константина VII и Романа II. (945—959) с припаянным ушком и обломок германского пфеннига плохой сохранности. Определение Н. П. Бауэра. ГЭ, ОИПК, коллекция 627, № 19»⁸.

² А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 10, 76. В примечании 490 ошибочно вместо этой заметки названа работа А. А. Спицына «Раскопки курганов Зарайского и Рязанского уездов в 1896 г.».

³ О. Н. Бадер. Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей. МИА, № 7, 1947, стр. 99.

⁴ «Труды ГИМ», вып. 32, 1956, стр. 234, № 986. Указатель к карте «Поселения и курганные могильники северо-западной и северо-восточной Руси X—XIII вв.» составлен А. В. Успенской и М. В. Фехнер.

⁵ N. Bauer. Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11. und 12. Jahrhunderts. «Zeitschrift für Numismatik», Bd. XXXIX, 1929, H. 1/3, стр. 179, № 125 (никаких ссылок на источник своих сведений Н. П. Бауэр не дает).

⁶ Р. Р. Фасмер. Список монетных находок, зарегистрированных секцией нумизматики и галтики ГАИМК в 1920—1925 гг. «Сообщения ГАИМК», вып. II. Л., 1929, стр. 294, № 7.

⁷ В. И. Качанова. Топография кладов Москвы и ее окрестностей. «Труды Музея истории и реконструкции Москвы», вып. 5. М., 1954, стр. 135.

⁸ В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР. САИ, вып. Е4—4, 1962, стр. 25, № 63. Автор дает паспорт коллекции с монетой, под которым в настоящее время хранятся все болшевские находки 1896 г., опубликованные А. А. Спицыным в «Вестнике археологии и истории».

5, 6, 7. «Пос. Болшево (у Н. П. Бауэра неточно: «Большево»), Калининградский р-н Московской области, у р. Клязьма; на мысу правого берега реки — селище; в окрестностях поселка — три группы курганов. В 1896 г. при раскопках, организованных Петербургским археологическим институтом (по-видимому, группы курганов, расположенной ближе к реке), найдено несколько германских денариев и византийская монета Константина VII и Романа II (945—959)»⁹. Здесь В. М. Потин ссылается на все предыдущие нумизматические публикации и на «Указатель» ГИМа, в котором, в свою очередь, взяты все сведения о курганных группах у О. Н. Бадера. Но В. М. Потин произвольно объединил находки 1896 г. с группой курганов у реки, хотя у О. Н. Бадера они различаются как разные курганные группы и никакие монеты среди находок 1896 г. не называются. Кроме того, написание «Большево» с мягким знаком было нормальным во времена Гендуны, Спицына и Бауэра и поэтому никакой неточности Н. П. Бауэр не допустил.

А. А. Спицын работал тщательно и знающе, и пропустить монету при публикации болшевских вещей он никак не мог. У А. А. Спицына вообще ни в его бесчисленных публикациях, ни в его «корочках», куда он заносил все российские раскопки и находки, никаких неточностей не было. Мало того, он замечал все детали, нюансы в вещах, в обрядах погребений, в географии находок, все помнил и ничего не путал.

Следовательно, со стороны А. А. Спицына ошибка исключена. Кроме того, находка монеты X в. вместе со сложновитыми браслетами и решетчатыми перстнями — явление такое невозможное, что оно не только было бы замечено А. А. Спицыным и А. В. Арциховским, но и было бы объяснено ими.

Итак, в 1896 г. собраны в Болшево и в 1898 г. опубликованы следующие вещи, хранящиеся ныне в Ленинграде в Эрмитаже в одной коллекции с монетой X в.: браслеты, витые из одной проволоки — тройной, четверной, 2×3 и 2×4 (их исчерпывающие характеристики с рисунками сделаны А. В. Арциховским в «Курганах вятичей»); четыре тонкопластинчатых загнутоконечных браслета с гравированным (два) и чеканным (два) орнаментом, покрытые эмалью темно-малинового цвета; семь тонкопластинчатых (кованых?) перстней с гравированным или чеканным орнаментом того же характера, что и на браслетах; шесть решетчатых перстней однозигзаговых, четырехпунктирных; перстень витой с острыми концами; два перстня редкой формы (рис. 1).

Какова корреляция этих типов вещей с монетами и другими вещами? Как датируются эти болшевские находки и возможно ли их сосуществование с монетой середины X в.?

Вот данные по интересующим нас вещам, взятые из материалов 1710 курганных комплексов женских вещей Московской, Смоленской, Калужской, Калининской, Ярославской, Владимирской, Рязанской, Тульской и Орловской областей.

Браслеты витые тройные учтены мной 192 раза, и лишь один такой браслет зафиксирован в одном комплексе с монетой. Это английская монета Этельреда II 994—1000 гг. из кургана 8 при дер. Харлапово, раскопанного Н. И. Савиным в 1924 г.¹⁰

⁹ В. М. Потин. Находки западноевропейских монет на территории древней Руси и древнерусские поселения. Сб. «Нумизматика и эпиграфика», т. III. М., 1962, № 157; он же. Топография находок западноевропейских монет на территории древней Руси. «Труды ГЭ», т. IX. Л., 1967, стр. 174, № 340; он же. Монеты в погребениях древней Руси и их значение для археологии и этнографии. «Труды ГЭ», т. XII. Л., 1971, стр. 94, № 124.

¹⁰ Архив ЛОИА, ф. 2, д. № 182/1924 г.; Н. И. Савин. Раскопки курганов у Дарагабукским и Ельнинским паветас Смоленской губ. Працы II. Минск, 1930, стр. 219; Е. А. Шмидт. Курганы XI—XIII вв. у дер. Харлапова в Смоленском Поднепровье. «Материалы по изучению Смоленской области», вып. 2. Смоленск, 1957, стр. 280.

Обычно витые тройные браслеты не встречаются не только с монетами, но и с вещами XI в. Например, с бубенчиками грушевидными крестопорезными конца X—начала XII в.¹¹ они встречены только 7 раз (на 192 находки), а с более поздними щелепорезными бубенчиками XII—XIII вв. — уже 38 раз, в том числе и в этом погребении Харлапово 8.

Браслеты витые четверные учтены 111 раз, витые 2×3 — 121 раз, сложновитые (2×4, 3×3, 4×3) — 79 раз. И ни разу с этими типами витых браслетов не встречены ни монеты X—XII вв., ни крестопорезные бубенчики, ни другие вещи XI—первой половины XII в.

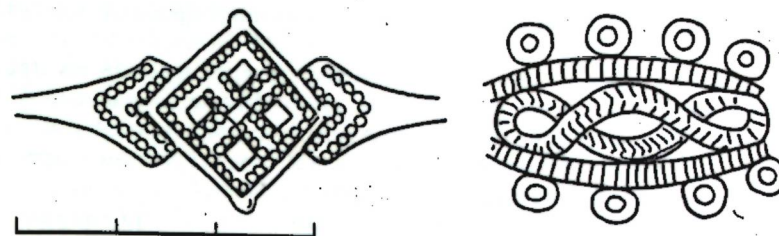

Рис. 1. Перстни редкой формы, щитковая часть (из сборов Ю. Г. Гендуны в Болшево в 1896 г.)

Один из болшевских сложновитых браслетов имел на концах стеклянные вставки. Из 1710 комплексов мною учтено 25 таких витых или плетеных браслетов. Все они найдены в поздних погребениях, в которых не встречены ни монеты, ни вещи XI—XII вв. (крестопорезные бубенчики, золотостеклянные бусы, лунницы и прочие привески). Зато эти витые браслеты со стеклянными вставками на концах находились в одном комплексе с поздними вещами XIII в. — ажурными семилопастными и трехлопастными височными кольцами.

Браслеты пластинчатые загнутоконечные учтены мною 171 раз (из 1710 комплексов) и тоже ни разу не встречены ни в одном комплексе с монетами X—XII вв., а с крестопорезными бубенчиками X — первой половины XII в. зафиксированы только один раз.

Тонкопластинчатые перстни с чеканным или гравированным орнаментом, со свободными сужающимися концами (т. е. не усатыми и не завязанными концами!) зафиксированы мною 162 раза; из них один перстень с чеканным орнаментом «волчий зуб» (распространенный орнамент XI—XII вв.) был при монете 1059—1071 гг. Болшевские же пластинчатые перстни такого орнамента уже не имеют, перстни болшевского типа очень распространены в комплексах XII—XIII вв. с развитыми семилопастными височными кольцами.

Решетчатые перстни зарегистрированы 308 раз (на территории распространения семилопастных височных колец, очерченной еще А. В. Арциховским, а также в Клинском, Волоколамском, Дмитровском, Зубцовском, Вяземском, Краснянском уездах, на Бородинском городище под Смоленском и даже в Сумской области). С ними в комплексах не найдены никакие монеты. Бубенчики с крестовидной прорезью только три раза

Дату 994—1000 гг. найденной монете дал Н. И. Савин в своем отчете. Обычно при публикациях монет Этельреда II ставят годы его правления — 978—1016 гг. Судя по рисунку монеты в отчете Н. И. Савина, она относится, по классификации В. М. Потина, к типу «длинный крест» и датируется 997—1003 гг. (В. М. Потин. Древняя Русь и западноевропейские государства в X—XIII вв. Л., 1967, стр. 102, 103, 104).

¹¹ В. А. Мальм, М. В. Фехнер. Привески-бубенчики. «Труды ГИМ», вып. 43, 1967, стр. 136.

встречены вместе с решетчатыми перстнями, и больше никакие вещи X—XI вв. с решетчатыми перстнями не обнаружены.

Перстни витые с острыми концами, подобные найденному в 1896 г. в Болшево, известны мне 125 раз, и ни разу они не найдены в одном комплексе с монетами. С крестопрорезными бубенчиками такие перстни встречены лишь три раза.

Итак, во-первых, в 1896 г. в Болшево не было раскопок курганов, во-вторых, среди болшевских находок 1896 г. монеты найдены не были, в-третьих, не могла быть найдена монета X в. вместе с вещами второй половины XII—XIII в.

Нужно полагать, что кем-то когда-то византийская монета середины X в. была присоединена к коллекции болшевских вещей второй половины XII—XIII в.

Н. П. Бауэр в 1926 г. уже застал эту монету среди вещей из «раскопок Петербургского Археологического института в Болшево». В своей публикации он упомянул и «различные предметы», сопровождающие монету, не вдаваясь в хронологию этих предметов. Но последующие шесть нумизматических публикаций вообще не упоминают вещей.

Вместе с вышеописанными материалами второй половины XII—XIII в. в числе предметов из «раскопок Археологического института в Болшево» находятся вещи XI в.: девять височных колец браслетообразных завязанных диаметром 10,5—11 см; круглопроволочная пряжка диаметром 2,4 см, концы ее расплющены и свернуты трубочкой, игла больше диаметра пряжки; бусы стеклянные цилиндрические и бочонковидные с золотой и серебряной прокладкой (43 экз.); калачевидное кресало с язычком; три железных ножа XI в.; оселок узкий и, наконец, семь раз опубликованная византийская монета 945—959 гг.

В 1932 г. эта разновременная коллекция поступила из Ленинградского историко-лингвистического института в Гос. Эрмитаж, где в 1937 г. была составлена опись № 627 под заглавием «Курган с. Болшево, Моск. губ. Раскопки 1896 г. Археологического института». В этой коллекционной описи номера 1—20 занимают только что перечисленные вещи XI в., которых нет в публикации А. С. Спицына (а значит, они и не были найдены в 1896 г. в Болшево), и среди них под номером 19 серебряная византийская монета 945—959 гг. с грубо приклепанным бронзовым ушком и с четырьмя строчками надписи; обломков же пфеннига нет ни в описи, ни в коллекции. Номера 21—48 занимают вещи, собранные в 1896 г. Ю. Г. Гендуне и точно изданные в 1898 г. А. А. Спицыным.

В 1901 г. Ю. Г. Гендуне опять произвела сборы вещей в Болшево при земляных работах близ места первых сборов; вещи эти такие же, как найденные в 1896 г. (витые браслеты, пластинчатый перстень с орнаментом, покрытый эмалью, решетчатый перстень), но есть и вещи только XIII в. — серебряное трехбусинное филигранное височное кольцо и серебряный квадрифолийный перстень¹².

В 1904 г. С. А. Гатцук раскопал много курганов в нескольких группах в Волоколамском и Гжатском уездах и составил отчет почти без рисунков вещей и без их словесного описания¹³.

А. А. Спицын тут же подробно издал все раскопанное С. А. Гатцуком¹⁴. В этой публикации есть место, разрешающее, по-моему, вопрос о причине коллекционной ошибки. В кургане 1 при дер. Никольское на р. Болонь в Гжатском уезде обнаружено мужское погребение с вещами XI в.: массивное литое биллоновое поясное кольцо диаметром 39 мм; массивная серебряная подковообразная фибула диаметром 62 и 78 мм, тре-

угольным сечением кольца, с концами-трубочками и с длинной иглой, широкое основание которой украшено чеканным орнаментом «волчий зуб». Такие фибулы, судя по новгородским материалам, датируются X—XI вв. Справа у бедра лежал нож X—XI вв., а «на черепе справа серебряная монета»¹⁵. Если все описанные вещи этого погребения лежат и ныне в коллекции № 810 в Отделе Киевской Руси Гос. Эрмитажа, то серебряной монеты нет ни в коллекции, ни в описи этой коллекции. А ведь она была названа и в отчете С. А. Гатцука, и в публикации его раскопок А. А. Спицыным. Ни в одной сводке монет (арабских 1910 г., византийских 1962 г., в публикациях Н. П. Бауэра и Р. Р. Фасмера 1926—1935 гг., в «Топографии» западноевропейских монет 1967 г.) не значится пункт Никольское на Гжати как место находки какой-либо монеты. Лишь в работе В. М. Потина «Монеты в погребениях древней Руси и их значение для археологии и этнографии»¹⁶ есть пункт находки монеты в кургане Никольское 1, взятый из публикации А. А. Спицына, а, следовательно, без определения даты и места чеканки монеты. Итак, натуральной монеты из погребения в Никольском 1 никто, кроме С. А. Гатцука и А. А. Спицына, не видел¹⁷. Думаю, что вскоре после того, как С. А. Гатцук привез в 1904 г. свои вещи в Археологическую комиссию в Петербург, монета была взята на определение и обратно была положена по ошибке в болшевские вещи 1896 г.

Итак, предполагаю, что найденная в погребении кургана 1 при дер. Никольское на Гжати «серебряная монета» является византийской серебряной монетой 945—959 гг., синхронной всем вещам этого погребения. В результате очень давней коллекционной ошибки она уже полвека числится как происходящая из Болшево. Эту коллекционную ошибку надо исправить.

¹² Там же, стр. 109.

¹³ «Труды Государственного Эрмитажа», т. XII, 1971, стр. 94, № 113.

¹⁷ На перечневой описи вещей из раскопок Семёна Андроновича Гатцука 1904 г. рукою А. А. Спицына слово «монета» исправлено на «монетка-серьга» и добавлено: «Варварская монета, скорее XII, чем XI вв.». Но при публикации в ЗОРСА VII раскопок Гатцука А. А. Спицын не дал этой монете никакого определения, в то время как все остальные монеты этой коллекции при публикации атрибутированы.

¹² Архив ЛОИА, ф. 1, дела 39/1901 и 27/1902; ГЭ, ОИПК, колл. № 628/23—30.

¹³ Архив ЛОИА, ф. 1, д. 91/1904.

¹⁴ А. С. Отчет о раскопках С. А. Гатцука 1904 г. в Смоленской, Московской и Тульской губ. ЗОРСА, VII, вып. 1, 1905, стр. 107—138.

II. ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. В. ГАДЛО

ГОРОДИЩЕ КАЗАР-КАЛА
(К ВОПРОСУ О ХАЗАРСКОЙ КУЛЬТУРЕ
В СЕВЕРНОМ ДАГЕСТАНЕ)¹

После выхода в свет в 1962 г. капитальной «Истории хазар» М. И. Артамонова, подведшей итог двухсотлетнему изучению раннесредневековой истории южнорусской степи, необходимость поиска новых источников для решения хазарской проблемы стала особенно ощутимой. Отсутствие следов собственно хазарской культуры в областях Западной Хазарии (Подоные, Восточный Крым, Тамань) направило внимание исследователей на восток, в область коренной Хазарии. В 1966 г. экспедиции Дагестанского филиала АН СССР и Ленинградского университета обратились к изучению памятников Северного Дагестана, лежащих в степи и в зоне низких предгорий. Работа дагестанских археологов охватила район Терско-Сулакской низменности, долину Среднего Сулака и среднее течение р. Ак-таш². Ленинградская экспедиция сосредоточила усилия на изучении одного памятника — городища и прилегающего к нему селища на р. Ярык-су (около с. Новокули Новолакского района)³.

Избранный экспедицией АГУ для стационарного изучения памятник известен местным жителям-чеченцам под именем *Изар-гала*, что соответствует тюркскому *Къазар-къала*, т. е. Казар- или Хазар-кала: хазарская крепость, башня, хазарский город. Это обстоятельство и было определяющим при выборе объекта для исследования.

Казар-кала лежит на высоте около 600 м над уровнем моря в 9 км к югу от выхода р. Ярык-су на плоскость в переходной ландшафтной зоне. Поселение занимает сравнительно плоскую древнюю правую террасу над поймой реки Ярык-су и лёссовый останец, некогда оторвавшийся от террасы. С востока терраса ограждена холмами. Останец, выдвинувшийся на запад в пойму и отделенный от материка сравнительно глубокой и

широкой (около 100 м) балкой, являлся укрепленной частью, цитаделью поселка (городище). Склоны останца были, по-видимому, эскарпированы (угол подъема на востоке 35—40°, на севере до 60°), а дно балки углублено рвом (современная ширина сохранившейся части 5—6 м, глубина около 2 м). Останец контролировал значительный участок поймы р. Ярык-су и был фактически независим от расположившегося на 10 м выше него на террасе открытого селища (площадь 200×400 м).

Еще в 20-х годах вершина останца представлялась округлой в плане холмообразной возвышенностью. К началу работ от городища сохранилась только незначительная северо-восточная часть, верхняя площадка которой имела размеры 12×6 м. Как выяснилось при раскопках, от него осталась только северо-восточная часть некогда опоясывавших его оборонительных сооружений. Все остальное было смыто рекой Ярык-су.

Несмотря на постоянный риск обвала (высота над поймой 43 м), на городище удалось полностью разобрать 2 м верхних культурных отложений (площадь 130 кв. м) и двумя траншеями прорезать до материка (на глубину 3 м) обнаруженный ниже вал, который опоясывал городище в средний период его обитания. На селище были заложены два раскопа (Б и Д), общая площадь которых около 430 кв. м, и ряд шурфов. Памятник дал огромный керамический и фаунистический материал. Наблюдения над стратиграфией культурных напластований привели к выводу о последовательной смене здесь не менее трех культур в течение I тысячелетия н. э.

Заселение территории памятника произошло не ранее I в. до н. э. и, вероятнее всего, не позднее I в. н. э. Первый период закончился в III или IV в.

Напластования первого периода сохранились плохо: на городище они перекрыты валом, возведенным в начале второго периода, на селище они сплошь прорезаны многочисленными хозяйственными ямами. Есть основания думать, что на холме и на террасе (селище) жилые сооружения этого периода были неодинаковы. Создается впечатление, что в защищенной балкой части поселения существовали стабильные турлучные постройки, а на террасе находился поселок, состоявший из легких, возможно округлых хижин. Никаких фортификационных сооружений этого периода выявлено не было.

Керамика обеих частей поселения одинакова и представляет типичный позднесарматский комплекс первых веков н. э. На городище и селище собрана значительная коллекция ручек от кувшинов, в той или иной степени сохраняющих черты зооморфности (выступ сверху, глазки-налепы, насечки, продольные валики и т. п.). Найдено много мисок, имеющих, как обычно в то время, сложно профилированный ребристый бортик; иногда они украшены налепами, представляющими стилизованные изображения змеи, глаз, головы и лап животного. При расчистке турлучной обмазки под валом на краю городища вместе с целой чернолощеной миской была найдена часть ручки светлоглинной южнопонтийской амфоры III в. н. э.⁴ Единичные фрагменты амфор того же типа встречены и на селище.

Во второй период жизни на поселении по краю городища был возведен вал. Сохранившаяся высота его — на востоке 3,5 м, на севере — около 2 м. Ширина вала у основания — 10—12 м. В его разрезе четко видны последовательные слои подсыпки, состоящие из плотно утрамбованной глины и прослойки мелкой гальки и золы. По вершине вала шла стена, участок которой длиной в 4 м сохранился до высоты 0,80 м благодаря понижению вала на севере. На северо-востоке и востоке вал покрывает пласт крупного галечника — развал стены. Стена имела ширину 1,75 м и была сложена

¹ Доклад, прочитанный 25 апреля 1972 г. на секции «Археология Кавказа» Пленума ИА.

² Г. С. Федоров. Раскопки в Северном Дагестане. «АО 1967 г.», М., 1968, стр. 92, 93; Д. Атаев, А. Абакаров, М. Магомедов, М. Маммаев. Раскопки Андрейаульского городища. Там же, стр. 93, 94; М. Г. Магомедов, М. М. Маммаев, Г. С. Федоров. Археологические обследования в Северном Дагестане. «АО 1969 г.», М., 1970, стр. 102, 103; М. Г. Магомедов, М. М. Маммаев, Г. С. Федоров. Исследования в Северном Дагестане. «АО 1970 г.», М., 1971, стр. 128—129.

³ Работы проводились в 1966, 1967 и 1969 гг. Первые сведения о памятнике получены в 1966 г. от М. Х. Ошаева, которому выражаю глубокую признательность.

⁴ И. С. Каменецкий. Светлоглиняные амфоры с Нижнегниловского городища. КСИА, вып. 94, 1963, стр. 30—33, рис. 6.

на глине из крупных речных галек. При сооружении стены был использован обычный средневековый прием панцирной кладки — два внешних ряда камней и забутовка между ними. Стена не имела фундамента и была основана прямо на поверхности вала. После ее разрушения образовался мощный развал камня, почти на 1 м прикрывший ту часть внутри городища, которая уцелела от смыва. Стена была выстроена вероятнее всего одновременно с возведением вала. В пользу этого свидетельствуют выбросы культурного слоя на вал изнутри городища, которые местами заходят под камни развала стены.

Культурные напластования внутри городища росли очень интенсивно. К концу второго периода жизни поселения они достигли более чем двух метров и прикрывали обращенный внутрь городища пологий скат вала. Некоторые хозяйства, расположенные внутри цитадели, вплотную придирались к внутренней стороне к стене и расположились на заплывшем склоне вала. Рядом с развалом стены были вскрыты фрагментарные остатки сгоревшей турлучной постройки и колоколообразная хлебная печь из камня (тондыр), находившаяся, по-видимому, вне дома⁵. Остатки глинобитного пола другой постройки были зафиксированы в 10 м от первой по направлению в глубь городища. Постройки внутри городища, судя по очень фрагментарным остаткам, отличались от построек селища. Они, вероятнее всего, были прямоугольными и заглублены в землю.

Культурные напластования второго периода на селище так же, как и на городище, внешне почти не отделимы от культурных напластований раннего периода. Правда, на селище в нижнем слое второго периода местами прослеживаются зоны пожаров, которые могли быть одновременны началу укрепления холма. Но в целом характер застройки на селище не изменился. Здесь продолжали возводить легкие конструкции типа хижин с ямками-очагами в центре. На раскопе Б были вскрыты остатки одного такого жилища. Оно представляло округлую в плане, глинобитную в нижней части постройку диаметром 2 м с ямкой-очагом (глубина 0,15 м, диаметром 0,22 м) в центре. Пол жилища сохранил 7 слоев подмазки. Вокруг жилищ размещались хозяйственные ямы, служившие в большей части погребями. Возможно, некоторые из них находились под навесом или внутри хозяйственных построек.

Керамический комплекс второго периода носит некоторые традиционные черты, унаследованные от гончарного мастерства раннего периода, но это относится главным образом к сосудам для хранения и к столовой керамике и выражается в излюбленном в раннем средневековье приеме ornamentации лощением. Формы же сосудов изменились, стандартизировались. На смену разнообразным по форме и декору хорошо лощеным мискам раннего периода пришли простые плоские с загнутым внутрь краем, обычно покрытые снаружи небрежным полосчатым лощением. На смену изящным чернолощеным или серолощеным гидриям с зооморфными ручками пришли простые шаровидные в верхней части сосуды с плоскими ручками, украшенными только глубокими косыми надрезами. Упростились формы и ornamentация кувшинов (рис. 1, 10). Керамика в целом стала проще и грубее, что объясняется двумя причинами: улучшением технических качеств керамики — теста и обжига, и возникновением ее массового производства.

Ведущей и наиболее яркой керамической формой второго периода являются сравнительно тонкостенные кухонные горшки из хорошо обработанной чистой глины. Характерный признак этих горшков — параллельные и горизонтальные валики (обычно 2), опоясывающие тулово ниже плечи-

Рис. 1. Предметы с городища Хазар-кала

1 — фрагмент глиняного поддона в виде барана (городище), 2 — металлическая бляшка от пояса, 3 — металлическая пуговица, 4 — плоская круглая бусина из оникса, 5 — бусина из заглаженного стекла, 6—8 — сердоликовые бусы, 9 — кувшин из нижнего горизонта (селище) со стеклянной вставкой в днище, 10 — кувшин из ямы второго горизонта, 11 — кувшин, типичный для третьего горизонта (случайная находка на селище)

ков⁶. У них сравнительно широкое открытое горло и массивный венчик, снаружи уплощенный, а изнутри имеющий выемку-желобок. Среди керамики предшествующего периода эти горшки не имеют аналогий (рис. 2, 2). Как сложилась эта форма, пока неясно. Прием ornamentации сосуда налепным рельефным валиком появился на Северном Кавказе в IV—V вв. Ornamentация столовых сосудов и сосудов для хранения (типа пифосов) валиками широко распространена в V—VII вв. на поселениях Центрального Предкавказья и в качестве реликта сохраняется на сероглиняных пифосах в последующие столетия.

Возможно, горшки с валиками были не единственной формой кухонных сосудов во второй период жизни поселения. Во второй половине этого периода (насколько об этом можно судить по недостаточно четко стратиграфированному культурному слою) обитатели поселения стали пользоваться гладкостенными горшками с нарядной ornamentацией венчика (защипы, насечки, вдавления, срезы). Эта группа сосудов мало отличается по качеству теста от горшков с валиками, которые несколько плотнее из-за боль-

⁵ Печь типа тондыра обнаружена также Г. С. Федоровым на городище Чопалав-тепе. «АО 1967 г.», стр. 92. Подобная печь была отмечена Б. Е. Деген-Ковалевским при раскопках поселения № 2 у с. Зезюково на р. Баксане. См.: Б. Е. Деген-Ковалевский. Работа на строительстве Баксайской гидроэлектростанции. ИГАИМК, вып. 110, ч. II. М.—Л., 1935, стр. 23.

⁶ Б. Е. Деген-Ковалевский. Указ. соч., стр. 26—28 (рис. 14, 1, 2).

шей примеси песка. Ко второму периоду относится и большинство найденных на памятнике клейм на днищах горшков. Клейма стандартны: крест в круге, круг, концентрические круги, колесо.

Хронология второго периода определяется главным образом находками на городище. В развале стены, возведенной на валу, в слое пожарища были найдены металлическая бляшка от пояса в форме геральдического щита (рис. 1, 2), бронзовая пуговка в виде «гантели» (рис. 1, 3) и тонкий бронзовый браслет со сплюснутыми концами, которые могут быть датированы V—VII вв. Уникальной является находка части глиняного водолея, в виде фигурки барана, покрытого нарядным лощением и наклепным орнаментом (рис. 1, 1). Подобные водолеи встречались в северокавказских могильниках V—VI вв.⁷ На городище и селище найдены бусы, аналогичные бусам Верхнечирюртского могильника V—VII вв. Вместе с тем, здесь отсутствует рифленая керамика, характерная для памятников VIII—IX вв. на огромном пространстве восточноевропейского юга от Волги до Дуная. Разрушение стены, в развале которой были найдены указанные здесь датирующие предметы, произошло, видимо, не позднее VII в., а может быть и в VI в. В целом напластования второго периода, по-видимому, синхронны Верхнечирюртскому могильнику на Среднем Сулаке⁸.

Второй период обитания на городище закончился катастрофой, стены были разрушены. Развал камней заполнил края чаши городища, перекрыв погибшие в пожаре жилища. В северном углу раскопа на уровне подошвы стены обнаружено два костяка: женский (до 30 лет) и детский (8—10 лет). Женский костяк лежал в согнутом положении, кисти рук находились у груди и были конвульсивно сжаты, кости ног оказались выше костей груди и таза. Череп имеет следы искусственной деформации. Над женским костяком лежал детский костяк, раздавленный рухнувшей стеной. На селище в одной из ям, относящихся к верхнему слою второго периода, был обнаружен костяк мужчины в возрасте около 30 лет. Кисти рук погребенного, по-видимому, были связаны, пальцы скрючены в агонии. Не исключено, что мужчина был засыпан еще живым. Череп костяка имеет следы искусственной деформации посредством ленты.

Разрушения в конце второго периода жизни на городище были столь значительны, что для возобновления строительства потребовалась основательная нивелировка поверхности по краю холма. В третий период здесь была возведена новая стена, но она прошла не на месте первой стены, а несколько отступя внутрь городища. Развал камня, образовавшийся от разрушения первой стены, был засыпан глиной, которую плотно утрамбовали. Таким образом, по краю холма была создана крепиды, предохранявшая его вершину от осыпей. Площадка под новой стеной была дополнительно засыпана щебнем и желтоватой материковой глиной, полоса которой шириной 4—4,50 м, идущая в направлении северо-запад—юго-восток, определяет направление разрушенной и разобранной стены.

Анализ положения отдельных камней и скоплений, входивших в нижний ряд кладки (уцелели камни только этого ряда), позволяет реконструировать все сооружение. Ширина новой стены около 2,75 м. Она так же, как и стена второго периода, состояла из двух панцирей, между которыми был забит крупный речной галечник и материковая глина со щебнем. Камни панцирей этой стены крупнее и подобраны более тщательно, чем камни предшествующей стены. Сложена вторая стена также на глине без фундамента. Рядом с основанием стены обнаружены три ямы от столбов, находившиеся на одной линии, параллельной стене. В одной яме найдена даже часть столба диаметром около 20 см. Столбы отстояли друг от друга

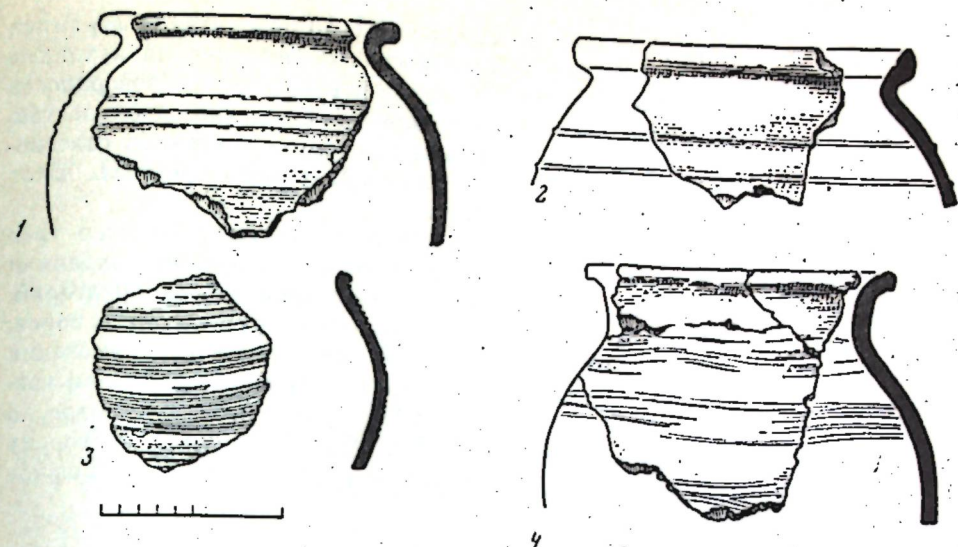

Рис. 2. Типы горшков для приготовления пищи (Казар-кала)

1 — горшок с бороздками, 2 — горшок с валиками из II горизонта, 3—4 — горшки с рифлением (из III горизонта)

на расстоянии 2,5—3 м. Судя по этим столбам, по стене укрепления проходила деревянная галерея.

На уцелевшем от обвала участке холма, по-видимому, находился стык северной и восточной куртин; на этом месте расчищена площадка (2,75×4,25 м) — нижний ряд кладки, служившая основанием полубашни или контрфорса, скрывавшего этот стык. С точки зрения топографии городища и правил древней фортификации усиление стен башней или полубашней в этой точке холма было вполне оправданно.

На селище напластования третьего периода отличаются от ранних слоев не только по содержащемуся в них материалу, но и по структуре. Это серая пылевидная супесь, исключительно рыхлая и нестойкая. Следы жилища третьего периода очень фрагментарны, но, как можно судить по отдельным наблюдениям, характер построек на селище изменился. Здесь впервые появляются каменные кладки, отмечены выложенные галечником горловины ям. Вместе с этим, здесь появилось и легкое округлое сооружение типа юрты. Остатки такого жилища диаметром 3 м с пристройками открыты на кв. XXIV. От его деревянного каркаса по периметру сохранились ямки глубиной 10—15 см. Обнаружены следы ямки-очажка и яма-погреб. Ни многослойного глиняного пола, ни глинобитного основания стен, что было характерно для второго периода, здесь не отмечено.

Керамика третьего периода значительно отличается от керамики предшествующих эпох, причем не только по формам и обработке поверхности, но и по составу. В этот период впервые появляется большое число пифосов с массивным треугольным в сечении венчиком (с серым и красным черепком), которые становятся основными местами для хранения припасов. Вместе с ними впервые появляются большие рифленые горшки с витым венчиком, аналогичные пифосообразным горшкам салтово-маяцких поселений Подонья и Крыма. Большие кувшины с венчиком-сливом для переноски воды становятся массивнее, грубее и почти лишены лощения (рис. 1, 11). Столовые кувшины и кружки (их становится меньше) менее нарядны, чем в предшествующие периоды. Миски, столь характерные для предшествующих слоев, почти исчезают. Наряду с оставшимися от предшествующего (?) периода кухонными горшками, украшенными по венчику насечками и вдавлениями, появляются типичные рифленые горшки с отогнутым наружу каплевидным венчиком (рис. 2, 3), который иногда орна-

⁷ Верхняя Рутха. МАК, т. XIII. М., 1900, стр. 244, рис. 200.

⁸ Н. Д. Пугинцева. Верхнечирюртский могильник. (Предварительное сообщение). МАД, т. II. Махачкала, 1961, стр. 248—264.

ментировался косыми надрезами и насечками. Для орнамента керамики широко используется штамп, которым наносилось рифление на кухонные горшки, украшались стенки (плечики) кувшинов и плоская поверхность венчика у пифосов. Хронология третьего периода определяется близостью керамического комплекса нашего памятника керамике памятников салтово-маяцкого круга (разумеется, с учетом локальных особенностей). Этот период укладывается в рамки VIII—IX вв.

Фаунистический материал показывает, что на протяжении всех трех периодов существования поселения его обитатели в основном сохраняли пастушеский тип скотоводческого хозяйства, характерный для предгорий, в котором преимущественное место отводилось разведению коров, коз и свиней. Только в третий период произошли некоторые изменения в составе стада: в два раза по сравнению с предшествующим периодом увеличился удельный вес коневодства (до 13,1% против 6,8%) и возросло значение овцеводства (до 5,4% против 1,4%). Однако этот сдвиг в сторону отгонного скотоводства, видимо, не привел к разрушению сложившейся ранее системы хозяйства.

Три хронологических периода, зафиксированные при исследовании городища и селища у с. Новокули, следует, по нашему мнению, связывать с тремя ведущими этническими группами, последовательно доминировавшими на протяжении I тысячелетия н. э., как об этом свидетельствуют письменные источники, в Северо-Восточном Предкавказье.

Первый позднесарматский период отражает проникновение ираноязычного степного населения в предгорья под натиском образовавшегося в I в. н. э. в степи аланского племенного союза⁹.

Второй период, характеризующийся появлением укрепления на поселении, бурным нарастанием культурного слоя, значительным расширением керамического производства, совпадает со временем преобладания савиринов, господствовавших в Прикаспийском районе до аваро-тюркского вторжения (середина VI в.) и, по-видимому, уцелевших в предгорной зоне до начала хазарской экспансии в первой половине VII в. Памятники, содержащие керамический материал, синхронный первому и второму периодам Казаркала, в последние годы в большом числе были открыты и частично исследованы в Теркско-Сулакской низменности и на Среднем Сулаке¹⁰.

Третий период жизни памятника совпадает со временем максимальной хазарской экспансии. Именно в этот период могло возникнуть у обитавших в верховьях р. Ярык-су войнахов название урочища Казар-Иала, определявшее место хазарского укрепления, которое, по-видимому, контролировало дорогу из степи в горы. Тот же топоним Казар-Иала зафиксирован в Аргунском ущелье¹¹ и далее на запад в ущелье Баксана¹². Только с третьим горизонтом нашего памятника мы вправе связывать этноним хазары. Но, допуская принадлежность культуры верхнего горизонта хазарам, мы оказываемся перед новой проблемой. Третий горизонт со вторым генетически связан слабо, следовательно материальная культура хазар, выступающая в облике локального варианта салтово-маяцкой культуры, формировалась не в предгорьях Северного Дагестана, а где-то в другом районе. Поиски этого района — задача будущих исследований.

⁹ В. Б. Виноградов и В. И. Морковин. Могильник Ямансу на границе Чечни и Дагестана. «Археолого-этнографический сборник», т. II. Грозный, 1968, стр. 182—186. См. также: В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, стр. 71 и сл.

¹⁰ А. Я. Федоров и Г. С. Федоров. К вопросу о южной границе Хазарии. «Вестник МГУ», № 3, 1970, стр. 82—96; М. Г. Матюмова. Верхне-Чирюртовское городище. «УЗ ИИАЛ им. Г. Цадасы Даг. филиала АН СССР», т. XIX, кн. II. Махачкала, 1969, стр. 147—167.

¹¹ В. Б. Виноградов и К. Э. Чокоев. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен. «Археолого-этнографический сб. Чечено-Ингушский НИИ ИЯЛ. Изв.», т. VII, вып. 1. Грозный, 1966, стр. 74.

¹² Б. Е. Деген-Ковалевский. Указ. соч., стр. 27; И. М. Чеченов. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969, стр. 55.

В. В. СЕДОВ

РАСКОПКИ В ИЗБОРСКЕ В 1971 И 1972 ГГ.

Изборск — один из древнейших русских городов. Впервые он упоминается в летописи под 862 годом. С этой датой связана легенда о призвании на Русь трех варяжских князей-братьев: «старейший, Рюрикъ, седе Новогороде, а другой, Синеусъ, на Беле-озере а третий Изборъсте, Труворъ»¹.

С возвышением Пскова Изборск потерял свое былое значение, став пограничным городом на западе Новгородской земли. Накануне сражения на Чудском озере, под Изборском в 1233, 1239 и 1240 гг., как повествуют летописи, разыгрались сражения с меченосцами. Изборск первым встал на пути немецких феодалов, пытавшихся расширить свои прибалтийские завоевания. В XIII—XIV вв. в условиях ожесточенной борьбы с немецкими рыцарями стратегическое значение Изборска возросло. Изборское городище уже не отвечало условиям этого времени, поэтому в 1303 г. «Изборскъ поставленъ бысть на новом месте»², где была поставлена деревянная крепость, замененная позднее на каменную.

Изборское городище (называемое также Труворовым) — Изборск, до начала XIV в. расположено на высоком мысу с крутыми склонами, образованном с востока Городищенским озером, а с запада глубоким оврагом с безымянным ручьем. Площадка городища, имеющая в плане очертания треугольника, с напольной стороны защищена подковообразным валом высотой до 6 м и ровом глубиной около 3 м. Возвышается городище над озером на 35—40 м. Площадь его около 9500 кв. м.

Городище занимает очень выгодное положение. Оно расположено в глубине Изборской котловины и господствует над ней. По этой котловине проходил водный путь (Городищенское озеро—р. Сходница—оз. Мальское—р. Бдеха) в Псковское озеро.

В восточной половине городища — кладбище. Там же находится Николо-Городищенская церковь XVI—XVII вв. Западная половина городища свободна и может быть исследована раскопками. Раскопочных исследований на нем до сих пор не производилось. Лишь трижды на городище были заложены разведывательные шурфы. В 1924 г. это сделал археолог Б. Нерман с группой студентов Тартуского университета³. В 1946 г. шурф размерами 2×4 м был заложен у западного края городищенской площадки С. А. Таракановой⁴, а через семь лет, в 1953 г., городище шурфовалось (шурф размерами 6×4 м в юго-западной части площадки) экспедицией Эрмитажа под руководством Г. П. Гроздилова⁵.

¹ Повесть временных лет, ч. 1. М.—Л., 1950, стр. 18.

² Псковские летописи, вып. 1. М.—Л., 1941, стр. 14.

³ В. Nerman. Archäologische Untersuchungen bei Isborsk. Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft, 1924. Dorpat, 1926, стр. 44—51.

⁴ С. А. Тараканова. Старый Изборск. КСИИМК, вып. XX, 1948, стр. 89—96.

⁵ Г. П. Гроздилов. Археологические памятники Старого Изборска. АСГЭ, вып. 7. Л.—М., 1965, стр. 65—73.

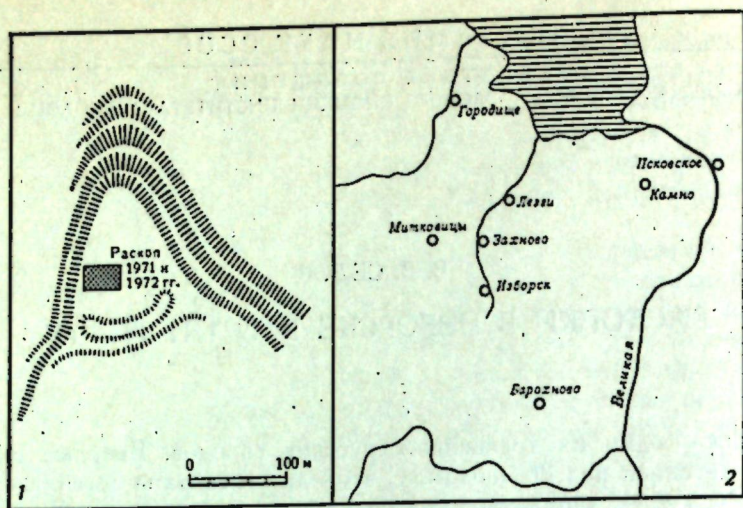

Рис. 1. План Изборского городища (1) и карта его окрестностей (2)

Планомерные раскопочные исследования Изборского городища начаты экспедицией Института археологии АН СССР и Псковского гос. историко-художественного и архитектурного музея-заповедника в 1971 г. За два полевых сезона (1971 и 1972 гг.) вскрыта площадь в 800 кв. м. Раскоп находился в срединной части западной половины городища (рис. 1, 1).

Толщина культурных напластований на городище — от 1 до 1,6 м. Самые нижние отложения толщиной от 0,2 до 0,4 м характеризуются исключительно лепной керамикой. По своей консистенции слой с лепной посудой не выделяется от вышележащего. В связи с этим нужно полагать, что жизнь на Изборском городище продолжалась без перерывов.

В нижнем слое открыты остатки нескольких десятков печей. Почти все они были сложены из глины, а немногие — из глины и камней. Так как при раскопках обычно открывались лишь массивы сильно обожженной глины оранжево-красного цвета, установить детали устройства печей не представляется возможным. От жилых построек, которым принадлежали эти печи, какие-либо следы остались только в тех случаях, когда они погибли в результате пожаров. Насколько можно судить по остаткам сгоревших бревен, это были наземные срубные дома размерами около 3,5 × 4,5 м.

Наличие глинобитных печей в нижнем слое Изборска является весьма интересным фактом. Известно, что для северной полосы лесной зоны Восточной Европы характерны печи, сложенные из камня. На поселении, существовавшем в I тысячелетии н. э. на месте Псковского кремля, открыты только очаги из булыжных камней⁶. Для древнейших построек Старой Ладogi свойственны печи-каменки⁷. Очаги из камней характерны и для поселений эстонских племен⁸. По-видимому, нужно полагать, что первые поселенцы Изборского городища, соорудившие жилища с глинобитными печами, были пришлым населением. На смену глиняным печам в Изборске скоро приходят каменно-глиняные, а в X—XIII вв. уже господствуют печи-каменки.

⁶ С. А. Тараканова. Раскопки древнего Пскова (1945—1947 гг.). КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 108; она же. О происхождении и времени возникновения Пскова. КСИИМК, вып. XXXV, 1950, стр. 18—29.

⁷ В. И. Равдоникас. Старая Ладога. (Из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.). СА, вып. XI, 1949, стр. 15—31.

⁸ М. Х. Шмидельм. Городище Рюге в юго-восточной Эстонии. Сб. «Вопросы этнической истории народов Прибалтики». М., 1959, стр. 154—185.

Судя по расположению печей, жилые постройки в Изборске VIII—IX вв. располагались по периметру поселения, а середина оставалась недостроенной. Аналогичные городища с подобным положением жилищ известны в Польском Поморье, где они датируются VII—серединой IX в.²

Лепная керамика Изборского городища представлена исключительно горшкообразными сосудами с плавным профилем и закругленным венчиком (рис. 2; 1—3, 7). Поверхность сосудов черно-серая или серо-желтая, в изломе черепок черно-серый, тесто со значительным содержанием дресвы. На некоторых черепках дресва выступает и делает поверхность сосудов бугристой. Изредка обнаруживается примесь слюды. Встречено несколько обломков горшков со слабо подощенной поверхностью. На единичных венчиках имеется веревочный узор типа «роменского».

Изборская лепная керамика имеет прямые аналоги среди сосудов-урн из курганов с трупосожжениями псковских кривичей. Аналогичная керамика найдена в слоях VIII—X вв. Псковского кремля, на городище Камно и на других славянских поселениях последней четверти I тысячелетия н. э.

В числе вещевых находок из слоя с лепной керамикой имеются железные ножи, глиняные пряслица, каменные рыболовные грузила и другое. Для датировки слоя важной находкой является каменное блоковидное кресало (рис. 2, 5). Такие предметы имели широкое распространение в регионе, прилегающем к Балтийскому морю. Блоковидные кресала из кварцита обычны в составе кладов Скандинавии, датируемых I—V вв. н. э. А. М. Тальгрэн отмечал, что форма огнива возникла где-то в области Вислы примерно в начале н. э. и между 300 и 500 гг. получила широкое распространение¹⁰. Как показало Х. А. Моора, в Юго-Восточной Прибалтике блоковидные кресала были в употреблении преимущественно в VI—VII вв. н. э.¹¹ В кладах Латвии, судя по новейшим изысканиям, они датируются V—началом VII в.¹² Таким образом, VII столетие было последним в бытовании блоковидных кресал. Поэтому время основания поселения на Изборском городище должно быть определено, по крайней мере, рубежом VII и VIII вв. Найдены подобные огнива также в длинных курганах в Линдоре и Лезгах, датируемых VII в.¹³, и на городище Камно.

К нижнему слою относятся также каменная формочка для отливки трапециевидных подвесок и костяной гребень. Литейная формочка (рис. 2, 4) вырезана из местного известнякового камня. В ней изготавливались привески с ушком и лестничным узором по краям. Литейная формочка для производства аналогичных привесок найдена на городище Камно¹⁴. Бронзовые трапециевидные привески проникают в славянские древности в последней четверти I тысячелетия н. э. Они известны в материалах длинных курганов и изредка встречаются в древнерусских курганных могильниках. Более характерны такие привески для прибалтийских древностей.

К раннему времени относится и костяной гребень (рис. 2, 6). Он цельный, односторонний с отверстием для подвешивания. Лицевая сторона его украшена процарапанным чешуйчатым узором. Аналогичную

⁹ W. Losiński. Początki wczesnośredniowiecznego osadnictwa grodowego w dorzeczu dolnej Parsęty (VII—XI w.). Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1972.

¹⁰ A. M. Tallgren. Zur Archäologie Eestis, t. 1. Dorpat, 1922, стр. 114, 115.

¹¹ H. Moora. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr., t. II. Tortu, 1938, стр. 569—574.

¹² V. Urtāns. Latvijas 5—9 gs. depoziti. «Arheologija un etnogrāfija», VI. Rīga, 1964, стр. 53—60.

¹³ M. Schmiedehelm. Kääbaskalmistud Lindoras ja mujal Kagu-Eestis. Сб. «Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloo». Tallinn, 1965, стр. 43; Г. П. Гроздилов. Археологические памятники Старого Изборска, стр. 81, 82.

¹⁴ С. А. Тараканова. Псковские городища. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 40, 41, рис. 20.

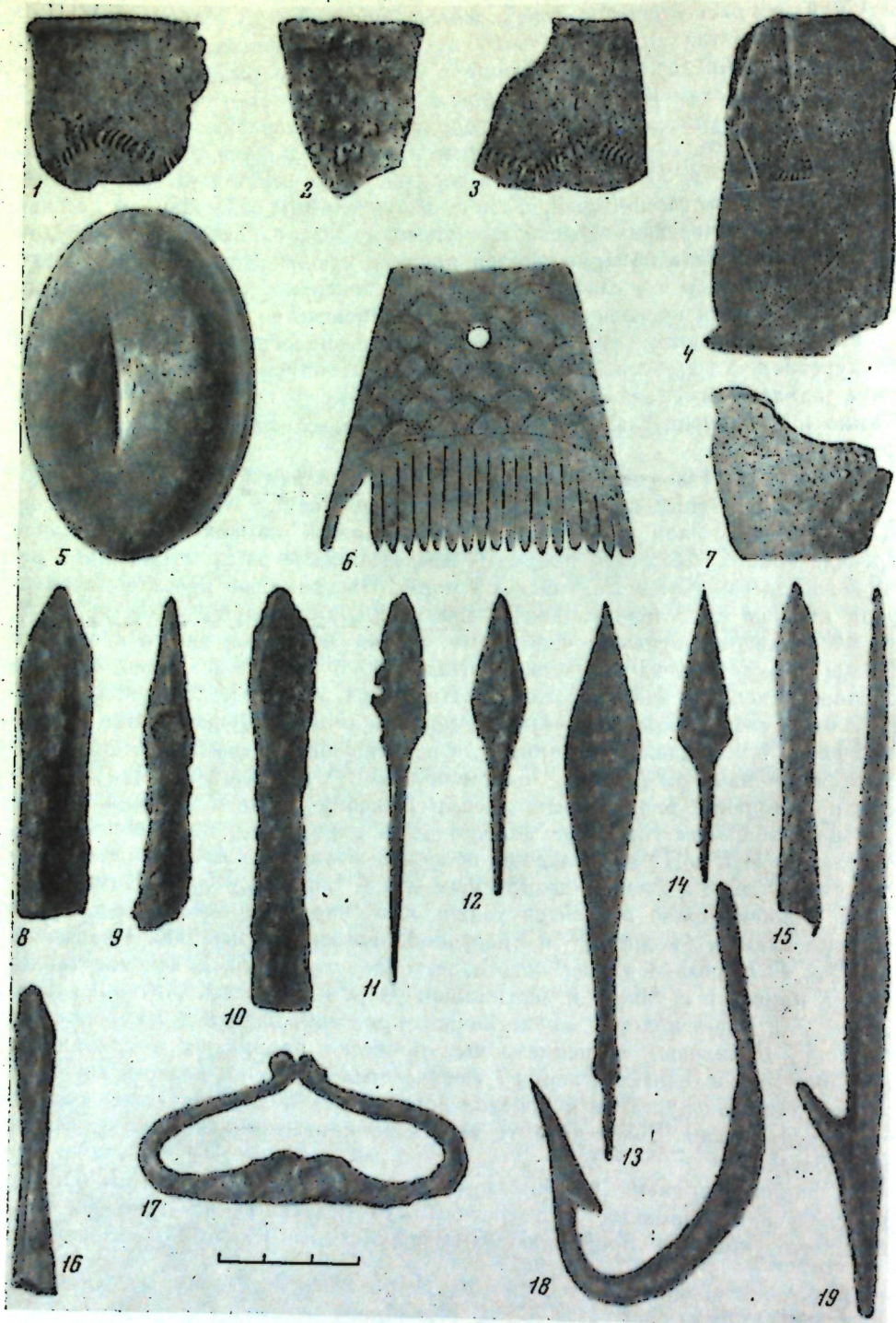

Рис. 2. Предметы из Изборского городища

1-3, 7 — фрагменты лещинной керамики; 4 — каменная литейная формочка; 5 — блоковидное кресало; 6 — костяной гребень; 8-16 — железные наконечники стрел; 17 — калачевидное кресало; 18 — рыболовный крючок; 19 — острога

орнаментацию имеет гребень одного из курганов, раскопанных А. С. Уваровым в Ростово-Суздальской земле¹⁵.

Односторонние цельные гребни были распространены в Прибалтике и на севере Руси в IX—XI вв. Они найдены в слое «д» Старой Ладоги¹⁶, в нижнем горизонте культурного слоя Псковского кремля¹⁷, на городище Рюге в Эстонии¹⁸ и в других местах. Среди них более ходовыми были гребни с фигурной рукоятью.

В ареале длинных курганов южное побережье Псковского озера принадлежит к районам наибольшей концентрации этих памятников. Изборск здесь занимает центральное положение. С северо-западной стороны, в 10—40 км от Изборска, полукольцом располагалось несколько укрепленных пунктов, образующих своеобразную систему для защиты этого региона кривичей. Таковы городища Барохново, Митковицы, Городище на Пижме, Лисье, Лезги, Захново (рис. 1, 2). Они или лишены культурных напластований или, как, например, Митковицкое, содержали слабые отложения с лепной керамикой, идентичной изборской. Очевидно, это были убежища, куда собиралось местное население в моменты опасности. С восточной стороны от Изборска находились укрепленные поселения Камно и Псковское. По-видимому, можно полагать, что в VIII—IX вв. Изборское городище было племенным центром одной из групп кривичей.

В X—XIII вв. городище стало детинцем Изборска. Теперь вся его площадь была плотно застроена. Раскопками вскрыто несколько десятков печей и остатки сгоревших построек. Все постройки наземные, размеры жилищ от 4×3,5 до 6×4,5 м. Жилые строения были бревенчатыми, срубными, с полами из толстых досок, положенных на лаги.

Печь занимала один из углов жилища. Она сооружалась преимущественно насухо из камней различного диаметра. Наиболее сохранившиеся печи имели подчетырехугольные основания размерами около 1,5×1,2 м. Края печей строились обычно из более крупных камней, своды выкладывались из плитнякового сланца, которого много в окрестностях Изборска. Изредка встречаются также печи, сложенные из камня на глиняной основе и промазанные глиной.

Судя по сохранившимся основаниям печей, они стояли непосредственно на грунте. Печи, сооруженные прямо на земле, обычны для псковского и старолadoжского домостроительства и нередко встречаются в Новгороде и в других древнерусских городах¹⁹. Печи на столбовых опечках, характерные для многих севернорусских поселений этого времени, в частности для Новгорода, в Изборске зафиксировать не удалось. Однако их бытование здесь отрицать нельзя. Остатки многих печей-каменок оказались в разбросанном состоянии и не исключено, что в части из них имелись подпечные деревянные сооружения. Дерево же в Изборске не сохраняется вовсе.

В культурном слое Изборского городища зарегистрировано несколько прослоек пожарищ. Наиболее мощная прослойка, по-видимому, связана с событиями 30-х годов XIII в., когда Изборск, как сообщают летописи, пострадал от вражеских набегов немцев-рыцарей²⁰. В этой прослойке расчищены остатки 18 жилых построек (обугленные бревна срубов, остатки полов и печей), свидетельствующие об очень тесной застройке

¹⁵ А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, 1905, рис. 377.

¹⁶ О. И. Давидан. Гребни Старой Ладоги. АСГЭ, вып. 4, 1962, стр. 101, 102.

¹⁷ С. А. Тараканова. Раскопки древнего Пскова..., табл. VII, 1, 4.

¹⁸ М. Х. Шмидельм. Городище Рюге..., табл. VII, 1, 4.

¹⁹ В. И. Равдоникас. Старая Ладога, стр. 15—31; С. А. Тараканова. Новые материалы по археологии Пскова. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 55; П. Н. Засурцев. Усадьбы и постройки древнего Новгорода. МИА, № 123, 1963, стр. 29—38.

²⁰ Под 1233, 1239 и 1240 гг. (Новгородская Первая летопись. М.—Л., 1959; Псковские летописи, вып. 2. М., 1955).

исследуемого участка Изборска. В прослойке пожарища в разных пунктах обнаружены скопления обугленных зерен пшеницы и ячменя.

В слое X—XIII вв. собрано свыше 1000 предметов. Самую многочисленную группу составляют бытовые изделия — железные ножи, шилья, замки, ключи, дверные пробойники, иглы, дужки ведер, светцы и другое.

Почти в каждой постройке встречено по одному или по несколько пряслиц. Основная часть их принадлежит к изделиям местного производства. Они сделаны из местного камня — серого плитняка (рис. 3, 13, 13). Неоднократно найдены и бракованные заготовки каменных пряслиц (рис. 3, 15). О развитии камнерезного ремесла на городище говорят и многочисленные находки литейных формочек из местного плитняка. По-видимому, к предметам местного изготовления принадлежат и каменные крестики-тельники.

О занятиях на городище бронзолитейным и ювелирным ремеслами свидетельствуют находки тиглей, льячек, литейных формочек, медных шлаков, кусков бронзовой проволоки, волочила и пинцета. Судя по литейным формочкам, на городище отличались различные привески, в том числе решетчатые, крестики (рис. 3, 16, 20), браслеты, перстни и застегки.

Среди браслетов, найденных при раскопках, преобладают пластинчатые тупоконечные и загнутоконечные (рис. 3, 3, 7, 8, 10, 12). Все они сделаны из штампованных листов и украшены чеканным узором, состоящим из кружочков, ромбов, зубчиков и плетенки. Такая орнаментация очень характерна для пластинчатых браслетов словенско-кривичского ареала²¹. Встречены также витые браслеты с обрубленными концами (рис. 3, 9), широко известные в памятниках Новгородской земли.

Наиболее распространенными перстнями были пластинчатые с узкими сомкнутыми концами (рис. 3, 17), косорубчатые (рис. 3, 19) и витые из двух проволок (рис. 3, 18). Все они имеют многочисленные аналогии в древнерусских памятниках. Кроме того, найдены спиральные перстни, обычные для литовско-латышских древностей.

Несколько раз встречены провололочные перстнеобразные височные кольца. Бронзовые пряжки относительно немногочисленны. Они или лировидные или имеют прямоугольное основание и расширяющийся овальный приемник (рис. 3, 5). Подобные пряжки широко известны среди древнерусских древностей.

Довольно много в Изборске подковообразных застегек. Самыми распространенными среди них были застегки со спирально загнутыми концами (рис. 3, 4). В сечении они круглые или треугольные. Найдена также подковообразная застегка с круглыми лепешкообразными концами, украшенными циркульным орнаментом (рис. 3, 1). Представляет интерес массивная подковообразная серебряная застегка с утолщенными концами (рис. 3, 2). Подобные предметы характерны для литовских земель, где наиболее ранние из них датируются X—XI вв.²² Встречены подковообразные застегки с утолщенными концами и в некоторых древнерусских памятниках, где они, скорее всего, принадлежат к предметам литовского импорта. Е. Голубович нашла такую застегку со спиральным орнаментом в кургане при дер. Навры близ Литвы²³. В Гродно застегка с утолщенными концами найдена в слое XI—XIII вв.²⁴ Очень сходная с ней пряжка происходит из Дрогичина²⁵. Находка в Новогрудке отно-

Рис. 3. Предметы из Изборского городища

1, 2, 4 — подковообразные застегки; 3, 7—12 — браслеты; 5 — пряжка; 6 — привеска-цепедержатель; 13, 14 — пряслица; 15 — заготовка пряслица; 16, 20 — литейные формочки; 17—19 — перстни; 1, 3—12, 17—19 — бронза; 2 — серебро; 13—17, 20 — камень

²¹ А. А. Спицын. Курганы Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. МАР, № 20, 1896, табл. IV, 12; XIII, 20, 25; он же. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. МАР, № 29, 1903, табл. XXII, 25, 27.

²² P. Kulikauskas, R. Kulikauskienė, A. Tautavičius. Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius, 1961, стр. 483.

²³ E. Cehak-Holubowiczowa. Materiały zagadnienia cmentarzyska kurhanowego koło wsi Nawry w pow. Postawskim «Rocznik archeologiczny», I. Wilno, 1937, табл. IV, 7.

²⁴ Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, № 41, 1954, стр. 66, рис. 31, 6.

²⁵ Н. П. Авсариус. Дрогичин Надбужский и его древности. МАР, № 4, 1890, табл. II, 29.

сится ко второй половине XII в.²⁶ Еще одна подковообразная застежка с утолщенными концами, инкрустированная серебром, обнаружена близ Новогрудка на селище Сулятичи²⁷. Две (серебряная и бронзовая) пряжки найдены на Бородинском городище в Смоленской земле²⁸.

Среди бронзовых вещей имеется ажурная привеска-цепедержатель (рис. 3, 6). Подобные находки с цепочками и различными подвесками на их концах характерны для прибалтийских памятников. Единичные привески-цепедержатели встречены и в курганах Новгородской земли²⁹.

Стеклобраслеты, столь характерных для большинства древнерусских городов, в Изборске не встречено. Нет здесь и стеклянных перстней. Бусы единичны — одна шиферная и две зонные, бирюзового стекла.

Можно полагать, что на городище занимались деревообрабатывающим и косторезным ремеслами. О первом свидетельствуют находки топоров, тесла, скобелей, долот, перовидного и спирального сверл. На занятие косторезным делом указывают находки костей и рогов со следами обработки, бракованных полуфабрикатов, а также изделий из кости — гребней, рукояток ножей, шайбочек и игровой фишки.

В изборской коллекции имеются также предметы земледельческого труда (серпы, косы-горбуши, косарь, мотыга) и рыболовства (рыболовные крючки (рис. 2, 18), блесна, остроги (рис. 2, 19), грузила).

Вместе с тем, вещевой материал Изборского городища подтверждает, что это был пограничный город Северо-Западной Руси, не раз первым встречавший неприятеля. Предметы вооружения и снаряжение всадника и коня, обнаруженные здесь, особенно многочисленны.

Большую группу находок составляют наконечники стрел. Среди черешковых стрел (рис. 2, 11—14) имеются ромбовидные новгородского типа, датируемые широко от I до XIII в., лавролистные (IX—XIII вв.) и ланцетовидные (IX—XI вв.)³⁰. Многочисленны арбалетные стрелы, относящиеся к нескольким типам. Некоторые из втульчатых наконечников имеют квадратное сечение и короткое пирамидальное острие (рис. 2, 8), другие — пирамидальные с квадратным сечением и характеризуются отсутствием шейки (рис. 2, 9), третьи — пирамидальные с квадратным сечением и лавролистной гранью (рис. 2, 10)³¹. Подобные наконечники стрел датируются обычно XIII—XV столетиями, следовательно они принадлежат к последнему периоду функционирования поселения на Изборском городище. Еще несколько втульчатых арбалетных наконечников принадлежат к типу лавролистных с ромбическим сечением (рис. 2, 15, 16)³². Появляются они в конце XII в. Найден также арбалетный черешковый наконечник — пирамидальный квадратного сечения с остролистной гранью³³.

Коллекция шпор состоит из разнотипных находок. Наиболее ранними из них являются так называемые викингские шпоры, гвоздеобразный шип которых лежит в одной плоскости со скобой. Они датируются IX—XI вв. Есть также шпоры с пирамидальными и шарообразными шипами и изогнутыми дугами. Найдена также шпора с зубчатым колесиком. Такие шпоры на Руси появляются в первой половине XIII в.³⁴

В Изборске найдены также железные наконечники копий и втоки, стремена и удила, каменные пращевые ядра и остатки кольчуги.

²⁶ Ф. Д. Гуревич. Прибалтийский импорт в Понеманье в X—XII вв. «Pronksiajst varase feodalismini». Tallinn, 1966, стр. 55, табл. II, 4.

²⁷ Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Понеманья. М.—Л., 1962, рис. 78, 1.

²⁸ В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XIV вв.). М., 1960, стр. 117, рис. 59, 12, 13.

²⁹ А. А. Спицын. Курганы Петербургской губернии, табл. VII, 11, 12.

³⁰ А. Ф. Медведев. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII—XIV вв. САИ, вып. Е1—36, 1966, стр. 67—75 (типы 46, 62 и 63).

³¹ Там же, стр. 94 (типы 2, 3 и 6).

³² Там же, стр. 95 (тип 8).

³³ Там же, стр. 56 (тип. 12).

³⁴ А. Н. Кирпичников. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. САИ, вып. Е1—36, 1973, стр. 67—69.

П. А. РАППОПОРТ, Е. В. ШОЛОХОВА

РАСКОПКИ ЦЕРКВИ У УСТЬЯ Р. ЧУРИЛОВКИ В СМОЛЕНСКЕ

В 1885 г. в Смоленске производились земляные работы в саду торговца Бибикина на правом берегу речки Чуриловки близ ее впадения в Днепр. При этом для выравнивания площадки начали срыпать расположенный на этой территории «довольно обширный курган». Выяснилось, что «курган» представляет собой остатки древней церкви. Осмотревшие руины С. П. Писарев и В. И. Сизов просили хозяина участка «снимать землю так, чтобы можно было сфотографировать и снять план». Результаты своих наблюдений С. П. Писарев опубликовал в трех номерах местной газеты «Смоленский вестник»¹. Кроме того, он сделал схематический обмер плана храма². «Раскопки» вызвали большой интерес, и сведения о них в краткой форме были помещены в различных исторических и археологических изданиях.

С. П. Писарев в своих сообщениях постарался возможно подробнее описать не только форму плана раскопанного сооружения, но и его строительную технику. Он полагал, что храм функционировал довольно долго, видимо, до XVII в. При «раскопках» было обнаружено большое количество погребений, причем часть из них несомненно сделана уже после разрушения церкви. В информации С. П. Писарева отмечено, что храм рухнул в северо-западном направлении, куда более чем на 8 м простирался мощный слой, состоявший из плинфа и раствора.

На основании описания С. П. Писарева некоторые исследователи сделали вывод, что «развалины храма к моменту раскопок сохранились на значительную высоту»³. Действительно, С. П. Писарев писал, что он видел «остатки сводов северных и южных алтарных дверей», а «на северной стене, ближе к низу, заметно было существование арки, будто вход в церковь». Более внимательный анализ писаревского текста показывает, однако, что автор имел в виду не сами арки, а лишь нижние части проемов, которые, как он был уверен, перекрывались арками.

Позднее церковь у устья р. Чуриловки упоминали уже почти все авторы работ, посвященных древностям Смоленска. Поскольку именно в данном районе смоленские историки, не без основания, искали «немецкую божницу», известную по документам XIII в., Чуриловскую церковь иногда прямо отождествляли с немецкой церковью⁴. Делались и другие попытки определить древнее название этой церкви; так, ее сопоставляли

¹ С. П. Писарев. Раскопки одной из древнейших смоленских церквей. «Смоленский вестник», 1885, № 96, 98 и 101.

² План приведен в книге: С. П. Писарев. Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Смоленск, 1894. Позднее этот план переиздан в работе М. К. Каргера (М. К. Каргер. Зодчество древнего Смоленска. Л., 1964, стр. 92).

³ М. К. Каргер. Указ. соч., стр. 92.

⁴ И. Орловский. Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядани и раскопки его развалин. «Смоленская старина», вып. 1. Смоленск, 1909, стр. 219.

с церковью Богородицы, «что на Чюриле», известной по документу конца XVI в.⁵

В 1944 г. на месте древней церкви был построен небольшой домик, при строительстве которого на поверхность было выброшено много плит⁶. В 1972—1973 гг. церковь была раскопана Смоленской архитектурно-археологической экспедицией⁷.

Место древнего храма определялось легко — на правом берегу речки Чуриловки (теперь взятой в нижнем течении в трубу) близ ее устья хорошо прослеживается плоская площадка, слегка приподнятая над окружающей местностью. Раскопки показали, что эта площадка больше по размерам, чем участок, занятый руинами церкви. Очевидно, форма и размеры данного всхолаждения установились в результате земляных работ 1885 г., когда остатки храма были разровнены для устройства сада на этой территории.

Остатки церкви оказались очень сильно разрушенными, и по-видимому, не после «раскопок» XIX в., а значительно раньше. Большие участки кладки разобраны целиком, включая фундамент. Многие куски стен найдены лежащими на боку или в виде бесформенных завалов. Значительное количество поздних погребений и ям пробито кирпичные кладки и фундаменты насквозь.

В более или менее нетронутом состоянии на высоту до 15 рядов кирпичей сохранились лишь два восточных столба и стенка, идущая от северо-восточного столба между северной и центральной апсидами (рис. 1). Симметричная ей стенка между центральной и южной апсидами найдена сдвинутой с места и упавшей на бок.

Достаточно отчетливо прослежена северная апсида, хотя ее северная часть (т. е. северо-восточный угол церкви) целиком уничтожена. Сильно разрушена, но все же прослеживается по обрывкам кладки центральная апсида. Южная апсида и южная стена церкви отсутствуют, и лишь на самом западном участке сохранился небольшой кусок фундамента южной стены. От северной стены найден очень маленький обрывок. Несколько больший кусок сохранился от западной стены. На месте столбов обнаружены кирпичные отмытки — как бы платформы, служившие основанием столбов. От северо-западного столба на такой платформе частично сохранился нижний ряд кладки. Рядом с сохранившимися участками кладки найдены отдельные упавшие блоки, а к северу от здания расчищен значительный кусок лежавшей плашмя северной стены церкви. В подполье построенного здесь дома (Б. Краснофлотская ул. д. 6-а) виден большой блок кладки, по-видимому, северо-западный угол здания.

Кладка здания довольно аккуратная. Лицевые стороны стен сложены из цельных кирпичей, а середина — из обломков. На фасады выходят в основном ряды кирпичей, уложенных тычком, хотя встречаются и смешанные ряды тычков и ложков, а в западной стене отмечено наличие одного ряда, целиком состоящего из ложков. Швы в кладке имеют толщину 4—4,5 см, т. е. несколько толще самих кирпичей: кирпичи здания хорошо формованные и обожженные. Они прочные, кирпично-красного цвета, размером (3,5—4,0) × (19—20) × 27 см. Найдены кирпичи, имеющие ту же длину и толщину, но шириной 15—16 см. На торцах кирпичей встречаются выпуклые знаки. Раствор известковый, розово-кремовый, с примесью (кроме песка) довольно крупных камней, битого кирпича, кусочков шлака, а также мелких угольков.

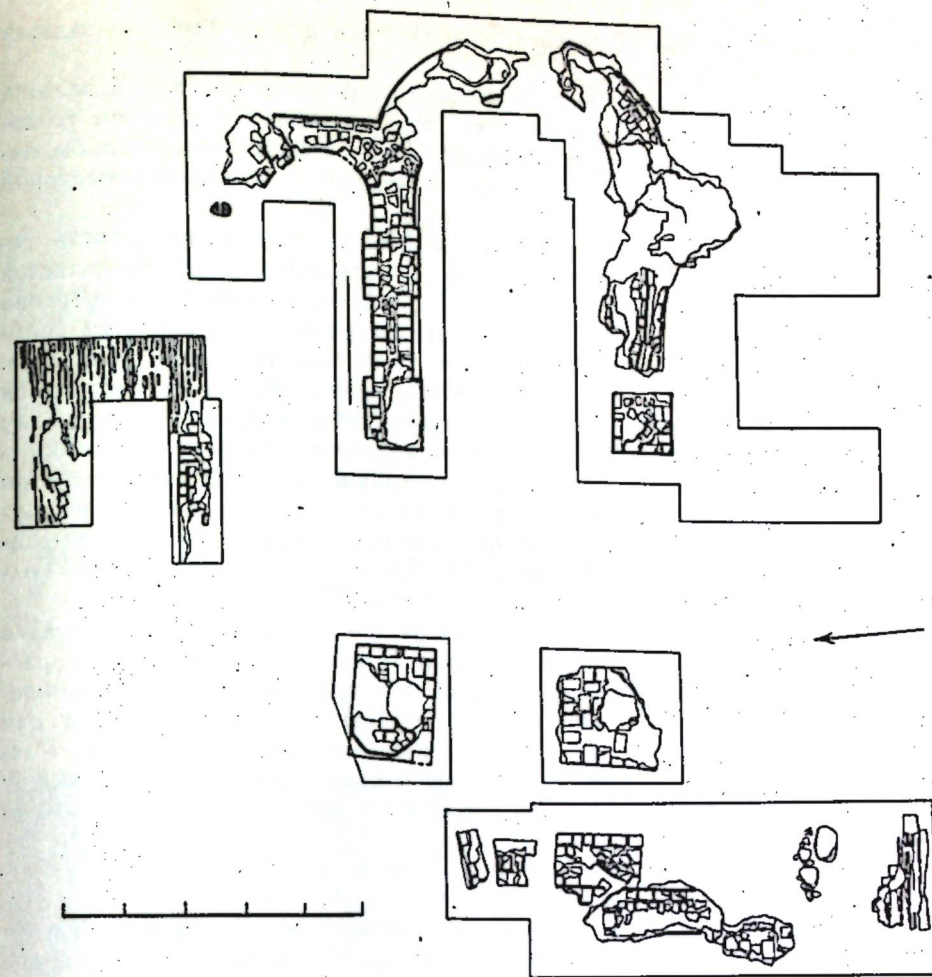

Рис. 1. Церковь на Чуриловке. План раскопанных остатков здания

На участке северного нефа церкви, в районе примыкания к стенке, разделяющей апсиды, а также с восточной стороны северо-западного столба сохранились участки грунта с ненарушенной стратиграфией. Выяснилось, что на древней поверхности почвы здесь лежит черный культурный слой, образовавшийся до постройки церкви. Толщина слоя — от 20 до 45 см; в нем найдены фрагменты керамики XII в. Выше лежит слой глины с мелкими кусочками угля и обожженной глины — слой подсыпки под полом церкви. Толщина этого слоя около 50 см. Чем был замощен пол, выяснить не удалось; в раскопках найдено всего несколько обломков плиток со следами зеленой поливы.

Нижние ряды кирпичной кладки представляют собой отмытку, имеющую значительно большую ширину, чем ширина вышележащих участков стен. Так, в стенке, разделяющей апсиды, эта отмытка имеет ширину 1,25 м, в то время как сама стена — всего 0,7 м. В западной стене храма отмытка выступает внутрь здания (параллельно стене) на 0,85 м, а под столбами образует прямоугольные платформы размером (по направлению восток—запад) около 1,6 м. Толщина отмытки не всюду одинакова: она колеблется от 3 до 6 рядов кирпичей.

Фундамент церкви состоит из булыжников размером 10—20 см; уложенных насухо. Ров имеет такую же ширину, как сам фундамент, т. е. сделан без зазора. Под межапсидной стенкой фундамент пререзает культурный слой и врезан в песчаные прослойки нижележащего грунта на глу-

⁵ «Указатель церковных древностей г. Смоленска». Смоленск, 1912, стр. 75.

⁶ И. Д. Белогорцев. Кирпичные постройки XII века в Смоленске. «Материалы по изучению Смоленской области», вып. 5. Смоленск, 1963, стр. 139.

⁷ В раскопках под руководством авторов настоящей статьи принимали участие Л. М. Всевинов, Т. М. Горячева, Е. Ю. Медникова, Н. В. Панфилова, Л. Д. Шакулова.

бину 60 см, до уровня плотной глины. Фундамент под северо-западным столбом на 55 см глубже.

Из деталей, которые относятся к конструкции верхних частей здания, найдены лишь обломки амфор, видимо, использованных в качестве голосников. Изнутри церковь была расписана (во всяком случае, хотя бы частично): в развале обнаружены куски штукатурки с остатками фресковой росписи.

Несмотря на плохую сохранность памятника и фрагментарность сохранившихся кладок, общая схема плана раскопанной церкви определяется все же с достаточной полнотой (рис. 2). Это была небольшая церковь с тремя апсидами, из которых только центральная имела снаружи полукруглую форму, в то время как боковые были снаружи прямоугольными. Положение западной стены точно зафиксировано, поскольку сохранился кусок кладки этой стены. Фрагмент северной стены сохранил только одну поверхность — снаружи здания, но этого вполне достаточно, чтобы определить положение северной стены, а симметрично ей и южной стены. При этом южная стена оказывается точно на том месте, где сохранился ненарушенный участок фундамента. Общие размеры церкви оказались равными — по продольной оси (с апсидой) 15,0 м, а поперек — 11,3 м. Толщина стен 72—80 см. Азимут продольной оси 99°.

Восточные столбы храма имеют прямоугольную форму. С. П. Писарев видел их еще отделенными от межальтарных стенок, в то время как в раскопках 1972 г. эти стенки были вскрыты уже на уровне порога, соединяющего их со столбами. Ширина столбов 1,0—1,05 м. Западные столбы, как это правильно отметил С. П. Писарев, оказались восьмигранными. Размер подкупольного пространства храма по направлению север—юг (между столбами) — 3,35 м. По направлению восток—запад этот размер несколько больше — приблизительно 3,9 м.

Сравнение данных, полученных в итоге раскопок 1972—1973 гг., со сведениями и чертежом С. П. Писарева показывает, что этот исследователь очень добросовестно фиксировал обследованный им памятник. Его план имеет по существу лишь две серьезные ошибки. Во-первых, на этом плане не вполне точно вычерчен масштаб, что делает неверными размеры здания. Во-вторых, С. П. Писарев неправильно изобразил наружные очертания боковых апсид. По-видимому, он видел их раскрытыми лишь изнутри и предположил, что они были полукруглыми и снаружи. В остальном чертеж С. П. Писарева оказался достаточно верным.

Стены церкви на чертеже С. П. Писарева показаны гладкими, не имеющими лопаток. Очевидно, это связано с тем, что уже в 1885 г. стены находились в столь разрушенном состоянии, что лопатки на них не сохранились. Впрочем, на внутренней поверхности стен лопаток, очевидно, действительно не было, как об этом можно судить по небольшому куску поверхности западной стены напротив юго-западного столба. О форме наружных лопаток оказалось возможным судить благодаря найденным упавшим блокам кладки, на нижней стороне которых сохранился полный профиль сложной пучковой лопатки. Так, близ юго-западного угла храма была расчищена лопатка этого угла, имевшая три прямоугольных уступа и завершавшаяся прямоугольной тягой (рис. 3). Общая ширина такой сложнопрофилированной лопатки — 1,5 м, а ее вынос от плоскости стены — 58 см. Промежуточные лопатки стен имели, по сравнению с угловыми, на одно членение меньше. Об этом можно судить по обнаруженной лопатке северной стены, расположенной на линии восточных столбов здания.

Места расположения лопаток на стенах достаточно точно определяются самой разбивкой плана. Может возникнуть лишь вопрос, имелась ли на северном и южном фасадах промежуточная лопатка между углом и лопаткой, отвечающей восточной паре столбов. Судя по тому, что все смоленские памятники данного типа имели такую лопатку, надо полагать, что и

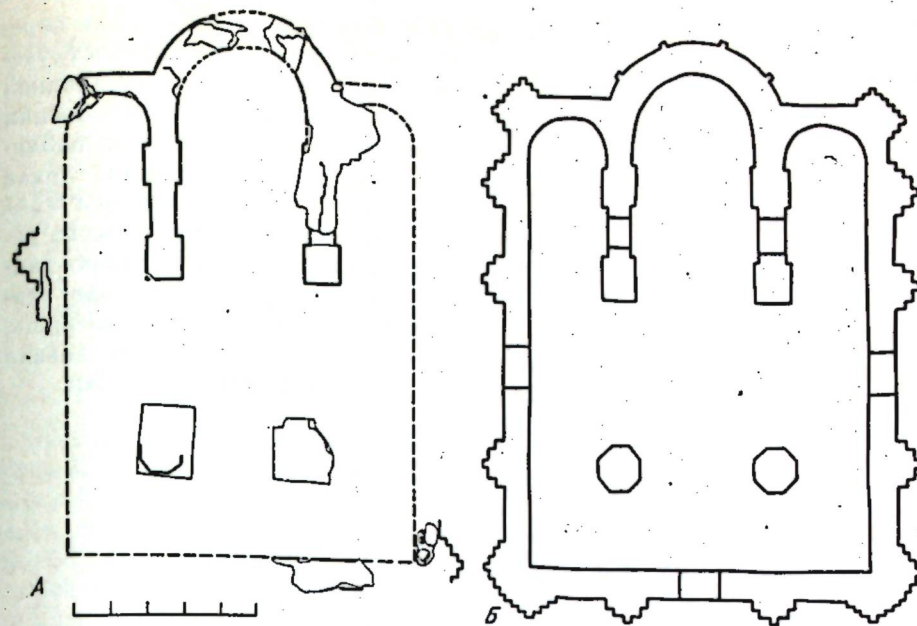

Рис. 2. План церкви в Чуриловке

А — обоснование реконструкции плана; Б — реконструированный план храма

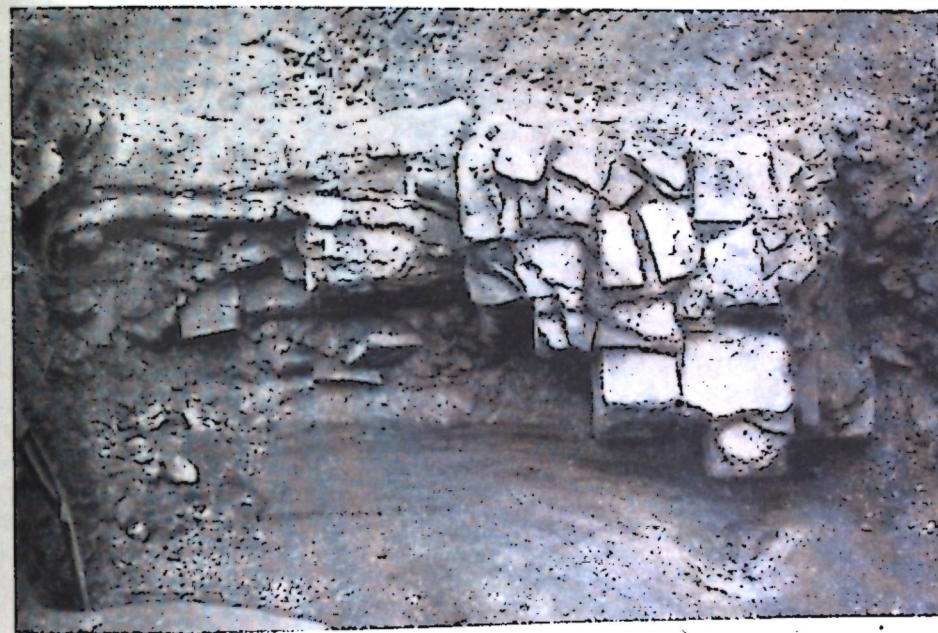

Рис. 3. Пучковая лопатка (южная лопатка юго-западного угла)

здесь она также должна была существовать. Некоторым подтверждением этому служат четко выделенные лопатки на междуапсидных стенках. На центральной апсиде, по аналогии с другими памятниками смоленской архитектуры, имеющими такую же систему профилировки наружных лопаток (церковь на Воскресенской горе), следует показать прямоугольные тяги.

Таким образом, план раскопанной церкви восстанавливается с достаточной полнотой. Своеобразие форм этого памятника не исключает того,

что как схема его плана, так и характер профилировки типичны для определенной группы памятников смоленского зодчества. Это позволяет уверенно датировать раскопанную церковь концом XII—первой половиной XIII в. Можно высказать предположение и о древнем наименовании храма. Немецкая церковь действительно оказалась расположенной поблизости, но все же в другом месте⁸, а церковь Богородицы, видимо, стояла значительно выше по течению речки Чуриловки⁹. Раскопанная в 1972—1973 гг. церковь расположена близ самого устья р. Чуриловки и очень вероятно, что речка обязана своим названием древнему наименованию данной церкви — церкви Кирилла¹⁰. Сколько времени просуществовало здание и когда оно было разрушено — выяснить не удалось. Известно лишь, что после разрушения церкви на этом месте долгое время существовало кладбище, а в XVIII в. здесь уже стояли какие-то другие постройки.

⁸ П. А. Раппопорт. «Латинская церковь» в древнем Смоленске. Сб. «Новое в археологии». М., 1972, стр. 283.

⁹ «Смоленская старина», вып. 1, ч. 2. Смоленск, 1911, стр. 31. О том, что церковь Богородицы стояла в верхнем течении р. Чуриловки, см.: «Акты, относящиеся к истории Западной России», т. I. СПб., 1846, стр. 170.

¹⁰ О том, что древнерусское имя Чурило отвечает христианскому имени Кирилл, — см., например, М. Vasmer. Russisches Etymologisches Wörterbuch, Bd. 3. Heidelberg, 1958, стр. 358.

В. А. БУЛКИН

КУРГАН 7 ИЗ РАСКОПОК С. И. СЕРГЕЕВА В ГНЕЗДОВЕ¹

Для Верхнего Поднепровья конца I и начала II тысячелетия н. э. Гнездовский могильник представляет новый тип некрополя. Компактное расположение малых и так называемых больших курганов, разница их размеров, устройства и содержания отличают его от могильников культуры смоленских длинных курганов и это позволяет предположить, что его формирование подчинено иным закономерностям².

Устройство рядовых гнездовских курганов хорошо известно по археологической литературе³. В меньшей степени это относится к большим насыпям Гнездова, раскопанным главным образом дореволюционными исследователями. Реконструкция устройства такого кургана еще не дает полного представления о погребальном обряде. Однако наглядность графически выполненной реконструкции в совокупности с описанием, в той мере, в какой позволяет источник, последовательности действий при сооружении погребальной насыпи дают возможность конкретизировать наши суждения об обряде.

Объектом реконструкции выбран курган 7, раскопанный С. И. Сергеевым в 1900 г. и находившийся в Центральной группе Гнездовского могильника. Выбор именно этого кургана обусловлен типичностью его устройства для некоторых больших насыпей Гнездова, а также своеобразием внешней формы, довольно редко встречающейся среди могильных древностей Восточной Европы IX—X вв. При сопоставлении публикации кургана А. А. Спицыным⁴ и документации автора раскопок оказалось, что в публикацию вошли не все данные о кургане. Поэтому основным источником для реконструкции послужила документация С. И. Сергеева⁵.

Насыпь кургана имела круглую в плане форму. Диаметр — около 27,5 м, высота 1,8 м. Верх кургана представлял собой ровную площадку диаметром около 25,5 м, склоны крутые, вокруг основания отмечены следы рва. К моменту раскопок курган был поврежден траншеей балластного карьера, срезавшей южный край, по одним данным автора раскопок, на два метра, по другим — на четыре⁶. При сопоставлении этих величин с размерами раскопочной траншеи более правильной оказалась вторая

¹ Доклад, прочитанный на заседании Группы славяно-русской археологии ЛОИА 13 июня 1972 г.

² Е. А. Шмидт. Археологические памятники периода возникновения города Смоленска. Сб. «Смоленск. Материалы юбилейной научной конференции». Смоленск, 1967, стр. 51—58.

³ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. МАР, № 28, 1902; Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках гнездовских курганов в 1949 г. «Материалы по изучению Смоленской области», вып. 1. Смоленск, 1952.

⁴ А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК, вып. 15, 1905, стр. 44—45.

⁵ Архив ЛОИА: ф. 1, дд. 106/1899 и 17/1900.

⁶ Первая цифра приведена в дневнике С. И. Сергеева, вторая — в примечаниях к описи находок.

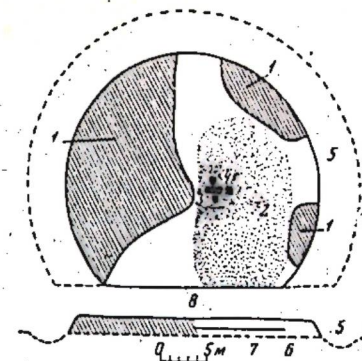
цифра. Курган был вскрыт частично и, как отмечает С. И. Сергеев, «огнище определило размеры раскопки кургана». Западная половина осталась неисследованной. По мнению С. И. Сергеева, эта часть представляла собой естественное возвышение, к которому с востока был присыпан курган. В нескольких местах здесь были сделаны пробные ямы и определено, что возвышение состоит из слоя глины и песка без культурных прослоек и находок. Тем не менее, С. И. Сергеев установил наблюдение за этой частью, не давшее однако никаких настораживающих результатов. Нераскопанными остались также небольшие северо-восточные и юго-восточные части насыпи. Ширина раскопной траншеи в северном конце равнялась 5 м, а восточном — 6,5 м, в южном — 21 м. В пределах этой траншеи найдено и расчищено огнище. Горизонт сожжения находился выше основания кургана на 0,7—0,8 м. Огнище представляло «красный слой, перемешанный с пеплом и черным слоем», и резко выделялось на фоне песка. Оно имело овальные очертания, длиной с севера на юг 17 м, шириной — 10,5 м. Огнище обрезано с южного края вышеупомянутой траншеей. Насыпь ниже горизонта сожжения, по всей вероятности, осталась неразобранной.

В северо-восточном секторе огнища найдено скопление вещей. В центре находился котел с костями и головой барана. Рядом с котлом с северной, восточной и южной стороны стояли сосуды с пережженными костями и кусками гребней в двух из них. Пространство между горшками и котлом, частично под ними, было заполнено шерстью барана, в которой найдены куски железной шейной гривны с привесками, цепочка и обрывки золотой канители. В траншее южной части насыпи найдены части конской уздечки, топор и стремя. Остальные вещи скоплений не образовывали и, судя по всему, находились там, куда упали с погребального костра. А. А. Спицын, ознакомившись с коллекцией находок из этого кургана, выделил два десятка целых железных заклепок длиной от 2 до 6,5 см. Сам С. И. Сергеев не знал назначения этих предметов, о чем можно судить по его дневниковым записям, и в описи определял их как гвозди. Кроме того, в записях С. И. Сергеева неоднократно упоминаются не определенные куски железа, пластин с заклепками, стержней. Среди них могли оказаться обломки заклепок. Следовательно, общее число заклепок в этом кургане не ограничивается только количеством целых. На огнище были найдены кости животных, из определенных — птичьи кости и зуб лошади.

Опираясь на все это, можно представить условную графическую реконструкцию кургана на уровне огнища (рис. 1), а также сделать попытку восстановить этапы сооружения насыпи и, отчасти, действия, связанные с погребальным ритуалом. Решение задач осложнено конструктивной необычностью западной половины кургана и расположением огнища, смещенного в восточную часть. Однако ставить под сомнение данные С. И. Сергеева было бы преждевременно, так как, судя по полевой документации автора раскопок и по отзывам о нем А. А. Спицына, это был наблюдательный и добросовестный исследователь⁷.

Сооружение кургана представляется следующим образом. Первоначально была выбрана площадка — основание будущей насыпи. О том, что это основание было очищено от растительности и выжжено, можно лишь догадываться, опираясь на раскопки других гнездовских курганов, и в частности больших⁸. Затем на подошве была сделана подсыпка толщиной 70—80 см. Землю для этой цели могли брать вокруг основания, отчего образовался ровик, выделяющий погребальную площадку. Сожжение, судя по описанию С. И. Сергеевым огнища, происходило в самом кургане. Вытянутые очертания огнища и наличие заклепок позволяют допустить, что на погребальной площадке была установлена ладья. В этом случае

Рис. 1. Схематический план и разрез кургана 7 (масштаб дан только для общих контуров насыпи и огнища). 1 — недокопанные части насыпи; 2 — огнище; 3 — котел; 4 — урны; 5 — ровик кургана (обозначен условно); 6 — уровень огнища; 7 — уровень основания насыпи (обозначен условно); 8 — стенка траншеи, прорезавшей южную часть насыпи

ориентировка ладьи будет соответствовать меридиональной ориентировке огнища. Размеры ее восстановить невозможно. Ясно лишь, что она не могла превышать размеров огнища — 17×10,5 м. Расположение тела в ладье головой на север, очевидно, к корме, определяется тем, что части конского снаряжения и топор, обычно укладываемые в ногах или сбоку от покойника, здесь найдены у южного края огнища.

Судя по некоторым из сохранившихся вещей, найденным на огнище, — бусам, овальной фибуле, нагрудной цепи, различным подвескам, шиферным пряслицам и иглам, в ладью была положена женщина. Топор, ледоходные шипы и конская упряжь могли бы, в какой-то мере, свидетельствовать о том, что в ладье находился и мужчина, если бы была уверенность в том, что эти предметы никогда не обнаруживали при женских захоронениях. Однако уверенности в этом нет⁹. Показательно также отсутствие поясного набора — важного признака мужских погребений больших курганов Гнездова. Другие вещи с огнища — гребень (или гребни), оселки, гривна, весы, гирька и ларец (?) встречаются как в мужских, так и в женских захоронениях. Все это затрудняет окончательное определение количества погребенных в этом кургане, но не исключено, что захоронение было одиночным, и притом женским.

После того как потух погребальный костер, на месте сожжения был зарезан баран. Голову и конечности животного уложили в котел, который поместили затем на подстилке из шкуры барана на огнище. Рядом с котлом установили три урны с пережженными костями. В две из них положили (?) куски гребня. Между котлом и урнами в шерсть барана бросили разломанную железную гривну. Кроме барана, в жертву была принесена какая-то птица, возможно, курица¹⁰. Находка в траншее части конской упряжи, не порченной огнем, показывает, что вещь была положена в южной части погребальной площадки после сожжения. О погребении коня в этой части может свидетельствовать находка на огнище конского зуба. Однако серьезное повреждение насыпи делает подобное заключение существенно предположительным. На погребальной площадке были разбиты сосуды, куски которых обнаружены в разных частях огнища¹¹. После завершения всех этих церемоний над погребальной площадкой возвели метровую насыпь. Ее вершине придали форму большой горизонтальной площадки. Время сооружения кургана 7 можно предварительно определить,

⁹ М. Мюллер-Вилле. Bestattung im Boot. «Studien zu einer nordeuropäischen Grabsitte». Offa, B 25/26. Neumünster, 1968/69, стр. 75—80, 143.

¹⁰ А. А. Спицын отмечает, что кости животных были «пережженные и измельченные» (А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 45). В записях С. И. Сергеева таких сведений не содержится. По наблюдениям В. И. Сизова, кости животных в гнездовских курганах оказывались не сожженными, а лишь обугленными или закоптелыми, т. е. жертвы закалывали после сожжения трупа (В. Сизов. Указ. соч., стр. 13).

¹¹ Битые сосудов при погребении в гнездовских курганах впервые отмечено В. И. Сизовым (В. И. Сизов. Указ. соч., стр. 18, 19). По имеющимся данным трудно судить о том, когда оно происходило, — до или после сожжения.

⁷ А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 7.

⁸ Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках гнездовских курганов. «Материалы по изучению Смоленской области», вып. 2. Смоленск, 1957, стр. 173, 174.

опираясь на находки гончарной керамики и шиферных пряслиц, в рамках второй половины X—начала XI в.

Подобное устройство некоторых больших гнездовских курганов отнюдь не является для могильника чуждым, привнесенным со стороны. Предшествующие этапы этого явления, быть может, следует искать в курганах Гнездова конца IX—первой половины X в.¹²

Обращает на себя внимание сходство ряда признаков больших курганов Гнездова и Чернигова. Этот вопрос, мало затронутый в археологической литературе, по своему конкретно-историческому содержанию мог бы занять важное место в обширной теме формирования высшего социального слоя Древней Руси.

З. М. СЕРГЕЕВА

КУРГАНЫ У ДЕР. НОВИНКИ (ВИТЕБСКАЯ ОБЛАСТЬ)

При обследовании археологических объектов, расположенных на предполагаемых волоках между Днепровским и Двинским бассейнами, было обращено внимание на топонимы Латыголь, Латыговка, созвучные с древним названием прибалтийского племени латгалов. Последнее упоминание о нем в летописи под именем «лотыгола» относится к 1481 г.¹

В Витебской области имеется несколько подобных топонимов. Для выяснения вопроса, являются ли они домонгольскими или относятся к более поздним переселениям, летом 1972 г. Витебским отрядом Института археологии АН СССР совместно с Витебским областным краеведческим музеем обследована группа памятников, расположенных в окрестностях дер. Латыговка Толочинского района Витебской области.

В 300 м к юго-востоку от деревни обнаружено восемь небольших курганов с каменными венцами. Местное население называет их «копцами». В одном километре к югу от этого пункта у дер. Новинки обследовано курганное кладбище, насчитывающее свыше 50 насыпей, среди которых тоже имелись курганы с каменной обкладкой по основанию.

Упоминания о курганной группе у дер. Латыговка имеются в работах Л. В. Алексеева и Г. В. Штыхова², в которых отмечается наличие здесь двадцати небольших насыпей, расположенных по направлению к дер. Церковище. Идет ли речь здесь о Латыговских или Новинских курганах, сказать трудно. В 1972 г. в Новинском могильнике раскопано двенадцать курганов. Насыпи сильно оплыли и заросли деревьями, высота их не превышает 1 м. Около курганов хорошо заметны ровики.

Насыпи курганов состоят из песка, материк — чистый плотный песок. В основании по всей площади курганов прослежены зольные прослойки (вкрапления золы и мелких угольков), толщина их увеличивалась до 0,35—0,4 м к середине, где находились погребения. В кургане 2 зольных прослоек было две: одна на глубине 0,4 м от вершины, другая на горизонте. В каждом кургане зафиксировано по одному труположению. Они располагались на зольных прослойках, которые соответствовали древнему горизонту (курганы 4, 5, 6, 7, 10, 11), или находились в небольших углублениях в материке (курганы — 1, 2, 3, 8, 12), а в кургане 9 под зольной прослойкой в яме.

Сохранность костяков очень плохая, в большинстве случаев остались только фрагменты черепа.

Под некоторыми погребениями (курганы 1, 3, 4, 6, 12) прослежен уплотненный грунт (толщиной до 3 см), представляющий как бы чем-то пропитанное или промазанное глиной ложе покойника.

¹ ПСРЛ, т. V, 1851, стр. 41.

² Л. В. Алексеев. Отчет о полевых археологических исследованиях Полоцко-Прибалтийского отряда Прибалтийской комплексной экспедиции АН СССР в 1959 году. Архив ИА, р. 1, № 2187; Г. В. Штыхов. Археологическая карта Белоруссии, ч. II. Минск, 1971, стр. 81.

¹² Погребение в кургане 7 совершено, бесспорно, по скандинавским традициям.

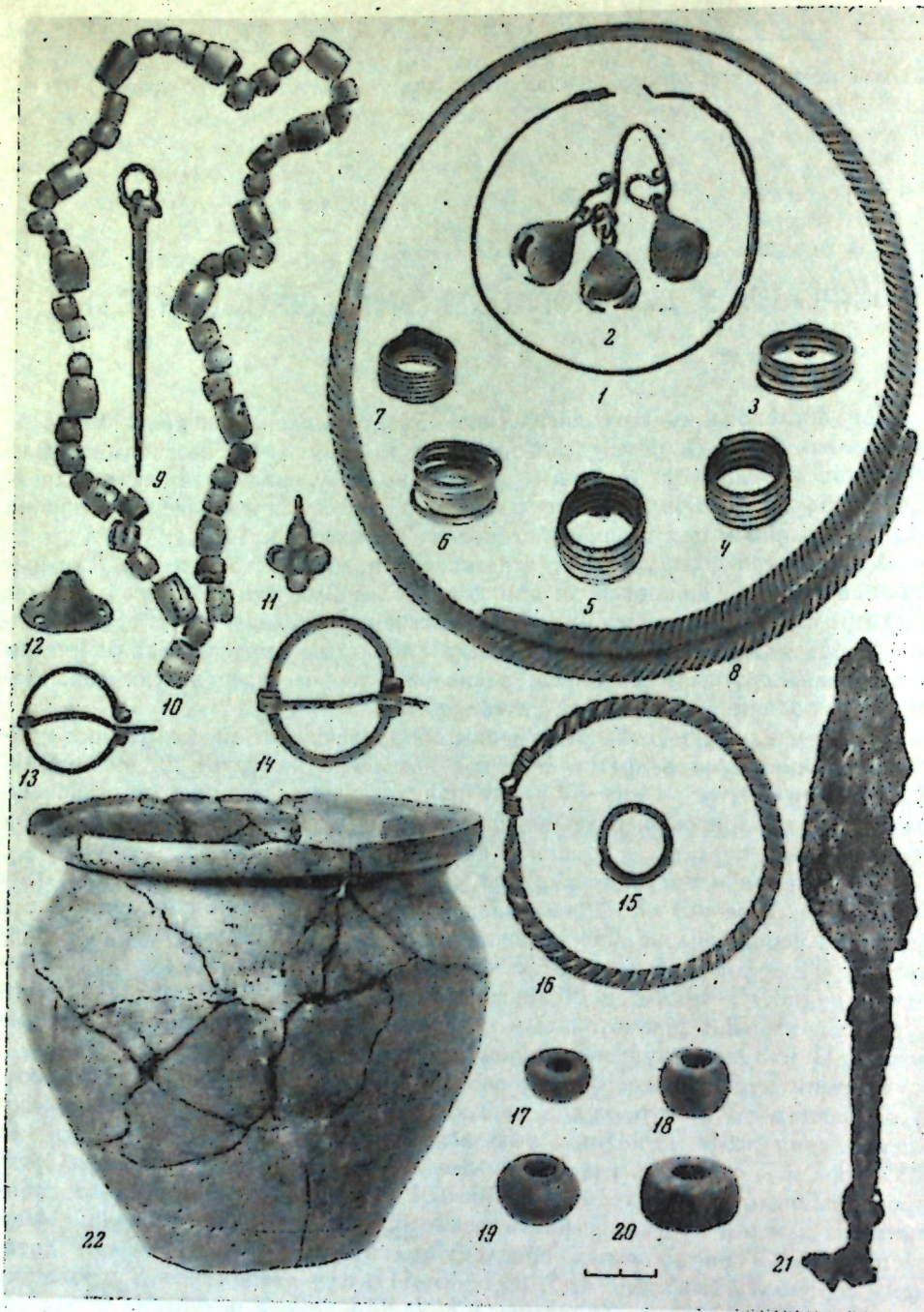

Рис. 1. Находки из курганов у дер. Новинки

1, 4, 15 — курган 1; 16, 21 — курган 2; 8, 5, 6, 14, 2, 7, 19, 18 — курган 3; 3, 13 — курган 4;
9, 11, 20 — курган 5; 12, 17, 22 — курган 11

Курган 1, диаметр 5 м, высота 1,1 м. На глубине 1 м обнаружены остатки женского труположения, ориентированного головой на юг, ноги вытянуты. Около черепа, по одному с обеих сторон, найдены браслетообразные височные кольца с завязанными концами (рис. 1, 1). На груди рассыпаны золото- и серебростеклянные бусы (рис. 1, 10). Два бронзовых перстня, круглых в сечении, найдены на груди, где, возможно, лежала

согнутая рука. Один перстень спиральный в пять оборотов (рис. 1, 4). Другой — проволочный с заходящими концами (рис. 1, 15).

Курган 2, диаметр 5,6 м, высота 1,6 м. На глубине 1,6 м вскрыто мужское захоронение на боку, головой на северо-восток. Руки сложены перед погребенного найден витой бронзовый браслет с завязанными концами (рис. 1, 16). Около тыльной стороны черепа обнаружен железный накол — сулицы, положенный острием вверх (рис. 1, 21). У пояса

Курган 3, диаметр 4 м, высота 0,6 м. На глубине 0,6 м обнаружено женское труположение, ориентированное на запад, ноги вытянуты. На черепе найдено 29 бронзовых спиралек от головного убора. Они лежали парами, как, очевидно, и были прикреплены. На шее находилась бронзовая тордированная гривна круглого сечения, заканчивающаяся четырехгранными рассеченными концами (рис. 1, 8). Здесь же встретились золото- и серебростеклянные бусы и раковинки каури. У локтя правой руки лежали два бронзовых с крестообразной прорезью бубенчика и розовое шиферное биконическое пряслище (рис. 1, 18). Рядом находились бронзовый перстень с пластинчатой серединой, украшенной насечкой (рис. 1, 6), и спиральный перстень, состоящий из проволочной основы, обмотанной тонкой проволокой (рис. 1, 5). На поясе найдена подковообразная бронзовая пряжка со спиральными концами (рис. 1, 14). С левой стороны пояса сохранились остатки кожаного мешочка, в котором находились три бронзовых крестопорезных бубенчика, соединенных бронзовой эсвидной подвеской (рис. 1, 2), шиферное биконическое пряслище (рис. 1, 19), бронзовый перстень спиральный (рис. 1, 7) и лесной орех.

Курган 4, диаметр 4,5 м, высота 0,8 м. На глубине 0,6 м обнаружено мужское труположение головой на восток, ноги вытянуты. На поясе найдены оселок, подковообразная бронзовая пряжка со спиральными концами (рис. 1, 13), нож, воткнутый в землю; у голени правой ноги — два спиральных бронзовых перстня (рис. 1, 3).

Курган 5, диаметр 4,6 м, высота 0,8 м. На глубине 0,5 м обнаружено нарушенное труположение (ориентировка его не установлена) с вещами: нож, крестовидная подвеска со следами желтой эмали в гнездах (рис. 1, 11), перстень круглопроволочный с заходящими концами.

Курган 6, диаметр 4 м, высота 0,6 м. На глубине 0,25 м встречено труположение, ориентированное на запад. У черепа найдена одна бронзовая спиралька, а вся его поверхность покрыта бронзовыми окислами. С левой стороны пояса погребенного удалось проследить остатки кожаного мешочка, в котором лежали следующие вещи: шиферное пряслище (рис. 1, 20), бубенчик бронзовый грушевидный крестопорезной, нож с остатками деревянной ручки, булава бронзовая с птичьей головкой и подвижным кольцом (рис. 1, 9), кусочки кремня.

Курган 7, диаметр 4,6 м, высота 0,5 м. На глубине 0,3 м вскрыто труположение без вещей, головой на восток.

Курган 8, диаметр 3,8, высота 0,6. На глубине 0,5 м встречено труположение с западной ориентировкой, череп перевернут. У правого плеча найдена бронзовая спиралька; две такие же спиральки у локтя левой руки.

Курган 9, диаметр 5,4 м, высота 1 м. На глубине 1 м обнаружено труположение, ориентированное на восток. Верхняя часть костяка нарушена, череп перевернут. Около черепа найдены три золотостеклянные цилиндрические бусины.

Курган 10, диаметр 3,3 м, высота 0,6 м. На глубине 0,55 м расчищено труположение с западной ориентировкой. Найден спиральный бронзовый перстень из узкопластинчатой проволоки.

Курган 11, диаметр 5,4 м, высота 0,6 м, насыпь нарушена ямой. На глубине 0,6 м обнаружено нарушенное труположение с вещами. Оче-

видно, в ногах стоял глиняный гончарный горшок (рис. 1, 22). Остатки черепа погребенного располагались на восток от горшка. В середине, между горшком и черепом, расчищены остатки кожи со следами прошивки, очевидно, от кожаного мешочка. Здесь же найдены бусина бипирамидальная сердоликовая, перстень круглопроволочный с заходящими концами, широкогогорая бронзовая лунница, пряслице шиферное (рис. 1, 17), бубенчик крестопорезной и оселок. Рядом лежали железный нож с рисунком из двух параллельных прямых линий и окружностей с точками в середине и бронзовая колпачкообразная привеска (рис. 1, 12). Ближе к черепу найден согнутый проволочный предмет.

Курган 12, диаметр 5,2, высота 1 м. По основанию насыпь обложена венцом из крупных камней. На глубине 1 м вскрыто безынвентарное трупоположение с западной ориентировкой.

Как видно из вышеописанного, вещевого инвентаря Новинского могильника весьма многообразен.

Обнаружено два ножа в мужских захоронениях, один — в женском, с короткими сильно сработанными лезвиями. Нож из детского погребения совершенно новый, с орнаментом. Близкий по характеру орнамент на ножах известен в прибалтийских древностях, относящихся к X—XI вв.³

Возможно, ножи в курганах 6 и 11 находились в мешочках, так как они лежали вместе с другими вещами. Все новинские ножи многослойные. Такие ножи в древнерусских курганах обычны для X—начала XII в.

Пряслица из розового шифера (4 экземпляра) найдены при двух женских захоронениях и одном детском; три из них имели биконическую форму, одно — зонную. Они обнаружены на поясе с правой и левой стороны и, вероятно, лежали в мешочках. О ношении пряслиц в мешочках писала и В. А. Мальм⁴.

Оселки из серого сланца, сильно сработанные, найдены на поясе при мужском и детском погребениях. Вероятно, они тоже хранились в мешочках. Здесь же встречены кусочки кремня для высекания огня.

Из оружия найден только наконечник копья-сулицы листовидной формы, черешковый, с загнутым стержнем для скрепления с древком. Подобные наконечники датируются временем с X по XIII в.

Основная масса находок представлена украшениями, как женскими, так и мужскими.

К украшениям женского головного убора относятся кривичские браслетообразные височные кольца XI—XII вв., бронзовые спиральки из пластинчатой проволоки, найденные в кургане 3 вокруг всего черепа (в три ряда спереди и сзади и в два ряда с боков). В кургане 6 обнаружена одна спиралька, вся поверхность черепа была покрыта бронзовыми окислами, вероятно, от разложившихся бронзовых украшений.

Головной убор из спиралек имеет прямые аналогии в прибалтийском материале⁵⁻⁶. Венки, украшенные спиральками, бытуют с V—VI вв. и до XII в.⁸ и характерны для земгалов, латгалов и литовцев. В Нукшинском могильнике имеются массовые аналогии новинским находкам⁹.

Шейные украшения представлены золочеными и серебряными стеклянными бусами, раковинами-каури и шейной гривной. Золоченные бусы крупные бочкообразной формы, меньшие по размеру золоченые и серебряные — цилиндрической формы. Время бытования их определяется концом X—

³ Э. Д. Шноре. Асотское городище. Рига, 1961, табл. XI, 11, 15.

⁴ В. А. Мальм. Шиферные пряслица и их использование. Сб. «История и культура Восточной Европы по археологическим данным». М., 1971, стр. 202.

⁵⁻⁶ А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие. САИ, Е1—36, вып. 2, 1966, стр. 23.

⁷ «Люцинский могильник». МАР, № 14, 1893, стр. 21.

⁸ А. Э. Зарина. Одежда латгалов по материалам археологических раскопок последних лет. Сб. «Вопросы этнической истории народов Прибалтики», т. 1. М., 1959, стр. 518.

⁹ Э. Д. Шноре. Нукшинский могильник. Рига, 1961, стр. 88, табл. XX, 4 (погр. 164).

началом XII в.¹⁰ Вместе с бусами обнаружено шесть раковин каури. В славянских погребениях раковины встречаются довольно редко. Они были излюбленным украшением латгалов¹¹. В кургане 3 найдена бронзовая тордированная шейная гривна с четырехгранными концами. Аналогичные гривны в Литве известны с IX—X вв.¹², а в латгальских древностях бытуют с X до XII в.¹³ Браслет встречен только в одном случае — в мужском погребении на правой руке. Он витой из двух проволок с завязанными концами. Аналогичный случай отмечает Е. А. Шмидт в Харлаповских курганах¹⁴. Такие браслеты бытуют в XI—начале XII в.

Бронзовые перстни в количестве 10 найдены в шести погребениях. Это круглопроволочные перстни с чуть заходящими концами; спиральные круглопроволочные — в три—семь оборотов. Один перстень с пластинчатой серединой, украшенной насечкой. Найдены они как в мужских, так и в женских погребениях, на правой и левой руках или в мешочках на поясе. Прямые аналоги спиральным перстням имеются в Прибалтике, где они датируются X—XII вв.¹⁵

Подковообразные пряжки найдены в женском и мужском погребениях на поясе. Концы их закручены в спирали, дуга в сечении круглая. Время распространения их в Новгороде X—XII вв.¹⁶

Интересной особенностью новинских курганов является наличие кожаных мешочков в двух женских и одном детском погребениях. Сохранившиеся кусочки кожи (один со следами от прошивки) располагались на правой и левой сторонах пояса.

Кроме перечисленных вещей (ножи, пряслица, оселки), в мешочках находились грушевидные крестопорезные бубенчики от одного до трех, подвешенные на эсвиднозакрученной подвеске. Этот тип бубенчиков встречается преимущественно в X—начале XII в.¹⁷

Проволочные эсвидные подвески являются частой находкой длинных и удлиненных курганов. Широко распространены они и у прибалтийских племен, особенно у латгалов, встречаются также и в курганах Восточной Литвы. Они служили для прикрепления разнообразных привесок, в частности трапециевидных, или же входили в состав женского головного убора¹⁸.

Прибалтийский характер носит и другая находка — колпачковидная подвеска, также выполняющая функцию соединительного звена в латгальском головном уборе. Подобные предметы тоже встречаются в длинных курганах, но основные находки их происходят из могильников латгалов¹⁹.

В мешочке из кургана 5 находились бронзовая булава со стилизованной петушиной головкой и подвижным кольцом и литая широкогогорая лунница, поле которой покрыто рельефными линиями. Аналогичные лун-

¹⁰ М. В. Фехнер. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. «Труды ГИМ», вып. 33, 1959, стр. 158.

¹¹ Э. Д. Шноре. Нукшинский могильник, стр. 36.

¹² «Литовское народное искусство. Украшения древних литовцев», кн. 1. Вильнюс, 1958, № 373.

¹³ Э. Д. Шноре. Нукшинский могильник, стр. 27, 35, табл. I, 3.

¹⁴ Е. А. Шмидт. Курганы XI—XIII вв. у д. Харлапова в Смоленском Поднепровье. «Материалы по изучению Смоленской области», вып. 2. Смоленск, 1957, стр. 212.

¹⁵ Э. Д. Шноре. Нукшинский могильник, стр. 39, табл. II, 18, 23; «Люцинский могильник», табл. X, 6, 10; XI, 5, 6.

¹⁶ Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей. СА, 1958, 2, рис. 11.

¹⁷ В. А. Мальм, М. В. Фехнер. Привески-бубенчики. «Труды ГИМ», вып. 43, 1967, стр. 136.

¹⁸ Е. А. Шмидт. К вопросу об этнической принадлежности женского инвентаря из смоленских длинных курганов. «Материалы по изучению Смоленской области», вып. 7. Смоленск, 1970, стр. 225.

¹⁹ Там же, стр. 225.

ницы известны в памятниках Смоленской земли, где они бытовали с начала XI в. и до второй половины XII в.²⁰

Захоронения в раскопанных курганах у д. Новинки на основе погребального инвентаря можно отнести к XI—началу XII в. Отмеченные находки вещей прибалтийского типа среди типично славянских позволяют говорить о смешанности населения, хоронившего в этом могильнике. Наличие балтских, в частности латгальских, элементов (головной убор типа вайнаги, некоторые привески, перстни, а также ориентировка умерших к востоку и западу), дает основание полагать, что топоним Латыговка восходит к древнерусскому времени. По-видимому, это был один из островков древнего балтского населения, славянизированного только в XI—XII вв.

К. И. КОМАРОВ

НОВЫЕ РАСКОПКИ КУПАНСКОГО МОГИЛЬНИКА

В 1971 г. Верхневолжская экспедиция возобновила раскопки могильника, находящегося на территории пос. Купанское Переславского р-на Ярославской области. В 1961 г. А. В. Куза и А. Л. Никитин исследовали свободную от построек и огородов часть могильника на правом берегу р. Козловка¹. Теперь изучался небольшой участок в районе погребения 1 на левом берегу р. Козловка (рис. 1).

Стратиграфия левобережной части могильника та же, что и на правом берегу: сверху темный гумированный песок (современная почва), а затем желтый дюнный песок, переходящий в более светлый озерный. Могильник сильно испорчен многочисленными поздними ямами, в верхнем горизонте встречается много строительного мусора.

Могильные ямы имеют форму расплывчатых овалов длиной до 3 и шириной до 2 м, что объясняется крайней сыпучестью песчаного грунта. Их глубина от современной поверхности редко превышает 0,6 м. Заполнение могильных ям составляет желто-серый песок пятнистого характера из-за многочисленных вкраплений угольков и золы.

Сохранность костей плохая, в некоторых погребениях (7) встречены лишь их фрагменты. Ориентировка погребений западная, с некоторыми отклонениями. Костяки лежали вытянуто на спине, одна из рук обычно вытянута вдоль тела, кисть другой положена на таз. В погребении 5 левая рука согнута в локте (кости правой руки не сохранились), лучевые кости лежали на плечевой кости кистью вверх.

Погребение 2, женское, находилось в яме размерами 3×1,4 м и глубиной 0,6 м. У висков черепа было по 2 височных кольца: два из серебряной проволоки с заходящими концами, их диаметры 4,5 и 4,7 см (рис. 2, 2, 3), два других — медные загнутоконечные малого диаметра. На одном из них надеты маленькое, из тонкой проволоки, колечко с заходящими концами и спираль в один оборот из расплюснутой медной проволоки (рис. 2, 5).

В области груди находились бусы: 6 золотостеклянных бочонковидных, 2 кольцевые из белого полупрозрачного стекла и 2 синестеклянные (одна битрапециодная с белоромбическими вставками, вторая с ребрами, продавленными пунктиром, поверхность ее покрыта белой пастой). Здесь же встречены обломки цилиндрических пронизок из полностью окисленного оловянистого сплава. В области пояса найден сильно коррозированный фрагмент железной прямоугольной пряжки.

Погребение 3, мужское, находилось в яме 3,05×1,95 м и глубиной 0,6 м. На глубине 0,3 м у ее юго-западного угла зачищено зольно-углистое пятно в виде овала размерами 0,6×0,5 м и мощностью 10 см. В заполнении ямы на глубине 0,4 м найдено витое из двух тонких проволок височное кольцо с завязанными концами типа браслетобразных (рис. 2, 4).

²⁰ А. В. Успенская. Нагрудные и поясные привески. «Труды ГИМ», вып. 43, 1967, стр. 103, рис. 16, 4; Е. А. Шмидт. Курганы XI—XIII вв. у д. Харлапова..., стр. 211, рис. 32, 20.

¹ А. В. Куза, А. Л. Никитин. Славянский могильник в пос. Купанское близ г. Переславля-Залесского. КСИА, вып. 104, 1965, стр. 117—120, рис. 43 (6).

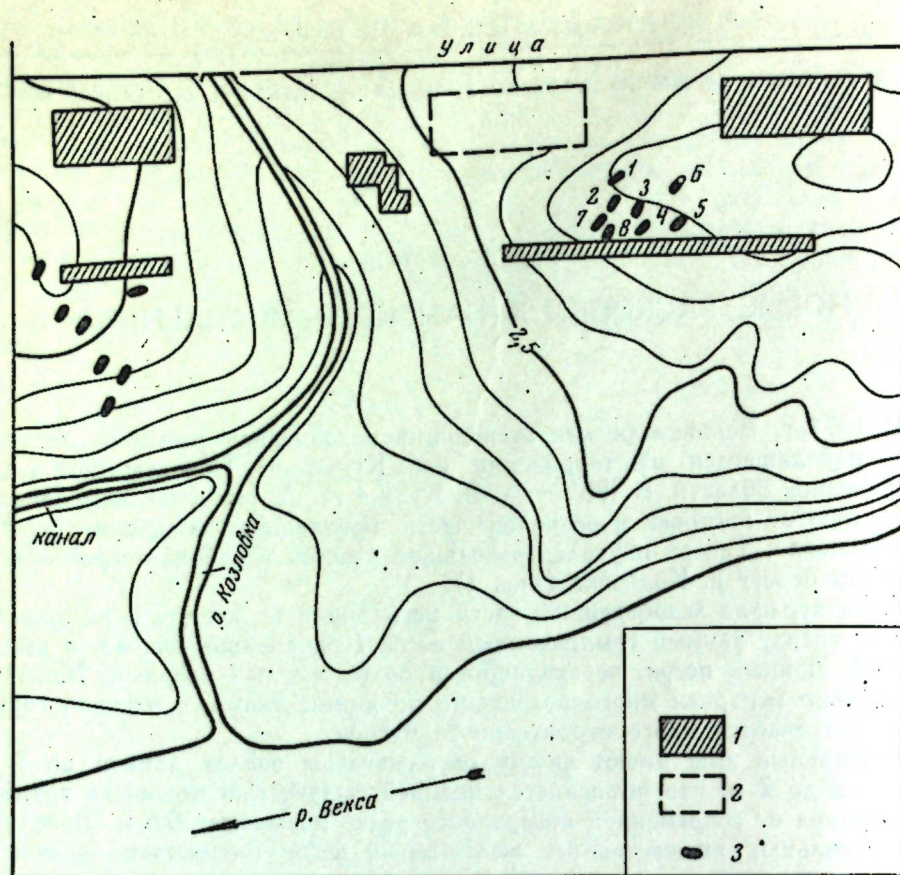

Рис. 1. Ситуационный план Купанского могильника
1 — строения; 2 — снесенный барак; 3 — погребения

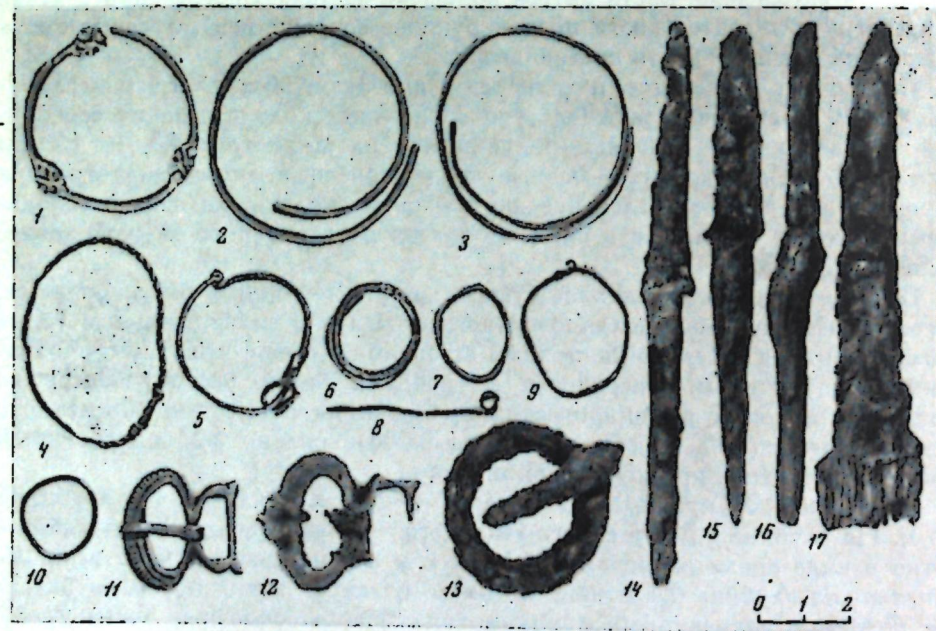

Рис. 2. Вещи из погребений Купанского могильника

1, 9 — погребение 6; 2, 3, 5 — погребение 2; 4, 11, 14 — погребение 3; 6—8, 10 — погребение 4;
12, 17 — погребение 5; 13, 15 — погребение 8; 16 — погребение 7

В области пояса лежала бронзовая литая лирообразная пряжка (рис. 2, 11), у левого бедра толстообушковый нож с длинным черенком (рис. 2, 14).

Погребение 4, женское, находилось в яме размерами $3 \times 1,35$ м и глубиной 0,6 м. У правого виска найдено перстнеобразное двухоборотное медное височное кольцо (рис. 2, 6) и остатки одного или двух височных колец из серого рассыпающегося окисла металла, вероятно, олова. У левого виска лежали 2 серебряных перстнеобразных височных кольца с чуть заходящими концами и одно маленькое эсоконечное (рис. 2, 7).

В области груди находилось 9 бусин: синяя битрапецидная, серая пастовая призматическая и желтые бочонковидные из очень хрупкого стекла. На поясе, в центре, расчищена округлая, до 4 см диаметром, масса из серого рассыпающегося окисла металла (олова?). На ней лежала медная игла от фибулы (рис. 2, 8). Скорей всего, это — остатки какой-то кольцевидной фибулы, возможно, фигурной. Возле нее, справа, находился кусок песчаника, пропитанный железным окислом, с отпечатками ткани полотняного переплетения. Здесь же обнаружена цепочка из меднопроволочных звеньев с несомкнутыми концами. Наружный конец ее оканчивался звеном из свернутой в три оборота тонкой серебряной проволоки с небрежно завязанными концами. Рядом лежала янтарная подвеска в виде трапецидной удлиненной тумбы с поломанным отверстием.

Погребение 5, мужское, находилось в могильной яме размерами $3 \times 1,9$ м и глубиной 0,4 м. На поясе погребенного, чуть слева, находилась бронзовая литая лировидная пряжка со следами железного язычка. У левого бедра найден нож со сравнительно широким лезвием, с коротким черешком и остатками деревянной рукояти (рис. 2, 12, 17).

Погребение 6, женское, потревоженное в позднее время ямой. Ненарушенной оказалась западная часть могильной ямы шириной 1,05 м и глубиной 0,6 м. Здесь расчищены череп и часть грудной области. У правого виска находилось 3 височных кольца. Одно из них, щитковоконечное, серебряное, диаметром около 4 см. Его два овальных щитка украшены косым крестом с четырьмя кружочками (рис. 2, 1). Аналогичная находка известна из владимирских курганов². Два других кольца были медными, загнутоконечными, их диаметры 2 и 2,5 см. На одном из них сохранился кусочек расплюснутая медной проволоки (рис. 2, 9). Кольца были надеты на сохранившуюся часть кожного венчика.

Под левым виском обнаружено загнутоконечное височное кольцо со следами трех металлических полых бусин. Здесь же находились кусочки серого рассыпающегося окисла металла (олова?), которые были, очевидно, остатками височных колец.

В области груди и шеи и вокруг черепа найдены 72 бисерные бусины из синего и серого пастового стекла и 19 более крупных бусин. Среди последних — 7 синестеклянных бусин (2 призматические с беломрамбическими вставками, 1 битрапецидная, 1 чичевицеобразная, 2 трапецидные, ребристые и одна овально-цилиндрическая ребристая), призматические из красно-печеночного стекла, кольцевые светло-зеленая и фиолетовая, зонная пастовая мозаичная и пронизка из бесформенного кусочка янтаря. Среди бус находились янтарная подвеска в виде ромба с удлиненным верхним концом с отверстием, а также более или менее массивные кусочки из серого рассыпающегося окисла какого-то металла.

Погребение 7, мужское, находилось в яме размерами $2,2 \times 0,75$ м и глубиной 0,5 м. Яма оказалась испорченной. В 0,5 м к востоку от обломков черепа лежал нож (рис. 2, 16). Видимо, погребение принадлежало подростку.

Погребение 8, мужское, открыто в могильной яме размерами $2,6 \times 1,5$ м и глубиной 0,7 м, сильно попорченной поздними перекопами.

² А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, 1905, стр. 139, рис. 129.

В области пояса найдена круглая пряжка из железа, с широким сплюснутым язычком. Слева от нее лежал нож с толстым обушком и узким лезвием (рис. 2, 13, 15).

Погребения на левом берегу р. Козловки находятся от правобережных почти в 200 м. Наиболее густо погребения расположены на склонах, обращенных к рекам Вексе и Козловке. Очевидно, они являются остатками крупного могильника. Авторы прежних раскопок отнесли его к грунтовым, с чем согласиться нельзя.

Судя по рассказам старожилов, при строительстве поселка торфопредприятия в 30-х годах территория могильника подверглась раскорчевке от векового леса и нивелировке. Невысокие, сложенные из сыпучего дюнного песка насыпи курганов быстро утратили свои очертания. Могильник принял вид бескурганного кладбища. Все погребения расположены не тесно, а на некотором расстоянии друг от друга, что позволяет реконструировать над ними насыпи диаметром 4—5 м. Глубина могильных ям соответствует глубине подкурганых ям владимирских курганов.

Инвентарь погребений Купанского могильника аналогичен инвентарю владимирских курганов. По размерам он, видимо, не уступал многочисленным курганным могильникам окрестностей Плещеева озера (Веськово, Весь, Городище, Криушино и др.). Очевидно, он принадлежал славянскому поселению, которое контролировало вход в Плещеево озеро со стороны Нерли Волжской.

Авторы первых раскопок датировали могильник концом XI—началом XII в.³ Мы считаем необходимым расширить эту датировку на весь период XI—XII вв.; так, погребение 2 датируется битрапецидной синей бусиной с белоромбическими вставками XI в. М. В. Фехнер определяет время бытования таких бус X—XI вв.⁴ Этим же временем следует датировать погребение 6, в инвентаре которого имеется призматическая белоромбическая бусина⁵.

В то же время погребение 5 можно датировать XII в. Пряжка из этого погребения более характерна для XI в.⁶ Однако наличие широколезвийного ножа в нем заставляет датировать его XII в.⁷ Круглая железная пряжка из погребения 8 также, по-видимому, относится к XII в. В Новгороде такие пряжки встречаются в слоях XII—XIV вв.⁸

Отличия имеются и в женских украшениях. Височные кольца из погребения 2, 3 и 6 говорят о словено-кривичской принадлежности их носителей. Вероятно, в этом нашел отражение процесс заселения Владимиро-Суздальской земли разноплеменным славянским населением, — процесс, отмеченный и археологически⁹ и в летописях¹⁰. Вполне возможно, что р. Козловка делила могильник на два разноэтнических массива.

³ А. В. Куза, А. Л. Никитин. Указ. соч., стр. 120.

⁴ М. В. Фехнер. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. «Труды ГИМ», вып. 33, М., 1959, рис. 5, 8.

⁵ Там же, рис. 5, 9.

⁶ А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 353.

⁷ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 48, рис. 34, Б.

⁸ Там же, стр. 108.

⁹ А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 167, 168.

¹⁰ В. Н. Татищев. История Российской, т. III. М.—Л., 1963, стр. 44 (о строительной деятельности Юрия Долгорукого).

М. Е. ВАСИЛЬЕВ

ГОРОДИЩЕ ЗАВОЛОЧЬЕ¹

«В лето 7044 ... повелением государя великого князя Ивана Васильевича всея Руси поставили два града новые — город во Ржеве в Пустой Заволочье, да город Велиж»². Так отмечено в летописи основание в 1536 г. города Заволочья. В других списках летописи это событие изложено в различных вариантах: «... велел князь великий поставить во Ржевском на Литовском рубежи град землян, а нарек его Заволочье»³. Почти во всех письменных источниках, на протяжении всей своей истории город этот обычно упоминается под двумя названиями: Заволочье и Ржева Пустая.

Очевидно, это связано с тем, что название Ржева Пустая закрепилось за уездом, центром которого ранее был город Ржева, позднее заброшенный. Название это продолжало существовать даже тогда, когда в уезде был построен новый административный центр — город Заволочье. Таким образом, под Ржевой Пустой подразумевался уезд, а под Заволочьем город — административный центр этого уезда. Город Заволочье был расположен ближе, чем древняя Ржева, к литовской границе и находился в значительно более благоприятных условиях для организации обороны на оз. Подцо.

Первым боевым испытанием для нового города были события 1580 г. — время второго похода на Русь войска Стефана Батория. Город был осажден отрядом Замоиского, однако первый приступ оказался безрезультатным. Узнав о неудаче штурма, Баторий прислал Замоискому подкрепление в количестве около 2000 воннов. Проведя тщательную подготовку, дав войску отдохнуть и бросив свежие силы, Замоискому удалось овладеть крепостью. Занятием Заволочья закончился второй поход Батория⁴.

Большая стратегическая роль Заволочья неоднократно отмечалась современниками. Так, Гейденштейн писал, что «Заволочье расположено на таком месте, от которого идет главная дорога к Пскову и, очевидно, может послужить немаловажным препятствием при походе на Псков»⁵.

Секретарь Батория ксендз Пиотровский в своем «Дневнике» от 26 июля 1581 г. так описывал эту крепость: «Как утка на озере стоит замок — предмет прошлых годов подвигов пана Канцлера. Король осматривал крепость со всех сторон с большим вниманием, и так как это место укреплено самой природой, то он хвалил доблесть канцлера, который взял его в такую непогоду»⁶.

¹ Доклад на группе славяно-русской археологии ЛОИА, 23.X 72.

² Софийская летопись. ПСРЛ, т. 6, стр. 300.

³ Воскресенская летопись. ПСРЛ, т. VIII, стр. 291. Есть и другие варианты этого известия. См., например, Псковские летописи, вып. 2 (М., 1955, стр. 228).

⁴ Е. Болховитинов. История княжества Псковского. Киев, 1831, ч. 1, стр. 197.

⁵ Р. Гейденштейн. Записки о Московской войне. СПб., 1889, стр. 157.

⁶ Ст. Пиотровский. Дневник последнего похода С. Батория на Россию... СПб., 1867, стр. 57.

О крупных потерях польской армии при взятии Заволочья известно из дипломатической переписки Ивана Грозного с Баторием перед заключением мира. Король обосновывал свои требования высокой контрибуцией миром. Король обосновывал свои требования высокой контрибуцией миром. Король обосновывал свои требования высокой контрибуцией миром. На что Грозный отвечал: «христианское ли то дело, что твои паны крови христианской не жалеют, а издержек жалеют; если тебе убыток, так ты бы Заволочья не брал, кто тебе об этом челом бил»⁷.

Новые испытания выпали на долю крепости в начале XVII в. В 1612 г. Заволочье захватил Лисовский: «в то же время Олисовский Заволочье взял...»⁸ Вскоре город был освобожден, «в то же время казаки себежские и опоченские всякие люди взяша заволочье у Олисовского...» и «город сожгли»⁹.

О состоянии крепости в 1660 г. можно судить по челобитной воеводы Арбузова: «Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Великия и Малыя и Белья России самодержцу холоп твой Ивашко Арбузов челом бьет. В прошлом, государь, во 162-е году прислана, государь на Луки Великие твоя великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца грамота к твоему государеву боярину и воеводам к Василию Шереметьеву с товарищи, а в твоей великого государя грамоте написано, велено, государь, в Заволочье на острову на старом городище зделать город стоячей острог по старой осыпи и через Великую реку мост. И по твоему великого государя указу в Заволочье на старом городище по старой осыпи города зделано стоячего острогу две доле больших и через Великую реку зделан мост на рубляных городнях. А делали, государь, тот город Заволочье завоцкие стрельцы да вязовские волости крестьяне, да Пусторжевского уезду монастырских вотчин крестьяне и бобыли и с погостив попы и церковные причетники и бобыли. И по твоему великого государя указу прислано было в Заволочье твоей государев наряд — пушки и ядра, свинец и порох с Опочке и ныне, государь, тот наряд-пушки, ядра, свинец и порох на Луках Великих, а взял из Заволочья твой государев боярин и воевода Василий Петрович Шереметьев с товарищами. А от Заволочья, государь, Полоцкой и Невельской уезд близко у верстах у двух и у трех и у пяти, и тот город Заволочье был бы заступа от литовских и от воровских людей и всему Пусторжевскому уезду и Опочке и Лукам Великим и Великому Новгороду и Старой Русы. И ты великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя и Белья России самодержец мне, холопу своему, о том городе Заволочье обо всем как указеши»¹⁰.

В 1661 г. сто стрельцов с женами и детьми были переведены из Заволочья в Невель и на запрос о состоянии крепости воевода отвечал: «Остался я холоп твой один в Заволочье»¹¹. Далее воевода сообщал, что все вооружение из города увез Шереметев в Луки Великие и что с переводом ста стрельцов в Невель и остальные на смотр не явились и ушли добровольно в Невель. О состоянии крепости воевода доносил: «В заволочье зделано города: по старой осыпи поставлена башня о четырех углах и в ней учинены проезжие ворота, и та не доделана. Да вместо башен поставлены 2 анбара больших. Да по осыпи на острову зделано острогу 180 сажен да 5 башен. А в городе внутри озерко в длину 50 сажен, поперек 12 сажен, глубиною 5 сажен...»

Была бы полностью восстановлена крепость в ходе третьей войны с Польшей, неизвестно. Но к концу XVII в. крепость была почти цели-

ком восстановлена, о чем свидетельствует «Роспись сметная городская города Заволочья», составленная в 1692 году. «Во Ржеве Пустой город Заволочье мерою с лица стена городская без башен триста пятьдесят сажен два аршина, трехаршинною мерою. Девять башен больших и малых с лица мерою восемьдесят четыре сажени с полуаршином, трехаршинною мерою. И обоего городская стена и з башнями по лицу чотыреста тритцать чотыре сажени полтретья аршина. Да по городу двои ворота проезжие, да третьи глухие, на одних воротах раскатец малой. Да в тех же девяти башнях пять башен больших, мерою башня в середине по полшесты сажени, трехаршинною мерою, круглые. Да чотыре башни малых, мерою башня в середине по три сажени в аршином, трехаршинною мерою, круглые ж. Да в тех девяти башнях недоделано три башни и стена городская не вся покрыта.

В городе колодезь мерою пять сажен, трехаршинною мерою. Да в городе озерко в длину тритцать шесть сажен, трехаршинною мерою. А в озерке и в колодезе вода свежа и в осадное время осадным людям скудно в городе водою не будет. Да около города во Ржеве Пустой Заволочье с трех сторон озеро Потцо, а по четвертую сторону идет Великая река сквозь озеро Потцо и через тое Великую реку мост от посаду в город мерою в длину шестьдесят сажен, поперек чотыре сажени, трехаршинною мерою, да в городе Заволочье церковь Покрова пресвятыя богородицы недостроена, деревянная. Да в городе ж погреб казенной зделан в земли деревянной, мерою в середине в длину чотыре сажени трехаршинною мерою. Да в городе ж приказная изба. Да во Ржеве ж Пустой в Заволочье служилых и не служилых людей и всяких чинов люди живут на посаде за Великой Рекою, а не в городе»¹².

Видимо, еще в начале XVIII в. в Заволочье содержался небольшой гарнизон с нарядом, но после Северной войны крепость потеряла военное значение. Интересные данные о Заволочье в 60-х годах XVIII в. имеются в «Топографических известиях»: «Город Пустая Ржева и Заволочье построен на острову в полуденной стороне озера Подца, сквозь которое протекает из Великолуцкого уезда ко Пскову река Великая. На другой стороне того же озера и той реки к востоку находится предместье, в котором церковь, по запросным известиям Пустой Ржевы и Воеводской канцелярии присланным в Академию октября от 9 дни 1760 году за подписанием коллежского ассессора Акима Малашихина. Город Пустая Ржева и Заволочье огражден земляным валом окружностью в 400 сажен. Была на нем деревянная стена с башнями, но сгнила»¹³.

В 1777 г. уездный центр был перенесен из Заволочья во вновь построенный город Новоржев. Заволочье окончательно теряет уже не только военное, но и административное значение и превращается в деревню, расположенную на месте бывшего городского предместья.

Городище Заволочье находится на острове озера Подца 75 км от г. Опочки. На восточном берегу озера расположена небольшая деревня Заволочье, соединенная теперь с поселком Копылок. Через озеро Подцо с юга на север протекает река Великая. На озере три острова. Тот остров, на котором находится городище, называется «Верхним городом» или Большим островом, его площадь около 7 га. Второй остров — Бобыльский. Именно на этом острове, судя по описанию Гейденштейна, размещался лагерь Замойского при осаде крепости в 1580 г.¹⁴

Склоны острова-городища довольно крутые. Они густо поросли кустарником. Значительная часть территории площадки свободна от кустов; здесь в XIX в. была пашня. В юго-западной части площадки было рас-

⁷ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 3. М., 1961, стр. 662.

⁸ «Псковская третья летопись», 1848 (ПСРЛ), стр. 330.

⁹ Там же; Е. Сташевский. Смоленская война 1632—1634 гг. Киев, 1919, стр. 245.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 210. Разрядный приказ, Новгородский стол, стб. 169, лл. 2—3.

¹¹ Там же, стб. 159, лл. 16—24.

¹² ЦГАДА, ф. 210. Разрядный приказ, Дела разных городов, кн. 62, лл. 622—626.

¹³ «Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи», т. I, ч. IV. СПб., 1774, стр. 358—364.

¹⁴ Р. Гейденштейн. Записки о Московской войне, стр. 151.

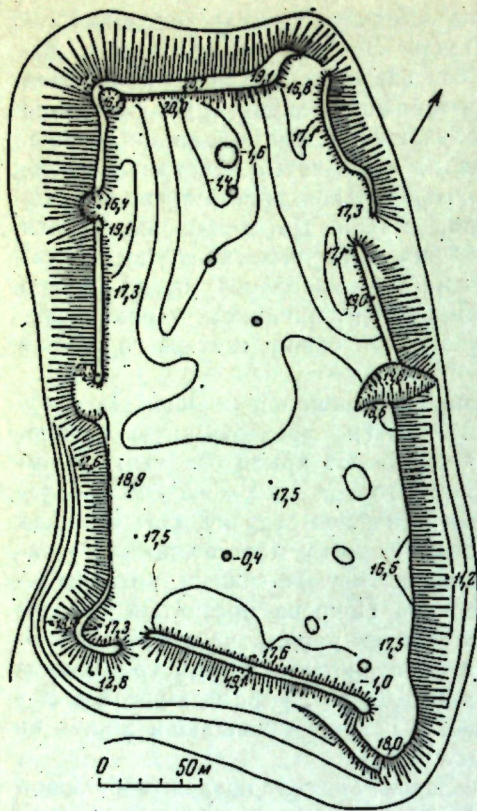

Рис. 1. Городище Заволочье

Башни, за исключением воротных, были, видимо, круглыми (т. е. многогранными) и на половину своего диаметра выступали за линию крепостной стены. Башни расположены более или менее равномерно вдоль стен крепости, что обеспечивало приблизительно одинаковую огневую мощь по всему периметру¹⁵.

Глубина угловых ям, где стояли башни, от 1 до 2 м. Диаметр западной угловой башни 10 м, южной — 15 м. Все стены и башни, также как и вся застройка внутри крепости, были деревянными. В башне на восточной стороне крепости, судя по форме ямы, вероятно, был тайник для водоснабжения.

На площадке городища имеются 4 ямы, почти круглые в плане. Одна из них, находящаяся ближе к северо-западной стороне городища, имеет диаметр около 10 м и, по преданию, представляет собой остатки порохового погреба. Три другие ямы значительно меньше и, вероятно, позднего происхождения, возможно, следы авиабомб. Хорошо видны следы двух дорог — с восточной стороны (напротив остатков деревянного моста) и с западной. В источниках упоминается только один мост — с востока; очевидно, с запада моста не было и, значит, западные ворота играли роль запасного въезда и служили для вылазок из крепости на случай осады. Остатки моста в виде деревянных свай видны в летнее время, когда уро-

положено небольшое озеро, почти полностью пересохшее и поросшее кустарником. И. Годовиков отметил, что в его время было озеро, кладбище, место уничтоженной церкви, на острове следы двух въездов и свай на месте бывшего моста¹⁵.

Валы городища относительно хорошо сохранились (рис. 1). Ширина вала по вершине от 2 до 6 м, а у основания — от 6 до 9 м. Высота валов от 1 до 3 м. Длина периметра городища по валу — около 980 м. Общая высота городища над уровнем озера — 8—12 м.

Судя по сохранившимся следам, крепость имела 4 угловые башни, 2 воротные и 2 дополнительные башни на восточной и западной сторонах. Еще одна, девятая, башня, видимо, находилась на южном прясле. Место этой девятой башни видно не отчетливо, но ее положение здесь подтверждается описанием Гейденштейна: «... прямо против нашего лагеря находились огромной величины три башни; два самые крайние были из огромных бревен, средний, несколько меньший, все они равно как башни и других сторон, были снабжены окнами и были удобны для стрельбы из пушек»¹⁶.

вень воды в озере понижается. Известно, что этого моста уже не существовало в 80-х годах XIX в.

У южного угла городища, напротив угловой башни имеется так называемая Литовка — насыпь, по которой в летнее время можно перейти на остров. Ширина насыпи 20—30 м, длина 70 м. Весной и осенью «Литовка» заливается водой. Когда сооружена «Литовка» (а ее искусственное происхождение не вызывает сомнений), неизвестно, но во время осады 1580 г. ее еще не было, поскольку и Гейденштейн и Пиотровский отмечали, что крепость окружена водой со всех сторон и не имеет подхода по суше.

За «Литовкой», на материке заметны небольшие насыпи, по преданию — это укрепление петровского времени.

На восточной стороне склона, у самой подошвы, из земли торчат две деревянные трубы диаметром 10—12 см. Трубы осиновые, состоят из двух сложенных вместе желобов. Концы труб хорошо сохранились благодаря тому, что большую часть года они находятся в воде. Вероятно, это остатки древнего водостока.

На поверхности городища, особенно ближе к центру, встречается подъемный материал: фрагменты керамики, обломки кирпичей, куски зеленого поливного изразца, глиняные рыболовные грузила и пр. В основном эти предметы относятся к XVI в.¹⁸ По остаткам построек (разбросанные камни) как будто просматривается линия улицы, проходившей параллельно линии западного вала.

Городище Заволочье представляет собой хорошо сохранившийся памятник русского военного зодчества XVI в. И, к сожалению, до сих пор этот памятник не подвергался систематическому археологическому изучению.

¹⁵ Н. Д. Годовиков. Описание и изображение древностей Псковской губернии. Псков, 1880, стр. 23.

¹⁶ Р. Гейденштейн. Записки о Московской войне, стр. 151.

¹⁷ П. А. Раппопорт. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. М.—Л., 1961, стр. 241.

¹⁸ Благодарю В. И. Кильдюшевского (ЛОИА) за помощь в определении этого материала.

Н. Б. ЧЕРНЫХ

ДЕНДРОХРОНОЛОГИЯ ДРЕВНЕГО ОРЕШКА

В 1968—1972 гг. отрядом Ленинградской археологической экспедиции ЛОИА и Государственного музея истории Ленинграда под руководством А. Н. Кирпичникова¹ впервые произведено археологическое изучение древнего Орешка — одной из интереснейших русских крепостей, стоящей на острове в истоке Невы.

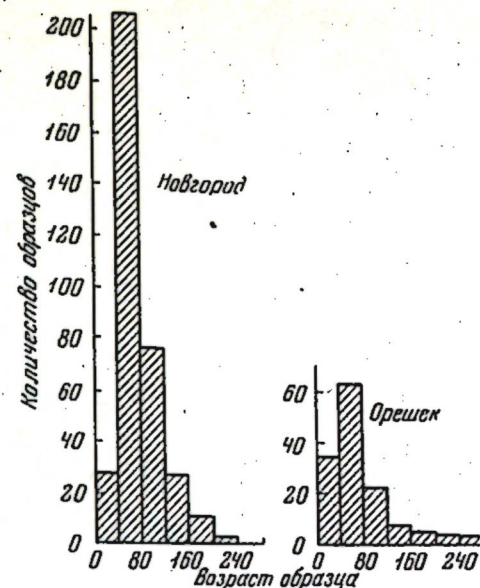
Хорошая сохранность органики в культурном слое позволила собрать здесь довольно значительную коллекцию спилов (138 штук) древних построек.

Почти все изученные бревна принадлежат хвойным деревьям (57 образцов — сосна и 77 — ель), и лишь четыре спила — лиственным породам (дубу и березе). Основная масса спилов связывается с конкретными постройками: 99 образцов получены с бревен одиннадцати сооружений, 39 — происходят из разведочных раскопов и шурфов. Стратиграфически изученные сооружения Орешка относятся к слоям московского (1480—1570 гг.) и новгородского (XIV—XV вв.) времени², исключение составляют лишь два образца, взятые с деревянных балок двух построек XVIII и XIX вв.

Возрастное распределение древесины орешкских построек приближается к новгородскому (рис. 1), а наличие многолетних стволов с возрастом 160—270 лет делает возможным составление дендрошкалы для данного района. Относительная дендрохронологическая шкала Орешка имеет в настоящее время протяженность в 429 лет. Абсолютная датировка выполнена путем перекрестного сопоставления кривых роста годовичных колец дерева из Орешка и абсолютно датированных новгородских кривых. Эта часть работы в известной мере облегчалась двумя обстоятельствами: во-первых, четкими стратиграфическими привязками изучаемых построек, и, во-вторых, известной общностью закономерности роста годовичных колец у деревьев сравниваемых районов. Так, процент сходства изменчивости (C_x)³, рассчитанный для тридцати восьми комбинаций кривых новгородского и орешкского дерева, колеблется в границах от 41 до 69%, в среднем приближаясь к 58% и являясь самым высоким показателем из всех известных до сих пор по районам Запада и Северо-Запада Европейской части СССР⁴. Таблица сопряженных кривых роста годовичных колец дерева из Новгорода и Орешка приводится на рис. 2.

Крайними точками абсолютной дендрохронологической шкалы древнего Орешка являются 1096 и 1525 гг. Рабочая же ее часть охватывает отрезок приблизительно в 300 лет и приходится на XIII—XV вв.

Рис. 1. Возрастной состав дерева древних построек Орешка и Новгорода. По осям ординат отложено количество образцов, по осям абсцисс — их возраст

Результаты, полученные при изучении древесины орешкских построек, сведены в графическую схему (рис. 3). На ней горизонтальной линией обозначается диапазон жизни дерева каждого изученного образца. Всего таких образцов оказалось 91. Крайняя правая точка горизонтальной линии отмечает начало роста дерева, использованного в постройке, крайняя левая точка — время его рубки. Таким образом, схема демонстрирует, во-первых, насыщенность орешкской дендрошкалы материалом и соответственно надежность взаимного сопряжения кривых, во-вторых, последовательность размещения на хронологической шкале порубочных дат строительного леса.

При рассмотрении хронологического расположения порубочных дат изученных бревен обнаруживается, что последние образуют несколько групп, которые легко различаются благодаря ступенчатому контуру левой части графика. Таких групп чисто визуально можно выделить шесть. Количество образцов в каждой из них неодинаково.

Первая (древнейшая) группа объединяет бревна, срубленные в 1313—1336 гг. (из-за отсутствия внешних колец у образца с самой ранней датой, последняя условна). Группа состоит из семи бревен, обнаруженных в раскопах и шурфах на территории крепости XIV в. Три бревна принадлежат двум сооружениям — клети крепостной стены (дата рубки единственного образца — 1336 г.) и настилу (условно датирован 1332 г.), остальные не связываются с определенными постройками.

Вторая группа включает шесть бревен с датами рубки в 1348—1375 гг. Четыре образца связаны с крепостной клетью, два относятся к более поздней постройке с территории посада.

Третья группа состоит из 56 бревен, срубленных в 1410—1438 гг. 47 образцов взяты с построек и развалов нижнего горизонта орешкского посада: баня — 1433 г., сруб в квадрате М-13 — 1435 г.; сруб на участке 2 раскопа I — 1435 г., «дом и хлев» — 1421 г., «дом и пристройка» — 1426 г., «дом с пристройкой» — 1438 г. Девять спилов принадлежат деревянной облицовке внутреннего канала, все они срублены в один год — 1435.

Четвертая группа охватывает 10 бревен с датами рубки 1449—1460 гг. Семь образцов происходят с территории посада и представлены как отдельные бревнами, так и бревнами сруба верхнего горизонта, сооруженного в 1454 г. Три образца взяты с бревен в раскопе у цитадели.

¹ Раскопками 1971—1972 гг. руководил В. И. Кильдюшевский.

² А. Н. Кирпичников. Раскопки древнего Орешка. «АО 1968 г.», М., 1969, стр. 24.

³ Т. Т. Битвинская. Итоги дендроклиматологических исследований в Литовской ССР. «Материалы Всесоюзного совещания — научной конференции по вопросам дендрохронологии и дендроклиматологии». Вильнюс, 1968, стр. 8.

⁴ Н. Б. Черных. Дендрохронология средневековых памятников Восточной Европы. Сб. «Проблемы абсолютного датирования в археологии». М., 1973, стр. 97—111.

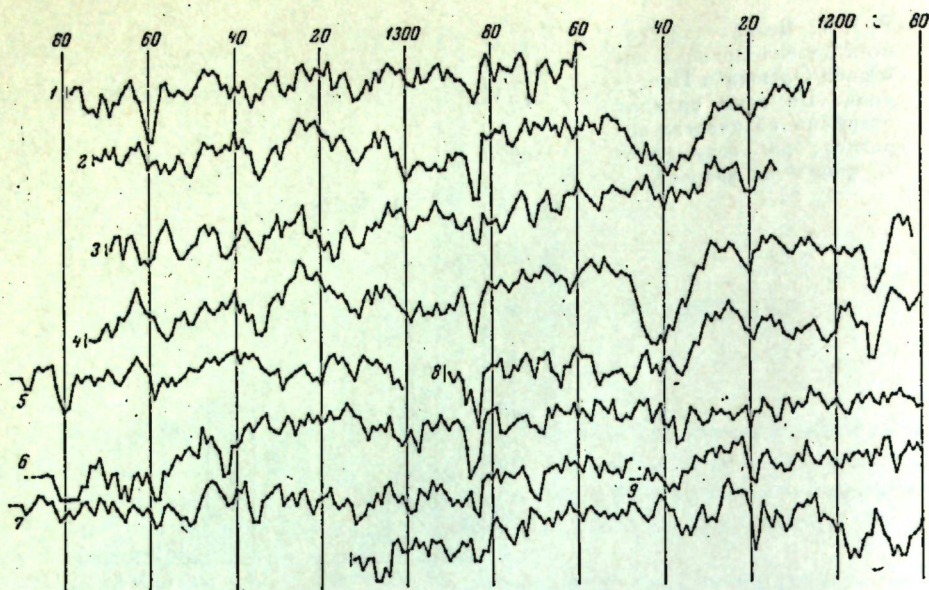

Рис. 2. Сопряженные кривые роста годовичных колец дерева из Новгорода и Орешка

1. Н59—К174; 2. Ор.70—36; 3. Н60—К211; 4. Ор.70—35; 5. Н60—С616; 6. Ор.68—11; 7. Н59—В1; 8. Н60—К281; 9. Н59—К244 (Н — Новгород; Ор — Орешек). Первые цифры — годы раскопок, черта — номер образца по паспорту

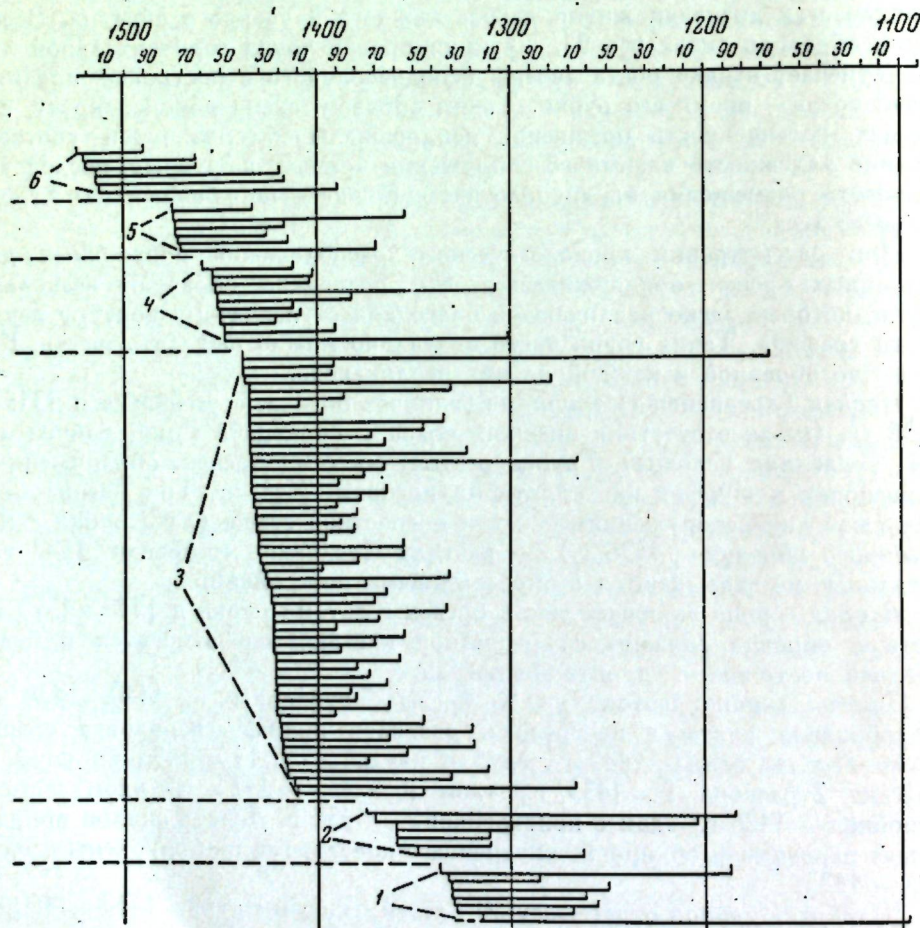

Рис. 3. Схема хронологического размещения датированных кривых роста орешковского дерева

Пятая группа из шести бревен датируется 1471—1476 гг. Три образца взяты из постройки верхнего горизонта, вскрытой на посаде (дата строительства 1476 г.). Три других относятся к отдельным бревнам, обнаруженным также на посаде.

Шестая группа включает шесть бревен с датами рубки 1514—1525 гг. Они обнаружены в шурфах и раскопах, заложенных у цитадели.

Эти группы хорошо согласуются с основными вехами строительной деятельности на острове Ореховом в XIV—XVI вв.⁵

Так, самая ранняя группа бревен, срубленных в 20—30-х годах XIV в., безусловно, связывается со временем возведения новгородцами первых деревянных укреплений на Ореховом острове, уничтоженных затем пожаром 1348 г.⁶

Вторая группа бревен в основном с датами рубки в 1348 и 1359 гг. относится ко времени строительства каменной крепости, начатой новгородским архиепископом Василием в 1352 г. Затем следует почти 60-летний перерыв, прослеживаемый в порубочных датах. Исключение здесь составляют лишь два бревна, срубленных в 70-х годах XIV в. и дошедших до нас уже во вторичном использовании — постройке конца XV в.

Следующая большая группа строительного дерева относится к 1410—1438 гг., когда были срублены различные сооружения на территории ореховского посада. В 1435 г. была сделана первоначальная деревянная облицовка канала, проходящего перед крепостью XIV в. Очевидно, в это время имело место оживление посадской жизни после возведения в 1410 г. каменной стены вокруг посада.⁷

Новый подъем строительства на посаде связывается с 50—70 годами XV в. (группы четвертая и пятая). Дальнейшая судьба строительной деятельности в Орешке остается неизвестной из-за плохой сохранности древесины в верхних слоях.

Самые поздние бревна из числа исследованных относятся к первой четверти XVI в., т. е. ко времени нового крепостного строительства эпохи Московского государства.

⁵ А. Н. Кирпичников. Древний Орешек. «История СССР», 1971, 3; В. А. Сааков, А. Н. Кирпичников. Крепость Орешек. Л., 1972.
⁶ А. Н. Кирпичников. Древний Орешек, стр. 187.
⁷ А. Н. Кирпичников. Изучение древнего Орешка. «АО 1970 г.». М., 1971, стр. 28.

Ю. Ю. МОРГУНОВ

НОВЫЙ ВАРИАНТ ПЕЧАТИ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

Летом 1972 г. во время работ Посульской разведочной группы Института археологии АН СССР на городище в с. Городище на р. Терн (правый приток Верхней Сулы, Сумская обл. УССР) обнаружена свинцовая вислая печать с русской благопожелательной надписью. Городище отождествляется с городом Выханем, упоминаемым впервые в Ипатьевской летописи под 1147 г. Культурные напластования его, насколько можно судить по материалам шурфовки, целиком относятся к домонгольскому времени начиная с XI в.

Печать обнаружена на поверхности распаханного слоя в юго-восточной части площадки городища. Никаких стратиграфических данных об условиях ее залегания получить не удалось.

Булла представляет собой неправильный диск с выемками в верхней и нижней частях, образовавшимися в результате сплющивания канала для шнура. Изображения на обеих сторонах заключены в круговой линейный ободок. В правой части лицевой стороны сохранился второй, точечный ободок, определяющий диаметр штемпелей, которыми печать оттиснута, он равен 24 мм.

На лицевой стороне буллы располагается русская шестистрочная надпись: «Господи помози рабу своем Васильеви на мно лета» (рис. 1, а).

На оборотной стороне помещено погрудное изображение святого Василия Кесарийского в святительских крещатых ризах; правая его рука сложена в благословляющем жесте, в левой — кодекс. По обеим сторонам — колончатая надпись «Оагнос Василю» (рис. 1, б).

Сохранность печати хорошая, лишь в центральной части лицевой стороны буквы слегка расплющены.

Актовые печати с русской благопожелательной надписью появились в конце XI в. и некоторое время сосуществовали с буллами, от которых произошли, с греческим текстом аналогичного содержания. Затем новый тип княжеской печати был активно усвоен русской сфрагистикой первой трети XII в.¹

Погрудно- поясные патрональные изображения одного святого резко преобладают в XI в., а верхней датой их бытования является первая треть XII в., когда их вытесняют ростовые изображения². На оборотной стороне данной печати изображен святой Василий Кесарийский, что определяет ее принадлежность Владимиру — Василию Всеволодовичу Мономаху. Этому не противоречит и палеография надписей.

В. Л. Янин считает, что большая часть известных булл Мономаха принадлежит киевскому периоду его княжения (1113—1125 гг.), что находит подтверждение в единстве их оформления, величине штемпеля и значительной разбросанности мест их нахождения³.

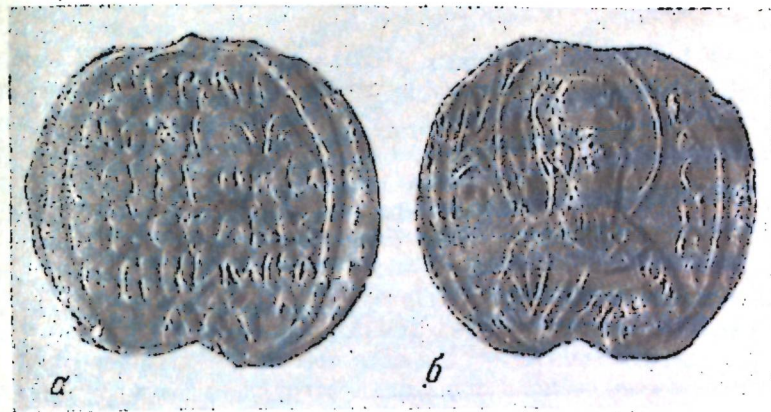
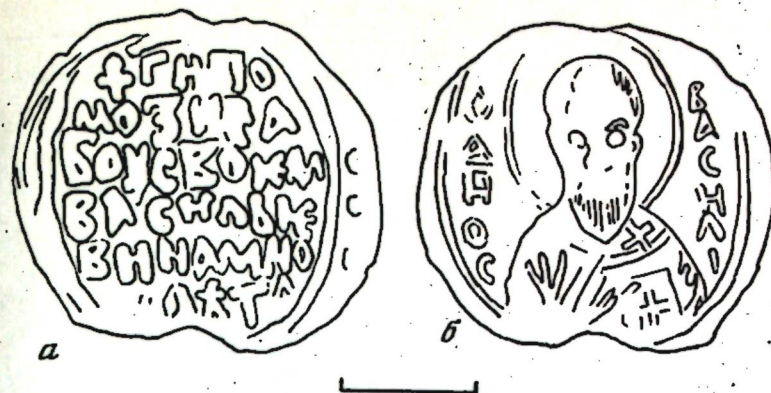

Рис. 1. Печать из села Городище Сумской области
а — лицевая сторона; б — оборотная сторона (увеличено в 2 раза)

Публикуемая печать отличается некоторыми особенностями. Во-первых, в благопожелании добавлено «на мно. лета», — что не характерно для устоявшейся формулы булл киевского периода. Во-вторых, диаметр буллотирия, служащий хронологическим признаком, на этой печати несколько больший. Кроме того, обращает внимание ее определенная стилистическая близость к сфрагистической группе печатей с греческой благопожелательной надписью. Это чувствуется в точной передаче компоновки колончатых надписей на оборотной стороне (в киевский период эти надписи меняются местами) и в стремлении к тщательной детализации реальный патрона. Особенности надписи на лицевой стороне также, по-видимому, свидетельствуют о невозможности отнести буллу к 1113—1125 гг. В частности, надпись в шесть строк встречается в «киевской группе» лишь один раз⁴, в то время, как греко-русские — почти все шестистрочные.

Таким образом, рассматриваемая булла скорее всего относится к переславскому периоду княжения Владимира Всеволодовича (1094—1113 гг.), к тому времени, когда характерной особенностью княжеской сфрагистики является смешение и чересполосица типов, знаменующие период становления нового, целиком русского типа княжеской актовой печати⁵.

В пользу этой датировки свидетельствует и место нахождения буллы — на северо-восточной окраине Переяславского княжества.

¹ В. Л. Янин. Актовые печати древней Руси X—XI вв., т. I. М., 1970, стр. 81.

² Там же, стр. 70 и 81.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 187 (№ 97). Полагаю, что эта печать является самой ранней из русских булл Мономаха, так как надпись на лицевой стороне является точным переводом греческого благопожелания «архонту России».

⁵ Там же, стр. 156.

С. В. БЕЛЕЦКИЙ

МИСКА С НАЛЕПНЫМ ВАЛИКОМ
ИЗ СТАРОГО ИЗБОРСКА

Летом 1964 г. при разведочных работах отряда Псковской археологической экспедиции Гос. Эрмитажа на территории крепости Старого Изборска среди материалов шурфа 2, заложенного в западной стороне крепости между башнями Шурка и Рябиновка, обнаружены фрагменты круговой миски, украшенной по тулову линейным орнаментом и в придонной части наlepным валиком (рис. 1, 1). Высота миски 9,3 см, диаметр устья 14 см, дна — 8,2 см. Толщина стенок 4—5 мм, стенки имеют незначительную выпуклость. Миска темно-серого цвета, хорошего обжига. В изломе видны частицы дресвы. По венчику идет небольшое утолщение. Валик украшен косыми насечками. Донная часть сформована характерным для мисок и мискообразных сосудов косо срезанным утолщением¹.

Стратиграфически датировка находки затруднена ввиду чрезвычайной перемешанности слоя и хронологической разнородности сопутствующего материала. Однако эта миска представляет несомненный интерес в связи с проблемой происхождения круговой керамики горизонтов X—XI вв. на памятниках Северо-Запада РСФСР². Среди керамических коллекций из раскопок в Пскове имеется некоторое количество фрагментов, сосудов, украшенных наlepными валиками, по которым, обычно, идет штампованный или нарезной орнамент. Датировка их не выходит за рамки X—XI вв.³ Аналогичная керамика встречается на ряде памятников Северо-Запада РСФСР и Белоруссии⁴. Материалы обнаруживают несомненные параллели в западнославянских древностях⁵. Заметим, кстати, что вопрос

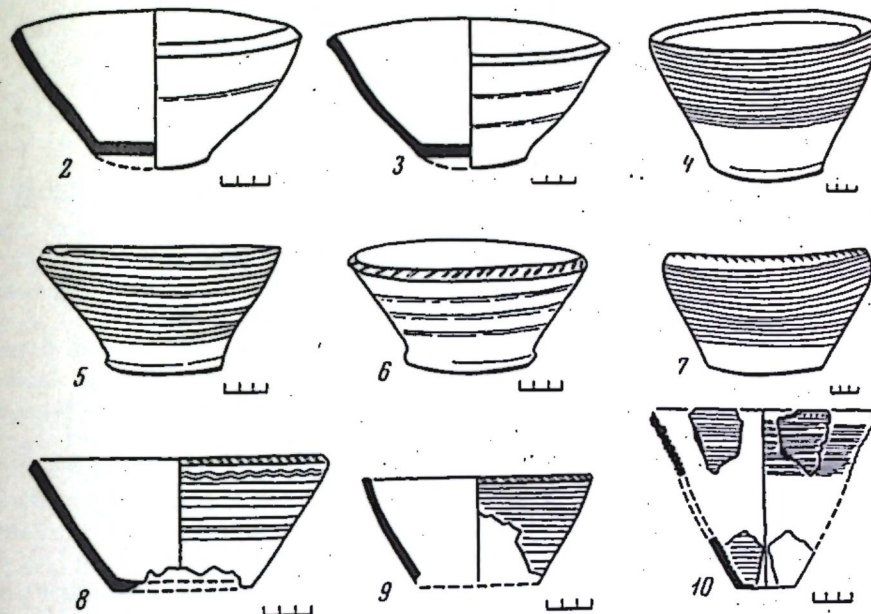
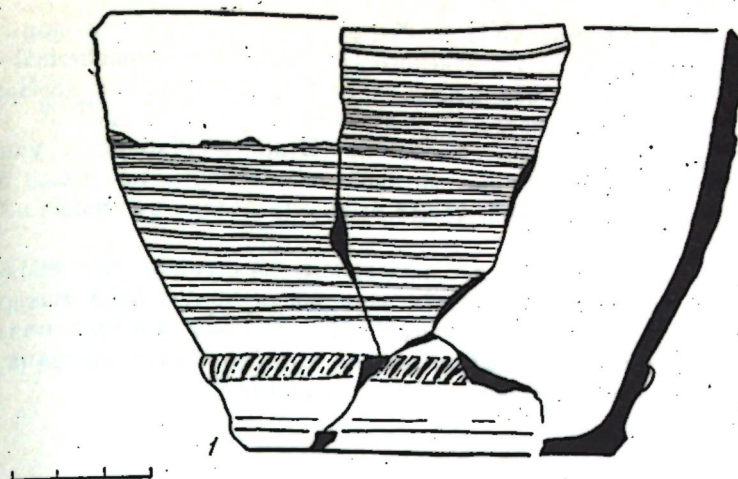

Рис. 1. Миски „гарцского“ типа

1 — Изборск; 2, 3 — Коввала; 4 — Блосени; 5, 7 — Губен; 6 — Непермин; 8 — Тетерев; 9 — Ховин-цирты; 10 — Ленковское поселение; 2, 3, 8, 9 — по Э. Шульдту; 4—6 — по Х. Кюрру; 10 — по М. В. Малевской

о периодизации керамики с наlepными валиками пока остается открытым⁶; в поморских древностях валики как будто бы доживают до XII в.⁷, однако на памятниках территории СССР они не выходят за пределы XI в.

Прямых аналогий старонизборской миске пока не известно. Сходные миски конических форм на Северо-Западе РСФСР до настоящего времени вообще не отмечались. На территории нашей страны они известны в единичных экземплярах лишь значительно западнее⁸. Исследователи дати-

¹ Хранится в фондах Изборского музея (полевой шифр НК-64/160—164).

² См.: В. Д. Белецкий. Раскопки Древнего Пскова в 1964 году. «Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1964 год». Л., 1965, стр. 29; он же. Древний Псков по материалам археологических раскопок экспедиции Государственного Эрмитажа. СГЭ, XXIX, стр. 7; Г. П. Смирнова. Древнейшая керамика Новгорода (рукопись) и др.

³ Г. П. Гроздилов. Раскопки Древнего Пскова. АСГЭ, вып. 4. Л., 1962, стр. 56, рис. 62.

⁴ Керамика с наlepными валиками представлена в Новгороде в 28—25 ярусах (Г. П. Смирнова. Указ. соч.). Ближайшие материалы имеются среди коллекций из раскопок в Приладожье, Гнездове, Новогрудке, Белоозере, Ладоге, Рязани, в Городке на р. Ловать (Древние Луки) и др.

⁵ E. Schuldt. Die slawische Keramik in Mecklenburg und ihre Datierung. «Jahrbuch der Bodendenkmalpflege in Mecklenburg». Schwerin, 1954, стр. 156, рис. 105, 2, 3; idem. Die slawische Keramik in Mecklenburg. «Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte», Bd. 5. Berlin, табл. 70, 71, 73 и др.; L. Rauhut, J. Rauhutowa, S. Potemski. Sprawozdanie z badań wykopaliskowych w Fordonie pow. Bydgoszcz na grodzisku «Wyszogrod», w roku 1958. «Wiadomości Archeologiczne», XXVI. Warszawa, 1959—1960, стр. 151, XIX, 5; E. Kuszcwiska. Górzdziej wczesnośredniowieczny w świetle wstępnych prac archeologicznych. «Gdańsk wczesnośredniowieczny», IV. Gdańsk, 1961, стр. 171, рис. 23, e, f; L. Lecięjewicz. Ujście we wczesnym średniowieczu. «Polskie badania archeologiczne», 8. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1961, стр. 48, рис. 58, 2, стр. 88, рис. 110, 2 и др.

⁶ Сравн.: М. В. Малевская. О датировке нижнего горизонта Новогрудка. КСИА, вып. 104, 1965, стр. 92; Н. Д. Зильманович. Раскопки в детинце Новогрудка в 1962 году. КСИА, вып. 104, стр. 95.

⁷ F. Bialecka. Ceramika ze stanowiska wykopaliskowego 4 w Wolinie. «Materiały Zachodnio Pomorskie», t. VII. Szczecin, 1961, рис. XXIII, 4—5, XXVI, 1, 8.

⁸ Например, М. В. Малевская, П. А. Ратпопорт, Б. А. Тимошук. Раскопки на Ленковском поселении в 1967 году. СА, 1970, № 4, рис. 6, 36.

руют их временем не ранее XII в. Характерность подобных форм отмечена для береговой части Германского Поморья (так называемый «гардский тип») ⁹, откуда они в единичных экземплярах проникали до Бранденбурга и Лужицы ¹⁰. Датируются здесь эти миски XI—XII вв. ¹¹

Таким образом, датировка миски из Старого Изборска, учитывая время бытования орнаментальных мотивов, включающих наклепные валики со штампом или косой насечкой, может быть определена временем не позднее XI в.

До работ 1964 г. Изборск и близлежащие памятники уже обследовались ¹². Однако исследователи не отмечали среди полученных материалов западнославянских керамических форм ¹³. Публикуемая находка позволяет включить Изборск в число памятников, на которых зафиксирована керамика, имеющая параллели в поморских древностях ¹⁴.

⁹ Термин введен Э. Шульдтом (E. Schuldt. Die slawische Keramik in Mecklenburg und ihre Datierung, стр. 160, рис. 105, 2, 3). По X. Кнорру, это — «померанский тип» (H. A. Knorr. Die slawische Keramik zwischen Elbe und Oder. Mannus-Bibl., t. 58. Leipzig, 1937, tabl. 7, d; 8, e, f).

¹⁰ Z. Vaňa. Misy v' Západoslovanske keramice. «Pamiatky archeologické», XLIX, 1958, c. I, стр. 185—247, рис. 1, II, b, c; 8, 2—5; 9, 1—2.

¹¹ Z. Vaňa. Op. cit.; E. Schuldt. Die slawische Keramik in Mecklenburg und ihre Datierung, стр. 160, 161, рис. 108, 1, 4, 5; idem. Die slawische Keramik in Mecklenburg, стр. 51, табл. 91, 92, 94; B. Lepoyna. Garucarswo Gdańskie w X—XII wieku... Gdańsk wczesnośredniowieczny», t. VII. Gdańsk, 1968, стр. 35, 36, рис. 48, c, e, f, 49, b, 50, b, c, e, f, g.

¹² С. А. Тараканова. Старый Изборск. КСИИМК, вып. XX, 1948, стр. 89—96; Г. П. Гроздилов. Археологические памятники Старого Изборска. АСГЭ, вып. 7, 1965, стр. 65—88.

¹³ В настоящее время в Старом Изборске работает экспедиция ИА АН СССР под руководством В. В. Седова. Однако в предварительном сообщении вопрос о западнославянских керамических формах не прозвучал (В. В. Седов. Раскопки в Изборске. «АО 1971 г.», М., 1972, стр. 26—28). Очевидно, ответ на него — дело будущего. Это положение уже высказывалось. См.: В. Д. Белецкий. Раскопки Древнего Пскова в 1964 году, стр. 29.

III. ХРОНИКА

М. Д. ПОЛУБОЯРИНОВА

РАБОТА СЕКТОРА
СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР В 1973 Г.

В 1973 г. сектор продолжил разработку двух основных проблем: этногенез и культура славян и их соседей, история и культура Древней Руси.

В этом году было закончено и доложено сектору несколько окончанных плановых тем.

А. К. Амброз закончил работу «Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы». В работе логично, четко и убедительно разработана хронология малоизученного периода Восточной Европы, уточнена датировка памятников, служащих хронологическими эталонами.

Н. Н. Велецкой закончена работа по теме «Архаические черты славянской погребальной обрядности», где данные этнографии по этому вопросу сочетаются с материалами фольклора и письменных источников. К сожалению, археологические материалы автором почти не затрагиваются.

В. П. Даркевич закончил исследование по теме «Произведения художественного ремесла Ирана, Средней Азии и Закавказья в Восточной Европе (VIII—XIII вв.)». Автору удалось классифицировать все публикуемые вещи по художественным центрам Востока.

А. А. Медынцева доложила о работе по теме «Древнерусские надписи-граффити из новгородского Софийского собора». Исследование представляет собой расширенный и дополненный вариант кандидатской диссертации А. А. Медынцевой. Анализ надписей на стенах Софийского собора привел автора к ряду интересных исторических выводов.

Т. В. Николаева представила работу «Прикладное искусство Московской Руси». Она собрала и ввела в научный оборот много художественных предметов, относящихся к этому малоизученному периоду, выделила локальные художественные центры и воссоздала стройную картину развития древнерусского прикладного искусства второй половины XIII—первой четверти XVI в. Работа рекомендована сектором для защиты докторской диссертации.

М. Д. Полубояринова представила работу «Русские в Золотой Орде». Автором собран археологический материал и данные письменных источников относительно пребывания разных социальных категорий русского населения в городах и поселках Золотой Орды. Работа рекомендована к защите в качестве кандидатской диссертации.

Р. Л. Розенфельд закончил работу под названием «Древнерусская игрушка», где сведены все находки игрушек на древнерусских памятниках.

Сектор также заслушал доклад и обсудил работу А. А. Юшко «Историческая география Московской земли XII—XIV вв.», представленную как кандидатская диссертация и рекомендовал ее к защите.

В 1973 г. велись полевые исследования на ряде археологических памятников, относящихся как к I тысячелетию н. э., так и к эпохе Древней Руси.

И. П. Русанова провела разведки по р. Уж и открыла много поселений, относящихся к киевской культуре и культуре типа Корчак.

Верхнеокская экспедиция (рук. Т. Н. Никольская) проводила разведки и раскопки в Орловской области на селище у пос. Кромы, раскопаны слои домонгольского времени и XIV—XVII вв. На одном участке в нижней части культурного слоя вскрыта землянка с роменской и салтовской керамикой.

Изборская экспедиция (рук. В. В. Седов) продолжала исследования Труворова городища. Вскрыта большая площадь. Разрезан вал, установлено, что вал был сооружен в 2 приема: в X—начале XI в. и в первой половине XII в. Среди курганов XI—XII вв., раскопанных у д. Малы, раскопано 2, у которых склоны выложены камнями и труположения совершены в саркофагах, сложенных из каменных плит.

С. А. Плетнева завершила на данном этапе исследование в Белгородской области Дмитровского археологического комплекса, относящегося к салтово-маяцкой культуре (VIII—IX вв.) и состоящего из городища, селища и могильника.

Суджанский отряд (рук. А. В. Куза) продолжил раскопки роменского городища у с. Горналь (Курская обл.), датирующегося VIII—X вв. Найдено множество вещей, среди которых вновь встречены серебряные имитации диргемов, изготовленные, по-видимому, на месте.

Вазузская экспедиция (рук. К. А. Смирнов) исследовала городище у д. Хлепень (Московская обл.). Обнаружены остатки русского поселения XII—XIII вв., в основании слоя — вещи VI—VII вв.

Старорязанская экспедиция (рук. В. П. Даркевич) продолжала исследования прибрежной части городища. Вскрыто богатое жилище второй половины XII—начала XIII в. и много производственных построек. На пахоте найдено еще несколько серебряных вещей из клада 1970 г.

Вологодская экспедиция (руководитель А. В. Никитин) раскопала 60 курганов XI—XIV вв. Выяснена эволюция обряда от языческого времени к христианству; установлены непрерывные связи с южными районами Руси, а в более раннее время — с восточными и западными соседями.

Новгородская экспедиция работала на Троицком раскопе (Людин конец), где обнаружены слои конца XI—XIV в. Характер находок и содержание грамот говорят о церковной принадлежности раскрытой здесь большой усадьбы. На другом раскопе, Славянском конце, исследовалась усадьба феодала, где найдены печать с надписью «Печать Великого Новгорода», приказная печать с изображением Бориса и Глеба. На этом участке обнаружена дренажная система неизвестной конструкции.

Старорусская экспедиция (рук. А. Ф. Медведев) вела раскопки близ курорта, вскрыто 18 различных построек, в том числе жилые дома площадью до 72 кв. м, большие солеварни. Среди находок — 4 берестяные грамоты XII—XIV вв.

Д. А. Беленькая в составе Московской экспедиции вела археологические наблюдения при реставрации церкви Георгия в Китай-городе и Английского двора.

Р. Л. Розенфельдт раскопал под Москвой 9 вятичских курганов XII—XIII вв.

В отчетном году были проведены 24 заседания сектора славяно-русской археологии, где помимо перечисленных выше законченных плановых тем, было заслушано несколько докладов по текущим темам (Л. В. Алек-

сеев, И. П. Русанова), а также ежегодные отчетные доклады по результатам полевых исследований.

Кроме того, было заслушано и обсуждено несколько интересных докладов ученых из других научных учреждений: Д. А. Авдусина (МГУ) «Скандинавские погребения Гнездовского могильника»; А. К. Зайцева (Институт истории СССР АН СССР) «О местонахождении древнего Домогоща»; П. А. Раппопорта (ЛОИА АН СССР) «Древнерусское жилище»; П. П. Толочко (ИА АН УССР) «Новые исследования Киева»; Г. А. Федорова-Давыдова (МГУ) «Новые исследования золотоордынских городов Поволжья». Заслушанную работу И. М. Линдера «Типология древнерусских шахмат» сектор рекомендовал к защите в качестве кандидатской диссертации. Доклад П. Н. Аркатова (г. Владимир) «Новый вариант реконструкции церкви Покрова на Нерли» вызвал много критических замечаний, хотя с общей идеей упрощения реконструкции церкви Покрова ряд ученых согласился.

Ежегодная отчетная Сессия 1973 г. отделения исторических наук АН СССР состоялось в Самарканде. В ее работе приняли участие 11 наших сотрудников, из них с докладами на секциях выступили А. К. Амброз, В. П. Даркевич, М. Д. Полубояринова. С. А. Плетнева сделала пленарный доклад о половецких каменных изваяниях.

На IV Всесоюзной конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии В. В. Седовым был прочитан доклад «Скифо-сарматское воздействие на культуру древних германцев Скандинавии и Южной Балтики».

Т. В. Николаева на Научной конференции Сектора истории древнерусского искусства Института истории искусств Министерства культуры СССР выступила с докладом «Гуманистические черты Предвозрождения в новгородском прикладном искусстве XIV в.».

А. В. Никитин участвовал в работе Научной сессии Вологодского музея и выступил там с докладом «Археологические исследования в Вологодской области за 50 лет».

За 1973 г. вышел из печати ряд книг сотрудников сектора. В серии САИ — книги И. П. Русановой «Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом» и С. А. Плетневой «Древности черных клобуков»; в серии научно-популярной литературы вышел альбом Т. И. Макаровой «Поливная керамика в древней Руси»; Л. А. Голубева опубликовала книгу «Весь и славяне на Белом озере, X—XIII вв.», которую сектор представил для защиты докторской диссертации; А. Л. Монгайт выпустил в свет первый том своего труда «Археология Западной Европы»; Р. Л. Розенфельдт и А. А. Юшко — книгу «Список археологических памятников Московской области».

В вышедшем в 1973 г. выпуске № 135 Кратких сообщений ИА АН СССР опубликованы статьи Д. А. Беленькой, Л. А. Голубевой, Т. И. Макаровой, А. А. Медынцева, Т. Н. Никольской, Т. В. Равдиной, Р. Л. Розенфельдта, И. П. Русановой, М. В. Седовой, В. В. Седова. О результатах полевых исследований сообщается ежегодно в сборнике «Археологические открытия». Всего в различных изданиях за 1973 г. опубликовано более 40 статей сотрудников сектора.

В 1973 г. В. В. Седов и С. С. Ширинский побывали в командировке в Чехословакии, где они изучали материалы в связи со своими плановыми темами.

А. В. Куза работал в составе Советско-Иракской археологической экспедиции.

В составе сектора славяно-русской археологии в 1973 г. работали 30 сотрудников. Осенью 1973 г. сектор возглавила доктор исторических наук С. А. Плетнева, в связи с большой загруженностью академика Б. А. Рыбакова. На В. В. Седова возложены обязанности заведующего сектором Сводов.

ИНФОРМАЦИЯ О ДОКЛАДЕ П. Н. АРКАТОВА О НОВОЙ ИДЕЕ ГРАФИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ХРАМА ПОКРОВА НА НЕРЛИ

25 января 1973 г. на заседании сектора Славяно-русской археологии был заслушан доклад художника П. Н. Аркатова (Владимир), посвященный новой идее реконструкции церкви Покрова на Нерли (рис. 1).

Доклад вызвал оживленное обсуждение и разноречивые оценки.

Выступили: К. Н. Афанасьев, В. Г. Брюсова, Г. К. Вагнер, Н. Н. Воронин, А. Комеч, Т. П. Кудрявцева, Б. А. Рыбаков, Н. С. Шеляпина и др.

Ряд выступавших выразил неудовлетворенность аргументацией докладчика. Тем не менее, руководство сектора считает полезным публикацию основной идеи автора в целях более широкого научного обсуждения ее и для закрепления авторства за П. Н. Аркатовым.

Сущность доклада сводится к следующему:

1. Основой для всех реконструкций церкви Покрова на Нерли являются чертежи Н. А. Артлебена (1858 г.), дополненные повторными раскопочными данными Н. Н. Воронина 1954—1955 г. (рис. 2).

2. Реконструкция Н. Н. Воронина представляется излишне громоздкой; главный ее минус — основная часть храма, скрытая массивной галереей, как кожухом. С близкого расстояния видна только галерея.

3. Предпринимая новую попытку реконструкции церкви Покрова на Нерли, необходимо правильно истолковать узкий фундамент дополнительного сооружения (менее метра шириной), прослеженный Н. А. Артлебенем вокруг всего храма на расстоянии около 2,5 м от его стен.

Наиболее вероятным следует считать предположение, что это — фундамент невысокой защитной стенки, предназначавшейся для ограждения основного здания от последствий половодья¹.

4. Значительное расширение фундамента (примерно до двух метров) у юго-западного угла несомненно связано с единственной дверью на хоры, имеющейся в юго-западном углу здания на крайнем западном прясле южного фасада выше аркатурного пояса. Войти в эту дверь и попасть на хоры можно было только при помощи какой-то лестницы.

5. Расширенный фундамент у юго-западного угла предназначался для каменной наружной лестницы в два марша, выведенной на уровень аркатурного пояса и двери.

Лестница соединялась со стеной храма посредством арки.

6. Предлагаемый новый проект графической реконструкции имеет преимущество — весь храм открыт и обозрим со всех сторон, — объясняет различие симметричных вертикальных частей западного фасада.

7. Зодчий Покрова на Нерли хорошо учитывал общее оптическое впечатление от северного и южного фасадов храма: те прясла стен, которые были ближе к апсидам, он сознательно сузил для того, чтобы выступающие за линию фасада апсиды меньше нарушали общую симметрию всего здания. Подобное сознательное сужение одного из прясел наблюдается и на западном фасаде: сужено южное звено, близкое к фундаменту предполагаемой лестницы. Это могло быть сделано только в расчете на то, что подобная зодческая хитрость частично уравнивает в глазах зрителя примыкающую в этом месте лестницу.

¹ При обсуждении доклада было отмечено, что проект реконструкции, предложенный П. Н. Аркатовым, не разъясняет назначения внутренних пилястр обводной стенки, расположенных против пилястр самого храма.

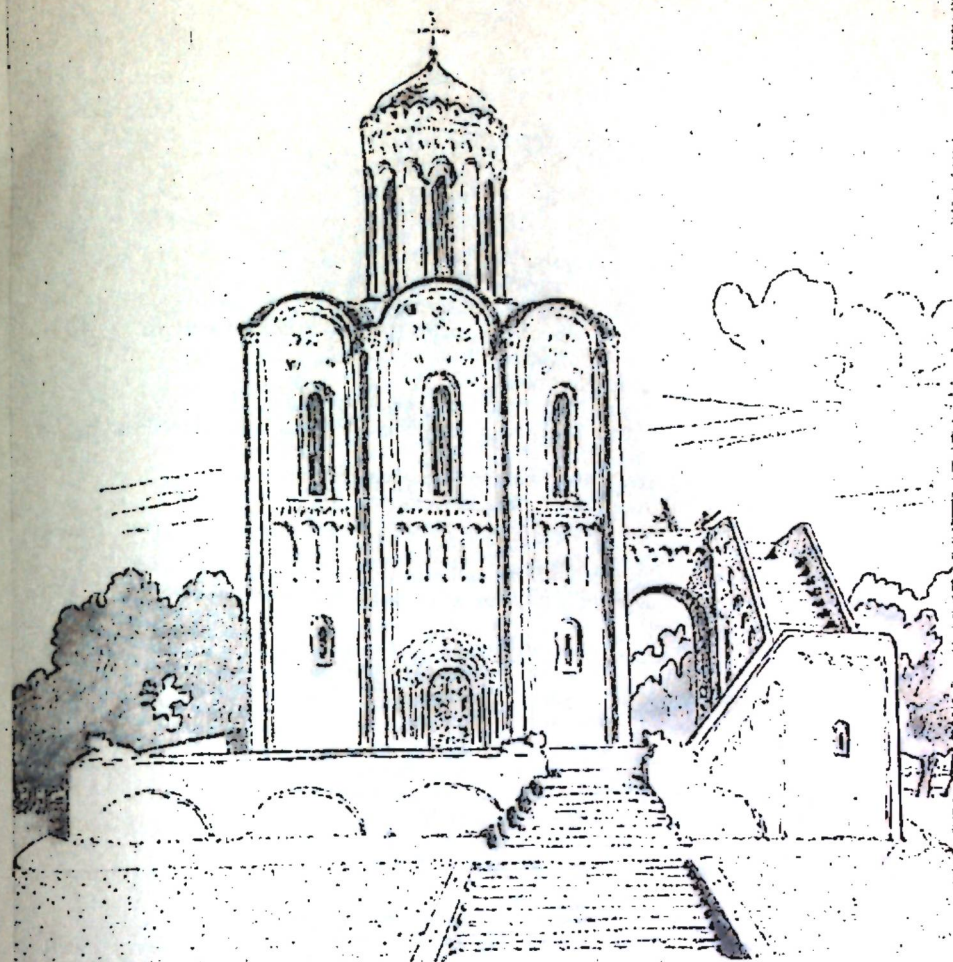

Рис. 1. Графическая реконструкция первоначального вида церкви Покрова на Нерли (рисунок П. Н. Аркатова)

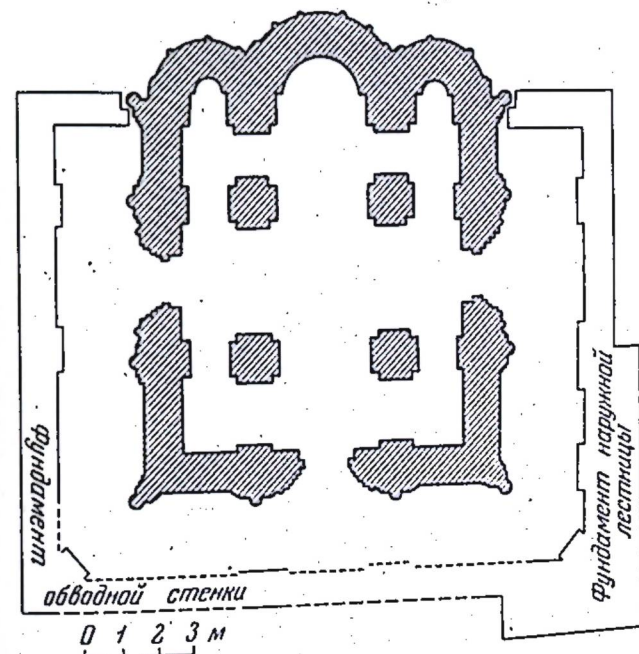

Рис. 2. План церкви Покрова на Нерли с показом фундамента, обнаруженного А. Н. Артлебенем

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия
АП	— Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА	— Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
РАО	— Записки Русского археологического общества
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИОЛЕА	— Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАВГР	— Материалы по археологии восточных губерний России
МАД	— Материалы по археологии Дагестана
МАК	— Материалы по археологии Кавказа
МАР	— Материалы по археологии России
МГУ	— Московский Государственный университет
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МИРМ	— Музей истории и реконструкции Москвы
МИСО	— Материалы по истории Смоленской области
НИИ	— Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ИЯЛ	
ОИПК	— Отдел истории первобытной культуры в Эрмитаже
ПКА	— Працы катэдра археалёгіі. Запіскі Аддзелу гуманітарных наук Інстытуту беларускае культуры
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских Институтов общественных наук
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СГЭ	— Сборник Государственного Эрмитажа
ЦГАДА	— Центральный Государственный архив древних актов

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи

Е. А. Горюнов. О памятниках волинцевского типа	3
В. А. Кузнецов. А. А. Медынцева. Славяно-русская надпись XI в. из с. Преградного на Северном Кавказе	11
М. А. Сабурова. О женских головных уборах с жесткой основой в памятниках домонгольской Руси	18
Т. Н. Никольская. Сельское хозяйство и промыслы в городах Земли вятичей	23
А. Н. Кирпичников. Мечи из раскопок древнего Изяслава	30
Е. А. Рябинин. Зооморфные украшения Костромского Поволжья	35
А. В. Чернецов. К изучению символики новгородских врат 1336 г.	40
Д. А. Беленькая. О грамотности московских горожан в XIV—XVII вв.	47
Т. В. Равдина. Болшевские находки и одна коллекционная ошибка	54

II. Полевые исследования

А. В. Гадло. Городище Казар-кала (к вопросу о хазарской культуре в Северном Дагестане)	60
В. В. Седов. Раскопки в Изборске в 1971 и 1972 гг.	67
П. А. Раппопорт, Е. В. Шолохова. Раскопки церкви у устья р. Чуриловки в Смоленске	75
В. А. Булкин. Курган 7 из раскопок С. И. Сергеева в Гнездове	81
З. М. Сергеева. Курганы у дер. Новинки (Витебская обл.)	85
К. И. Комаров. Новые раскопки Купанского могильника	91
М. Е. Васильев. Городище Заволочье	95
Н. Б. Черных. Дендрохронология древнего Орешка	100
Ю. Ю. Моргунов. Новый вариант печати Владимира Мономаха	104
С. В. Белецкий. Миска с налепным валиком из Старого Изборска	106

III. Хроника

М. Д. Полубояринова. Работа сектора славяно-русской археологии Института археологии АН СССР в 1973 г.	109
Информация о докладе П. Н. Аркатова о новой идее графической реконструкции храма Покрова на Нерли	112
Список сокращений	114

Средневековые древности Восточной Европы
КСИА, вып. 144

*Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии АН СССР*

Редактор *Г. Н. Садокова*. Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технически редакторы *Т. И. Жарикова, Е. Н. Ефтянова*

Сдано в набор 20/II 1975 г. Подписано к печати 23/VI 1975 г.
Формат 70×108³/₁₆. Бумага № 2. Усл. печ: л. 10,15.
Уч.-изд. л. 10,1. Тираж 2250. Т-10534. Тип. зак. 130.
Цена 61 коп.

Издательство „Наука“
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства „Наука“
199034, Ленинград, В-34, 9-я линия, д. 12